

ПУШКИНЪ

и

ЕГО СОВРЕМЕННОИКИ.

Материалы и изслѣдованія.

Выпускъ IV.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ КОМИССИИ ДЛЯ ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА ПРИ
ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ
НАУКЪ.

С.-Петербургъ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1906.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1906 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Пушкинская коллекція, принесенная въ даръ библиотекѣ Академіи Наукъ А. А. Майковой. В. И. Срезневскаго	1—38.
Собраніе автографовъ Пушкина, принесенное въ даръ рукописному отдѣленію библиотеки Императорской Академіи Наукъ Е. А. Масальской-Сурипой (рожд. Шахматовой). В. И. Срезневскаго	39—46.
Къ литературной исторіи «Исторіи села Горохина». В. В. Сиповскаго	47—58.
«Русланъ и Людмила» (Къ литературной исторіи поэмы). В. В. Сиповскаго	59—84.
Къ исторіи «Современника» (Письма В. А. Жуковскаго къ С. С. Уварову). Вадима Модзалевскаго	85—89.
Василій Петровичъ Зубковъ и его Записки. В. Л. Модзалевскаго (съ портретами и рисунками)	90—186.
Григорій Александровичъ Пушкинъ. Личныя воспоминанія. Ю. М. Шовальскаго (съ портретомъ)	187—195.
Замѣчанія и поправки Е. Г. Вейденбаума и Г. А. Тройницкаго	196.
Указатель	197—210.

•

**Пушкинская коллекція,
принесенная въ даръ библіотекъ Академіи наукъ
А. А. МАЙКОВОЙ.**

Въ 1904 году рукописное отдѣленіе библіотеки Академіи наукъ обогатилось цѣннѣйшимъ собраніемъ автографовъ Пушкина, принесеннымъ въ даръ Академіи вдовой покойнаго Леонида Николаевича Майкова Александрой Алексѣевной Майковой. Это собраніе, вмѣстѣ съ присоединенной къ нему тѣмъ же лицомъ коллекціей книгъ и гравюръ, имѣющихъ отношеніе къ Пушкину, положило основаніе новому отдѣлу рукописнаго отдѣленія, названному по постановленію конференціи Академіи Пушкинскимъ отдѣломъ имени Л. Н. Майкова.

Даръ А. А. Майковой можетъ быть раздѣленъ на слѣдующія шесть частей: 1) Автографы Пушкина; 2) Переписка; 3) Копіи его произведеній; 4) Изображенія Пушкина, портреты лицъ, съ которыми онъ находился въ сношеніяхъ, снимки картинъ и виды мѣстностей, такъ или иначе касающихся Пушкина; 5) Изданія сочиненій Пушкина; 6) Литература о Пушкинѣ. Въ настоящее описаніе введены только отдѣлы 1-ый, 2-ой и 3-ій.

При передачѣ въ библіотеку своего дара жертвова-

тельница поставила условіемъ, чтобы право перваго пользования Пушкинскими матеріалами и опубликованія ихъ принадлежало Академіи наукъ и чтобы опубликованіе это произошло въ академическомъ изданіи Сочиненій Пушкина, начатомъ Леонидомъ Николаевичемъ Майковымъ. Въ виду этого въ представляемомъ ниже обзорѣни коллекціи дано только сухое и краткое внѣшнее описаніе каждой рукописи безъ приведенія какихъ бы то ни было выписокъ изъ неизвѣстныхъ текстовъ или новыхъ вариантовъ къ текстамъ извѣстнымъ. Внѣшнее описаніе дало, впрочемъ, нѣсколько разъ поводъ къ невольнымъ поправкамъ въ хронологіи произведеній Пушкина, невольнымъ оттого, что онѣ непосредственно связаны съ описаніемъ внѣшности рукописей, играющимъ, какъ извѣстно, нерѣдко первенствующую роль въ опредѣленіи ихъ времени. Надѣмся, что этими замѣтками не будетъ нарушено желаніе жертвовательницы и не превыситя обычное право описателя.

Для избѣжанія неясностей въ описаніи слѣдуетъ отмѣтить, что: 1) если въ немъ не говорится, на какомъ языкѣ писана рукопись, то это обозначаетъ, что языкъ рукописи русскій, 2) если не говорится, что рукопись писана карандашомъ, то значитъ — писана черниломъ. Слова, поставленные въ ковычки, взяты изъ текста рукописи. Прямые скобки [ ] обозначаютъ добавленія описателя.

Объясненія сокращеній: Ак. изд. — Сочиненія Пушкина, изд. Имп. Академіи наукъ [подъ ред. Л. Н. Майкова], изд. 2, 1900. — Анн. изд. — Сочиненія Пушкина, изд. П. В. Анненкова, 1855 — 1857. — Лит. ф. — Сочиненія А. С. Пушкина, изд. Общ. для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ подъ ред. П. О. Морозова, 1887. — Ефр. — Сочиненія А. С. Пушкина, ред. П. А. Ефремова, 1903 — 1905.

І. Автографы Пушкина.

1. Стихотворенія.

1). *Бова*, отрывокъ (1815 г.). Въ листъ, на 1-мъ листѣ. Бумага грубая сѣрая со знакомъ 1813 г. На оборотной сторонѣ краснымъ черниломъ цифра 24. Бѣловой списокъ. Начальныя слова „Видитъ тѣнь иль призракъ стараго...“, послѣднія — „На такое предложеніе“; — стихи 196 — 246 (Ак. изд., 1. стр. 101—102). Варианты къ обычному тексту отмѣчены Л. Н. Майковымъ (Ак. изд., 1. 119 — 120).

2). „*Къ Каверину*“ и „*Добрый советъ*“ (1817). Обрывокъ листа. Бумага съ знакомъ 1823 г. На об. краснымъ черниломъ 13. Позднѣйшія копи. Первая пьеса на лицевой сторонѣ съ помѣтой 1817, вторая — на оборотной; первая сохранилась не полностью. Слово „Добрый“ въ заглавіи второй пьесы прибавлено, повидимому, не Пушкинымъ. Надъ заглавіемъ первой приписано: „Къ Щерб. 1819), къ Дав.“ (Ак. изд., 1. стр. 242 и 247, прим. 361 и 371 — 377).

3). „*Таврическая звезда*“ (1820). Въ четвертку, на 1 листѣ. Почтовая бумага со знакомъ 1814 г. Среди текста красная цифра 3. Поправокъ очень немного. Въ изданіяхъ безъ заглавія; нач. „*Рядъетъ облаковъ летучая града...*“ (Анн. 2. 270; Лит. ф. 1. 225).

4). „*Что съ тобой, скажи мнѣ, братецъ...*“. Листокъ въ четвертку. Бумага сѣроватая. Въ срединѣ красная цифра 11. Черновикъ. Въ сравненіи съ текстомъ, напечатаннымъ И. А. Шляпкинымъ (Изъ неизд. бум. Пушкина, с. 66), есть одна поправка. Текстъ писанъ съ одной стороны бумаги.

5). „*Наперсница волшебной старины...*“ (1821). Въ четвертку, на 1 л. Синяя бумага. Среди текста краснымъ черниломъ цифра 49. Бѣловой списокъ съ немногими поправками (Лит. ф. 1. 246).

6). „*Кто видѣлъ край...*“ — *Желаніе* (1821). Въ 8-ую долю, на 2-хъ листкахъ. Среди текста красныя цифры 33 и 34. Заглавія въ рукописи нѣтъ. Второй листокъ писанъ съ одной стороны. Бѣловой списокъ съ многими поправками (Анн. 2. 284 — 286; Лит. ф. 1. 235 — 237).

7). „*Недавно я въ часы свободы...*“ — *Сѣтованія* (1821). Въ 8-ую долю, на 1 л. Синяя бумага — та же, что въ № 5 („Наперсница...“); среди текста красная цифра 15. Заглавія въ рукописи нѣтъ. Списокъ съ многими поправками (Анн. 2. 289 — 290; Лит. ф. 1. 247).

8). „*Она меня зоветъ, поѣду или нѣтъ...*“ (1821). Въ листъ, на 1 л. Среди страницы красная цифра 4. Текстъ писанъ карандашомъ; много помарокъ. У Анненкова безъ 1-й строки и безъ конца (т. 1. 352); точно такъ же и въ изд. Лит. ф. — подъ загл. *Отрывокъ изъ комедіи* (т. 2. 313).

9). *Война*, отрывокъ (1821). Обрывокъ листа сѣровой бумаги. На об. красная цифра 1. Нач.: „Паденье грозное Беллониныхъ дѣтей...“ (въ печ. текстѣ: Паденье ратныхъ и вождей — въ настоящей рукописи это первоначальная редакція); послѣдній стихъ на лицевой сторонѣ: „Кончину ль темную...“. На об. послѣднія двѣ строчки стихотворенія, дата „29 ноябр. 1821“ (ранѣе было написано „окт.“), монограмма А П. и какія то вычисленія. Поправокъ немного (Анн. 2. 292 — 293; Лит. ф. 1. 257).

10). *Бахчисарайскій фонтанъ*, отрывокъ (1822). Въ четвертку, на 1 л. На оборотной сторонѣ среди текста краснымъ черниломъ цифра 47. На лицевой сторонѣ: „Вступленье“; нач.: „Печалень будетъ мой разказъ...“ (Анн. 1. 104). На об. отрывокъ конца поэмы; нач.: „Покинувъ сѣверъ наконецъ...“, конч.: „Сія надгробные столбы...“. Бѣловой списокъ съ немногими поправками (Анн. 3. 218; Лит. ф. 2. 335 — 336).

11). „*Межъ горныхъ стѣнъ несетъ шумный Терекъ...*“

(1822 ?). Въ четвертку, на 1 л. Среди текста красная цифра 33. Черновой набросокъ. На об. набросокъ посвященія *Бахчисарайскаго фонтана* кн. П. А. Вяземскому.

12). „*Язвительный поэтъ, острякъ замысловатой...*“ (1822) — *Кн. П. А. Вяземскому*. Въ четвертку, на 1 л. Синяя бумага. Среди текста красная цифра 14. Черновикъ (начало стихотворенія—см. Лит. ф. 1. 283). На об. послѣ окончанія первой пьесы въ другомъ направленіи отрывки нѣсколькихъ стихотворныхъ набросковъ.

13). „*Сегодня я поутру дома...*“ (1822). Въ четвертку, на 1 л. Грубая сѣрая бумага со знакомъ 182? г. Среди текста красная цифра 46. Повидимому, бѣловой списокъ, съ немногими передѣлками. Внизу листа мужской профиль. Писано съ одной стороны бумаги (Анн. 7. 84—85; Лит. ф. 1. 284).

14). „*Недвижный стражъ дремалъ...*“ (1823). Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. На лицевыхъ сторонахъ листовъ краснымъ черниломъ цифры: 41, 42. Рукопись представляетъ собою перебѣленный экземпляръ, но съ рядомъ новыхъ поправокъ и передѣлокъ (Лит. ф. 1. 296—298).

15). *Первое посланіе цензору*, отрывокъ (1824). Въ 8-ую долю, на 1 л. Сѣровая бумага. На об. сторонѣ красная цифра 4. Безъ заглавія; нач.: „Потребности ума не всюду таковы...“; конч.: „А ты глупецъ и трусь...“. Редакція первоначальная. Черновикъ (Лит. ф. 1. 315—316).

16). *Коварность* (1824). Въ четвертку, на 1 л. Грубая сѣрая бумага. Среди текста красная цифра 53. Нижняя часть листа оторвана; поэтому въ рукописи середины пьесы недостаетъ: на лицевой сторонѣ 12 начальныхъ строкъ, на оборотной 4 заключительныхъ. Заглавія нѣтъ. Въ концѣ приписано: „18 окт. 1824. Мих[айловское]“. Черновикъ (Анн. 2. 356—357; Лит. ф. 1. 321).

17). „*Быть въ сраженнѣ похвально...*“ (вѣроятно, слѣд. читать: „Въ сраженнѣ быть похвально“), черновой набро-

сокъ (1824—1825?). Листъ, сложенный пополамъ. Синяя бумага съ клеймомъ 1822 г. Среди текста красныя цифры: 62, 63. Писано съ одной стороны (ср. И. А. Шляпкинъ, Изъ неизд. бум. Пушкина, стр. 69; ср. Ефр. 8. 313).

18). Отрывки стихотвореній (1825). Въ четвертку, на 1 л. Синяя бумага. На об. красная цифра 72. На лицевой сторонѣ вторая половина (черновой набросокъ) стихотворенія *Я помню чудное мгновенье...* — начало оторвано (Анн. 2. 389 — 390; Лит. ф. 1. 351 — 352). На об. въ два ряда наброски стихотвореній: 1) „*Короче дни, а ночи долъ...*“, 2) „*Изъ Рима пхалъ онъ домой...*“; ниже пробы народнаго стиха „*Расходились по поганскому граду...*“.

19). *Пріятелямъ* (1825). Лоскутъ бѣлой бумаги. Среди текста красная цифра 19. Нач.: „Враги мои, теперь уже ни слова...“. Писано съ одной стороны. Черновой набросокъ. Заглавія нѣтъ (Анн. 2. 407; Лит.ф. 1. 345).

20). *Изъ Ариостова Orlando furioso* (1825). Въ 8-ю долю, на 4-хъ лл. Сѣровая бумага. На лицевыхъ сторонахъ среди текста цифры: 4, 7, 5, 6. Озаглавлено: „*Santo XXIII. ott. 100*“ (Анн. 7. 465 — 469; Лит. ф. 1. 366 — 369).

21). „*Изъ А. Шенье. Покровъ, упитанный...*“ (1825). Въ 8-ую долю, на 1 л. Синеватая бумага. Среди текста и на оборотной чистой сторонѣ красная цифра 41. Въ концѣ приписано: „20 апрѣ[ля] 1825“. Бѣловой списокъ съ большими передѣлками и поправками во второй части (Анн. 2. 397 — 398; Лит. ф. 1. 362).

22). То же стихотвореніе. Въ листъ, на 1 листѣ. Грубая сѣрая бумага. Среди текста красная цифра 8. Набросокъ первыхъ шести стиховъ (Анн. 2. 397 — 398; Лит. ф. 1. 362). Вслѣдъ за этимъ отрывокъ неизвѣстной пьесы, начин. словами: „*Вотъ Коцитъ, вотъ Ахеронъ...*“. — Ниже набросокъ, нач.: „*Кто идетъ—салдатъ...*“. Писано съ одной стороны бумаги.

23). Отрывокъ изъ *Эпитетскихъ ночей* (1825). Въ 8-ую долю, на 1 л. Среди текста красная цифра 28. Текстъ на одной сторонѣ листка. Черновикъ послѣдней части, нач. „И вотъ, уже сокрылся день...“ до конца — „Блится ложе золотое“ (Анн. 5. 472; Лит. ф. 4. 398).

24). „*Блещитъ муна, недвижно море спитъ...*“ (1825). Въ четвертку, на 1 л. Синяя бумага со знакомъ 1822 г. Среди текста красная цифра 21. Писано съ одной стороны бумаги. Анненковъ предполагаетъ, что „этотъ отрывокъ... составляетъ первую пробу Бахчисарайскаго фонтана“ (т. 7, 86 — 87); но предположеніе это, кажется, не вѣрно, такъ какъ Бахчисарайскій фонтанъ былъ написанъ въ 1822-мъ г. и изданъ въ 1824-мъ г., тогда какъ въ настоящей рукописи — черновомъ наброскѣ, съ края приписана позднѣйшая дата — „22 іюля 1825“.

25). *Женихъ*, отрывокъ (1825). Небольшой лоскутъ бумаги. Среди текста красная цифра 2. Въ отрывкѣ всего 12 строкъ; нач.: „Съ тропинки сбилась я...“ (Лит. ф. 3. 100). На об. листка сохранилась приписка „30 іюля 1825. Михайловское“.

26). „*Только что на проталинахъ весеннихъ...*“ (отн. къ 1825). Въ четвертку, на 1 л. Сѣровая бумага. Среди текста красная цифра 83. Черновикъ. На об. набросокъ «*Но ты забудь меня, мой другъ...*» (4 строки) и списокъ стихотвореній, между прочимъ относящихся къ болѣе позднему времени, чѣмъ 1825 г.

27). „*Мой [первый] другъ, мой другъ безымянный...*“ — *И. И. Пущину* (1826). Въ листъ, на 1 л. Сѣрая грубая бумага. Среди текста красная цифра 23. Черновой набросокъ, значительно распространенный въ сравненіи съ обычнымъ текстомъ, довольно близкій къ тому, который напечатанъ Ефремовымъ въ послѣднемъ изданіи сочиненій Пушкина (Ефр. 7. 149 — 150). Съ края женскій профилъ.

28). Листокъ съ четырьмя стихотвореніями (1826?).

Въ листь, на 2-хъ листахъ. Грубоватая бумага съ филигранью „Pro patria“. На внутреннихъ сторонахъ листовъ красныя цифры: 29, 30. На лицевой сторонѣ 1-го листа стихотвореніе „*Олга, крестница Киприды...*“ (Оленькѣ Массонѣ), относимое къ 1820 г. (Анн. 7. 26—27; Лит. ф. 1. 217); дата — „22 Nov.“. На оборотной сторонѣ наверху поперекъ листа „*Каковъ я прежде былъ...*“, относимое, на основаніи отмѣтки при 1-мъ изданіи, къ 1828 г.; это стихотвореніе писано карандашомъ и читается очень трудно. Сверхъ него съ боку черниломъ набросокъ послѣднихъ строфъ стихотворенія *Зимняя дорога* (отн. къ 1826 г.). Первая часть этого стихотворенія на томъ же листѣ (об. 1-го) ниже; писано въ другомъ направленіи (Анн. 2. 415—416; Лит. ф. 2. 5). На л. 2-мъ въ два ряда (начинаясь на правой сторонѣ) стихотвореніе „*Какъ счастливъ я, когда могу покинуть...*“; надъ текстомъ „23 Nov. С. Козак . . .“. На об. 2-го л. карандашомъ „*Въ Евр[ейской] хижинѣ лампада...*“ (Анн. 7. 45—46; Лит. ф. 2. 137); стихотвореніе названо Анненковымъ началомъ повѣсти и отнесено къ 1832-му г.—Настоящій листокъ съ черновыми набросками стихотвореній, относимыхъ къ разнымъ годамъ, вѣроятно, дастъ будущимъ изслѣдователямъ основаніе перемѣнить общепринятую датировку и, можетъ быть, приурочить ихъ къ ноябрю 1826 г.

29). *Стансы — Въ надеждѣ славы и добра...*, отрывокъ (1826). Лоскутъ грубой сѣрой бумаги. На об. красная цифра 10. Писано съ одной стороны бумаги. Въ рукописи находятся строфы 5-я, 3-я и 4-я. Внизу приписка „22 декабря 1826 году. Москва у Зуб[кова].“

30). *Талисманъ* (1827). Въ листь, на 1 листѣ. Грубая сѣрая бумага. Среди текста красная цифра 22. Первоначальная редакція стихотворенія, въ иномъ размѣрѣ, чѣмъ общеизвѣстная; нач.: „Храни меня, мой талисманъ...“. Съ боку рисунокъ, изображающій кусты. Обратная сто-

рона бумаги чистая (Анн. 2. 423—424; Лит. ф. 2. 9—10).

31). „*Кто знает край, идъ небо блещетъ...*“ (1827). Въ четвертку, на 3-хъ лл. На листкахъ вписаны краснымъ черниломъ цифры: 74, 73, 75. Черновикъ. На лл. 1 — 2 первая половина стихотворенія до строки „Ихъ пестры волны за собой“; передѣлка стиховъ, находящихся на л. 1-мъ, вписана на л. 2-мъ об., тамъ же и эпиграфъ. На л. 3-мъ вторая часть пьесы (нач.: „На рай полуденной природы...“) съ добавленіемъ противъ извѣстнаго текста въ концѣ еще 6 стиховъ (нач.: „Забудь Еврейку молодую...“); (Лит. ф. 2. 24 — 26). На л. 1 внизу миниатюрный набросокъ, изображающій Наполеона.

32). „*Я знаю край...*“. Въ 8-ую долю, на 1 л. Голубоватая бумага. На об. красная цифра 7. Черновой набросокъ, вѣроятно, относящійся къ предыдущей пьесѣ, но обработанный въ другомъ направленіи. Пьеса кончается словами „...степь нагая | Надъ моремъ стелется одна“. Повидимому, это описаніе крымской степи. Подъ стихотвореніемъ женскій профиль. Обратъ листа чистый.

33). „*Нѣтъ, я не льстецъ...*“ — *Друзьямъ* (1828). Въ 8-ую долю, на 1 л. Среди текста красная цифра 50. Набросокъ; первая строфа и нѣсколько строкъ четвертой и пятой (Лит. ф. 2. 29—30).—На об. послѣднія строки пьесы *Тамисманъ* („Милый другъ“ и проч.); подъ ними приписка „6 Ноября ночью“ и пять сургучныхъ перстневыхъ печатей.

34). „*Щастливъ, кто избранъ своенравно....*“ (1828). Въ 8-ую долю, на 1 л. Среди текста красная цифра 13. Надъ стихотвореніемъ приписано „Твоихъ признаній etc.“ — начало стихотворенія *Наперсникъ*, которое, по предположенію Анненкова (2. 470), представляетъ съ первымъ одно цѣлое. Текстъ съ одной стороны (Анн. 2. 447; Лит. ф. 2. 34).

35). „*Даръ напрасный, даръ случайный...*“ (1828). Въ чет-

вертку, на 1 л. Среди текста красная цифра 56. Полный текстъ, безъ помарокъ. Съ боку наброски профилей и приписка: „26 мая 1828“. Писано съ одной стороны (Анн. 2. 449 — 450; Лит. ф. 2. 38).

36). *Полтава*, отрывки (1828). Въ четвертку, 2 л. и 1 клочекъ. Бумага бѣлая и синяя. Красныя цифры: 52, 1, 51.

а). Послѣднія 4 строки первой пѣсни („О, еслибъ вѣдала она...“) съ припиской „3 октября 1828“. Ниже набросокъ предыдущихъ строкъ „Что стыдъ Маріи?...“ и пр. (Анн. 3. 295; Лит. ф. 3. 122). Тутъ же приписано: „2 окт. Письмо къ Ц., le cadavre — Dorl... — вечеръ у кн. Dolg.“. На об. л. 1-го примѣчанія къ 1-й пѣсни (1 — 7).

б). Набросокъ послѣднихъ строкъ 2-й пѣсни: „Все было кровію... Въ клочкахъ, растеряно, избито“... и слѣд. 2 строки (Анн. 3. 314; Лит. ф. 3. 137). Ниже: „9 окт.“ и „Конецъ второй части“. На об. послѣдняя строка пѣсни („Помчала горе...“) и приписка „Конецъ 2-й части“.

в). Отрывокъ изъ 3-й пѣсни. Нач. словами, не вошедшими въ окончательный текстъ, „Сегодня свадьба...“ — 4 строки (Лит. ф. 3. 149); затѣмъ: „И съ дикимъ смѣхомъ завизжала...“ (Анн. 3. 328 — 329; Лит. ф. 3. 149 — 150); конч.: „Съ роднымъ прощаясь рубежемъ...“. Внизу приписано: „16 окт. 1828. С.П.Б.... Гр. Т... от. Гос.“.

37). *Евгеній Онѣгинъ*, отрывки. Въ четвертку и 8-ую долю, 7 листовъ и одинъ обрывокъ листка.

а). Гл. VII, строфа 54 — 55. На синей бумагѣ. Среди текста красная цифра 57. Въ концѣ приписано: „4 нояб. Малинники [1828]“.

б). Гл. VIII, строфы 10 — 11. Бумага бѣлая, золотообрѣзная. Красная цифра 8. Черновой набросокъ.

в). Гл. VIII-я, строфа 32-я (Письмо Онѣгина къ Татьянѣ). Бумага бѣлая съ клеймомъ 1832 г. (2 листка).

Красныя цифры: 20, 21. Въ концѣ приписано: „5 окт. 1831. Ц[арское] С[ело]“.

г). Гл. VIII, строфы 48 — 51. Бумага сѣрватая (2 листа). На обор. листовъ красныя цифры: 77, 76. Въ концѣ приписано: „Болдино 1830, сент. 25, 3¹/₄“; въ низу листа: „письмо от. Н. Кист. Кр. пор., рт. ка.“

д). Наброски изъ путешествія Онѣгина. Листокъ сѣрватой бумаги съ клеймомъ 1823 г. Среди текста красная цифра 55.

е). Лоскутокъ синей бумаги. Красная цифра 6. Набросокъ нѣсколькихъ стиховъ, не вошедшихъ въ романъ, повидимому, относящихся къ гл. I-й.

38). Отрывокъ, начинающійся словами „*Благословенъ твой новый путь...*“ (1829). Лоскутъ бумаги съ вырваннымъ кускомъ. На верху надписано „[Д]ушетъ 27 мая“. На об. рядъ профилей, подражанія арабскимъ надписямъ и оборванные изображенія двухъ фигуръ, между которыми красная цифра 20. Указаніе мѣстности опредѣляетъ годовую дату: въ Душетѣ Пушкинъ былъ по дорогѣ въ Тифлисъ въ 1829 г.

39). „*Домо ль мнѣ улять на свѣтъ...*“ — *Дорожныя жалобы* (1829). Въ четвертку, на 1 л. Сѣрватая бумага. Среди текста красная цифра 92. Черновикъ. Въ концѣ приписано: „4 окт.“ (Анн. 2. 484—485; Лит. ф. 2. 70—71).

40). „*Обвалъ (avalanche)*“ (1829). Въ четвертку, на 1 л. Сѣрватая бумага. Среди текста красная цифра 91. Черновикъ. На лицевой сторонѣ три первыя строфы съ припиской въ концѣ „29 окт.“; на оборотной—двѣ послѣднія съ припиской „30“ (Анн. 2, 481—482; Лит. ф. 2, 71—72).

41). „*Делибашъ*“ (относятъ къ 1829 г.) и „*Зачѣмъ ты, грозный Аквилонъ...*“ (относятъ къ 1824). Въ 8-ую долю, 1 л. Среди текста красная цифра 27. Подъ первымъ стихотвореніемъ подписано „Сыганъ-лу“ — горный хребетъ

близь Карса, около котораго Пушкинъ былъ 14—18 іюня 1829 г.; вѣроятно, битвы около этихъ мѣстъ дали поводъ Пушкину написать пьесу. Ниже приписано: „7 сент.“ — это, какъ увидимъ ниже, 7 сент. 1830 г. Рукопись — перебѣленный экземпляръ, но съ поправками (Анн. 2. 482—483; Лит. ф. 2. 68—69).—На об. *Аквилонъ* (Анн. 2. 353; Лит. ф. 1, 305). Перебѣленный экземпляръ съ многими поправками. Внизу приписано: „1824 [цифра 2 передѣлана изъ 3] Мих[айловское]“. Ниже приписано: „Болд. 7 сент.“; въ Болдинѣ 7 сент. Пушкинъ былъ въ 1830 г.; что листокъ писанъ въ 1830-хъ гг. подтверждаетъ переправка цифры 2 изъ 3 въ 1824. Такимъ образомъ, надо думать, что оба стихотворенія окончательную отдѣлку получили въ сентябрѣ 1830 г.

42). „*Бусы*“ (1830). Въ 8-ую долю, 2 л. Среди текста на об. 1-го л. красная цифра 93. Черновикъ. Надъ заглавіемъ приписано „Шалость“ (вошло и въ печатный текстъ). Въ концѣ: „1830 7 сентября Болдино“ (Анн. 2. 521 — 523; Лит. ф. 2. 99 — 100).

43). „*Протекшихъ мѣтъ безумное веселье...*“ — *Элегія — Безумныхъ мѣтъ угасшее веселье...* (1830). Въ 8-ю долю, 1 л. Среди текста красная цифра 39. Перебѣленный экземпляръ съ поправками и въ неокончательной отдѣлкѣ. Надъ первой строкой приписано: „8 сент.“ (Анн. 2. 514; Лит. ф. 2. 101).—На оборотѣ пьеса „*Новоселье къ ****“—бѣловой списокъ въ обычной редакціи, безъ поправокъ, но зачеркнутый карандашомъ. Внизу приписано: „1830 Москва“ (Анн. 2. 532; Лит. ф. 2. 91).

44). „*Румяный критикъ мой...*“ (1830). Въ 8-ую долю, 1 л. Среди текста красная цифра 20. Передъ началомъ: „1 окт. 1830 Болд.“. Конецъ пьесы приписанъ надъ началомъ, на полѣ дополненъ къ срединѣ. Поправокъ очень мало (Лит. ф. 2. 101—102).—На оборотѣ листа „*Къ статуѣ въ Ц[арскомъ] С[ель]*“; нач.: „Урну съ водой уро-

нивъ...“ (1830). Въ концѣ приписано: „1 окт.“. Бѣловой списокъ безъ поправокъ (Анн. 2. 532 — 533; Лит. ф. 2. 120). — Вслѣдъ за этой пьесой старательно зачеркнутое двустипіе „*Къ переводу Иліады*“ (сколько можно разобрать, не сходно съ пьесой, извѣстной подъ названіемъ — На переводъ Иліады, — Анн. 2. 534; Лит. ф. 2. 89). — Затѣмъ: „*Куда же: ты? Въ Москву...*“ — *Изъ записки пріятелю* (1830). Въ концѣ: „10 окт.“ (Анн. 7. 96; Лит. ф. 2. 107).

45). „*Въ послѣдній разъ твой образъ милой...*“ — *Разставанье* (1830). Въ четвертку, на 1 л. Среди текста цифра 11. Въ концѣ приписано: „5 окт. 1830 Болд.“. Бѣловой списокъ съ нѣсколькими передѣлками въ словахъ (Анн. 2. 515—516; Лит. ф. 2. 105). — На об. вслѣдъ за окончаніемъ пьесы приписано стихотвореніе „*Отрокъ*“ (Анн. 2. 533; Лит. ф. 2. 120). Въ концѣ: „10 окт.“, затѣмъ „или?“ и иная редакція послѣдняго стиха — „Будешь ловитель умовъ, будешь подвижникъ Петру“.

46). „*Пажъ или пятнадцатый годъ*“ (1830). Въ 8-ую долю, на 1 л. Среди текста красная цифра 30. Перебѣленный, повидимому, экземпляръ, съ поправками и дополненіями (въ первой редакціи не было между прочимъ строфъ 4-й и 5-й). Въ концѣ приписано: „7 окт. 1830 г.“ — дата первой редакціи (Анн. 2. 524 — 525; Лит. ф. 2. 106 — 107).

47). *Моя родословная*, вторая часть (1830). Въ четвертку, на 1 л. Среди текста красная цифра 90. Черновикъ. Нач.: „Рѣшилъ Ф[игляринъ], сидя дома...“ Съ края приписано: „16 окт. 1830 Болд.“. — На об. эпиграмма на Булгарина, нач.: „*Не то бѣда, Оаддей Бумаринъ...*“ (Анн. 7. 107, не вполне сходно).

48). „*Заклинаніе*“, нач. „*О если правда, что въ ночи...*“ (1830). Въ 8-ую долю, на 1 л. Бумага сѣрватая съ клеймомъ 1829 г. Среди текста красная цифра 25. Перебѣленный экземпляръ съ немногими поправками; вся вторая строфа вычеркнута, но затѣмъ опять восстановлена; про-

тивъ нея съ боку карандашомъ приписано: писать;—рука не Пушкина. Въ концѣ стоитъ: „17 окт.“ (Анн. 2. 450—451; Лит. ф. 2. 112—113).

49). „*Мнѣ не спится, нѣтъ огня...*“ — *Стихи, сочиненные ночью, во время бессонницы* (1830). Въ листѣ, на 1 листѣ. Сѣрватая бумага со знакомъ 1829 г. Въ срединѣ красная цифра 66. Наброски стихотворенія. Текстъ на лѣвой сторонѣ листа, въ два ряда (Анн. 2. 527—528; Лит. ф. 2. 113). — Съ правой стороны въ другомъ направленіи начало стихотворенія „*[Въ началъ жизни] школу помню я...*“ (Анн. 2. 528—529; Лит. ф. 2. 115—117). На об. листа двѣ строки, можетъ быть, относящіяся къ тому же стихотворенію, но отброшенныя, нач.: „*Я помню двѣ, юности прелестной(?)...*“. Тутъ же въ другомъ направленіи крупное заглавіе „Зависть“.

50). „*Стихи, сочиненные ночью, во время бессонницы*“ (1830). Въ 8-ую долю, 1 л. Бумага золотообрѣзная со знакомъ 1834 г. Среди текста красная цифра 21. Рукопись представляетъ собою перебѣленный экземпляръ стихотворенія съ новыми поправками. Текстъ съ одной стороны. Въ концѣ приписано: „окт. 1830 Болдино“; но эта приписка тоже скопирована съ стараго оригинала, что очевидно изъ знаковъ бумаги (Анн. 2. 527—528; Лит. ф. 2. 113).

51). „*Въ началъ жизни школу помню я...*“ (1830). Въ 8-ую долю, 1 л. Бумага 1829 г. Среди текста красная цифра 24. Вся пьеса полностью; перебѣленный экземпляръ съ поправками (Анн. 2. 528—529; Лит. ф. 2. 115—117).

52). Отрывокъ той же пьесы. Въ четвертку, 1 л. Сѣрватая бумага. Среди текста красная цифра 23. Двѣ послѣднія извѣстныя въ печати строфы (нач.: „Одинъ Дельфійскій идолъ — ликъ молодой...“) и продолженіе пьесы (три строфы). Черновые наброски. Текстъ съ одной стороны листа.

53). Та же пьеса, отрывокъ (1830). Въ четвертку,

1 л. Сѣроваята бумага. Среди текста красная цифра 22. Рукопись представляет собою черновые наброски пяти строфъ: 8-й — 12-й. Текстъ съ одной стороны бумаги.

54). „*Предъ испанкой благородной...*“ (1830). Въ четвертку, на 1 л. Среди текста красная цифра 17. Повидимому, перебѣленный экземпляръ, но съ поправками; приписанъ набросокъ начала 3-й строфы, но тутъ же зачеркнуть. Текстъ съ одной стороны бумаги (Анн. 2. 525; Лит. ф. 2. 118 — 119).

55). „*Когда порой воспоминанье...*“ (1830). Въ 8-ую долю, 2 л. (1 листъ, сложенный пополамъ). Сѣроваята бумага; на внутренней сторонѣ красная цифра 89. Черновикъ. — На л. 2-мъ внизу и на об. л. 2-го набросокъ конца *Моей родословной* (1830), нач.: „Ф[игляринъ] пишетъ, сидя дома...“ (Анн. 7. 40; Лит. ф. 2. 109). На лицевой сторонѣ л. 2-го среди набросковъ первой пьесы поперекъ написанъ планъ повѣсти *Мятедь*.

56). Черновые наброски, повидимому, къ стихотворенію *Стамбуль яюры нынче славятъ...*, — къ второй части пьесы (1830). Въ четвертку, 1 л. Сѣроваята бумага съ клеймомъ 1830 г. Среди текста красная цифра 32; внизу фигура турка. Текстъ съ одной стороны бумаги.

57). „*Нечаянно пригрътый славой...*“ и „*Плшивый щеголь, врагъ труда...*“ (1830?). Въ четвертку, 2 л. (1 л. перегнутый пополамъ) На бумагѣ клеймо 1829 г. Красныя цифры: 66, 67. Текстъ писанъ съ внутренней стороны сложеннаго листа. Поправокъ почти нѣтъ; писано наскоро, многія слова недописаны, собственныя имена обозначены буквами.

58). *Къ тѣни полководца* (1831). Въ 8-ую долю, 1 л. Синеватая бумага. Красная цифра 34. Списокъ безъ поправокъ. Рукопись заключаетъ въ себѣ послѣднія двѣ строфы. Въ концѣ приписано: „1831“. Текстъ съ одной стороны листка (Анн. 7. 44; Лит. ф. 2. 128 — 129).

59). „И да мѣ мы пошлѣ...“ и „Тогда я Демонѣ увидѣлъ...“ — *Подражаніе Данту* (1832). Въ четвертку, 1 л. Сѣровая бумага. Среди текста красная цифра 10. Списокъ съ многими поправками (Анн. 2. 530—531; Лит. ф. 2. 140—141).

60). Отрывокъ, нач. словами „Хотѣлъ я душу освѣжить...“ (1832). Въ листъ, на 1 л. Сѣровая бумага съ клеймомъ 1830 г. Среди текста красная цифра 21. Писано карандашомъ (см. Шляпкинъ, Изъ неизд. бум. Пушкин., 70, — напечатано по копіи не совсѣмъ точной; ср. Ефр. 8. 313—314). Ниже текста нѣсколько карандашныхъ рисунковъ — двѣ фигуры и два профильныхъ наброска; попереку листа въ двухъ мѣстахъ нѣсколько первоначальныхъ плановъ повѣсти, повидимому, *Дубровскаго*; на об. планъ *Дубровскаго* въ окончательной обработкѣ.

61). Наброски *Пѣсни о Георгіи Черномъ* (1832—1833?). Въ четвертку, 1 л. Синеватая бумага; красная цифра 15. Пѣсня осталась необработанной и въ собранія сочиненій не вошла. Поправки и дополненія писаны карандашомъ. На верху листа карандашомъ набросокъ письма къ неизвѣстному, вѣроятно, къ гр. Бенкендорфу, на французскомъ языкѣ. На обор. счета; внизу карандашомъ приписано: „Сихл[ерь]“.

62). „Славная флейта, Θεонъ...“ (1833). Въ 8-ую долю, 1 л. Среди текста красная цифра 14. Текстъ писанъ карандашомъ съ одной стороны листа. Внизу приписано: „1 янв. 1833“ (Анн. 3. 22; Лит. ф. 2. 144).

63). „Юноша, скромно пируй...“ и „Вино (Юнъ Хіоскій)“ (1833). Небольшой лоскутъ бумаги. На лицевой сторонѣ красная цифра 8. Оба стихотворенія писаны карандашомъ. Первое стихотвореніе безъ помарокъ; внизу приписано: „2 янв.“ (Анн. 3. 57; Лит. ф. 2. 173). Второе стихотвореніе на оборотѣ листа; во второй строкѣ обычный текстъ замѣненъ инымъ (Анн. 3. 24; Лит. ф. 2. 145).

64). „*Чистый лоснится полз...*“ (1833). Въ четвертку, 1 л. На оборотѣ красная цифра 13. Текстъ писанъ карандашомъ съ одной стороны листка. Чистойой списокъ съ тремя поправками. Внизу подъ стихотвореніемъ приписано: „(изъ *Ксенофана Колофонскаго*)“ и „12 янв.“ (Анн. 3. 21; Лит. ф. 2. 144 — 145).

65). „*Будрышь (изъ Мишкевича)*“ (1833). Въ четвертку, 2 л. Бумага съ клеймомъ 1829 г. Красныя цифры среди текста: 95, 96. Чистойой списокъ съ поправками. Въ концѣ приписано: „28 окт. 1833 Болд.“ (Анн. 3. 27—29; Лит. ф. 2. 153 — 154). Оборотъ л. 2-го безъ текста.

66). Отрывокъ пьесы *Странникъ* (1833 — 1834). Въ листъ, на 1 л. Сѣрватая бумага со знакомъ 1833 г. Среди текста красная цифра 7. Въ рукописи находится черновикъ IV-й строфы и на обор. наброски стр. II-ой (Лит. ф. 2. 164 — 166).

67). „*Куда вы? За городъ, конечно...*“ (1834?). Въ четвертку, 1 л. Среди текста красная цифра 71. Черновой набросокъ; надъ приведенной начальной строкой ранѣе было заглавіе „*Чиновникъ и поэтъ*“, затѣмъ зачеркнутое. На об. продолженіе текста; послѣднее слово — зачеркнутое — Кирджали — можетъ приблизительно опредѣлить дату пьесы.

68). „*Когда владыка Ассирійскій...*“ — *Юдифь* (1834 — 1835). Въ четвертку, 1 л. Бумага съ клеймомъ 1834 г. На обор. среди текста красная цифра 69. На лицевой сторонѣ рисунокъ туалета съ зеркаломъ и профили. Рукопись представляетъ собою черновой набросокъ. Въ изданіи Лит. ф. стихотвореніе отнесено къ 1832 г., клеймо бумаги принуждаетъ перенести дату на болѣе позднее время (Анн. 1. 388; Лит. ф. 2. 158).

69). „*Ода LVI (изъ Анакр.)*“, нач.: „*Портъдѣла, побѣдѣла...*“ (1835). Среди текста красная цифра 9. Чистойой списокъ съ немногими поправками. На оборотѣ предположи-

тельная передѣлка послѣднихъ четырехъ строкъ. Подъ стихотвореніемъ приписано: „6 янв. 1835“ (Анн. 1. 399; Лит. ф. 2. 170).

70). „Ода LVII“, нач.: „Что же сухо въ чашѣ дно?...“ — Изъ Анакреона (1835). Лоскутъ золотообрѣзной бумаги. Среди текста красная цифра 10. Чистовой списокъ съ двумя поправками. Внизу приписано: „6 янв. 1835“. Обратная сторона бѣлая (Анн. 3. 55; Лит. ф. 2. 171).

71). „(Изъ Анакреона) отрывокъ“, нач.: „Узнаемъ коней ретивыхъ...“ (1835). Въ 16-ую долю, 1 л. Бѣлая золотообрѣзная бумага. Чистовой списокъ; двѣ послѣднія строки („Въ нихъ сіяетъ...“) какъ бы предположительно зачеркнуты. Въ концѣ приписано: „6 янв. 1835“ (цифра 5 читается очень неопредѣленно; останавливаемся на этой датѣ на основаніи того, что другіе переводы изъ Анакреона помѣчены тѣмъ же числомъ и 1835 годомъ, и кромѣ того, что бумага рукописи одного изъ нихъ — выше, № 69 — сходна съ бумагой настоящей рукописи). Текстъ съ одной стороны бумаги (Анн. 1. 399 и 3. 56; Лит. ф. 2. 170).

72). „Отрывокъ“, нач.: „Не розу Павоскую...“, и „Богъ веселый винограда...“ (1835). Въ 8-ую долю, 1 л. Золотообрѣзная бумага. Между двумя пьесами красная цифра 17. Первая пьеса, повидимому, чистовой списокъ; двѣ поправки, изъ которыхъ одна исправляетъ обычный текстъ (Анн. 3. 58—59; Лит. ф. 2. 174). — Вторая пьеса съ многими поправками и передѣлками; нѣкоторыя слова надписаны карандашомъ сверхъ написанныхъ черниломъ (Анн. 3. 56; Лит. ф. 2. 171).

73). „Подражаніе Арабскому“, нач.: „Отрокъ милый...“. Въ 8-ую долю, 1 л. Золотообрѣзная бумага; ниже текста красная цифра 35. Черновикъ. Надъ стихотвореніемъ узоръ — подражаніе арабскому шрифту. Обратъ листа бѣлый (Анн. 3. 59; Лит. ф. 2. 174).

74). „Художнику“, нач.: „Грустенъ и веселъ вхожу...“ (1836). Въ четвертку, 1 л. Среди текста красная цифра 5. Перебѣленный списокъ съ поправками. Внизу приписано „25 март. 1836“. Оборотъ листа чистый (Анн. 3. 65; Лит. ф. 2. 185 — 186).

75). „Подражаніе италіянскому“, нач.: „Какъ съ древа сорвался...“ (1836). Въ 8-ую долю, 1 л. Среди текста красная цифра 18. Перебѣленный списокъ съ поправками. Внизу приписано: „22 іюня 1836. Кам. остр.“. Оборотъ листа чистый (Анн. 3. 65 — 66; Лит. ф. 2. 187).

76). „Изъ VI Пиндемонте“ (1836). Въ 8-ую долю, 1 л. Голубая бумага; среди текста красная цифра 19. Перебѣленный экземпляръ; есть нѣсколько поправокъ. Заглавіе „Изъ VI Пиндемонте“ переправлено въ настоящей рукописи: ранѣе стояло „изъ Alfred Musset“. Въ концѣ приписано: „5 іюл.“ (Лит. ф. 2. 187 — 188).

77). То же стихотвореніе. Въ четвертку, 1 л. Голубая бумага. Среди текста красная цифра 12. Черновой набросокъ. Заглавія нѣтъ. На об. среди текста рисунокъ, изображающій собаку.

78). „Когда за городомъ задумчивъ я брожу...“ (1836). Въ четвертку, 1 л. Среди текста красная цифра 7. Перебѣленный, повидимому, списокъ, съ многими поправками и передѣлками. Въ концѣ приписано: „14 авг. 1836. Кам. остр.“ (Анн. 7. 46 — 47; Лит. ф. 2. 188 — 189).

79). Черновые наброски пьесы *Памятникъ* (1836). Въ листъ, 1 л. Бумага синеватая съ знакомъ 1834 г. Среди текста на об. красная цифра 50. Черновикъ трехъ послѣднихъ строфъ. На об. внизу предположительный вариантъ третьей строфы (Анн. 3. 69 — 70; Лит. ф. 2. 189 — 190). Наверху на об. листа карандашомъ нѣсколько строкъ стихотворенія, нач. словами „Пошли мнѣ дому жизнь...“, и затѣмъ толкованія латинскихъ словъ.

Стихотворенія неизвѣстнаго времени.

80). „*Подъ какимъ созвѣдїемъ...*“. Въ четвертку, 1 л. Синяя бумага. Среди текста красная цифра 39. Черновикъ. Текстъ писанъ съ одной стороны бумаги.

81). „*Мой плтнникъ востъ не любезенъ...*“. Лоскутъ грубой сѣрой бумаги. На об. красная цифра 2. Набросокъ, всего нѣсколько строкъ. Текстъ съ одной стороны листка.

82). „*На силу выхвать рѣшаюсь изъ Москвы...*“. Въ листъ, на 1 л. Синяя грубая бумага. Среди текста красная цифра 28. Черновикъ. Текстъ писанъ съ одной стороны.

83). „*О боги мирные полей, дубравъ и горъ...*“. Лоскутъ почтовой бумаги. Среди текста красная цифра 29. Перебѣленный, повидимому, списокъ, съ поправками. Текстъ писанъ съ одной стороны.

84). „*Пока меня безъ милости бранятъ...*“. Въ четвертку, 1 л. Грубая сѣрая бумага. Среди текста красная цифра 79 и рисунокъ, изображающій парусную лодку. На об. карандашные наброски, между прочимъ, профильный портретъ Пушкина.

85). „*Во снѣ я вами оцщастливленъ...*“. Въ 8-ую долю, 1 л. На оборотѣ красная цифра 3. Черновикъ. Писано съ одной стороны листка, видимо, оторваннаго отъ письма, такъ какъ около текста есть отмѣтка — А. С. Пушкину.

86). „*Будь подобенъ полной чашѣ...*“. Въ четвертку, 1 л. Сѣрватая бумага. Среди текста красная цифра 44. Черновикъ. На об. окончаніе пьесы и затѣмъ поперекъ текста набросокъ еще одной строфы, повидимому, того же стихотворенія; выше начало другого: „*Онъ мнѣ ровесникъ...*“. Первая пьеса напечатана И. А. Шляпкинымъ по копїи Анненкова (Изъ неизд. бум. Пушкина, стр. 67).

87). „*Пускай утѣч[анный] люб[овью] крас[оты] Въ завет[номъ] зол[отъ] хранитъ ея черты...*“. Небольшой лоскутъ

бумаги. На обор. сторонѣ красная цифра 5. Текстъ съ одной стороны бумаги.

Записи (?) народныхъ пѣсенъ.

1). „*Другъ сердечный(?) мнѣ намъдни говорилъ.*“ Лоскутокъ бумаги съ клеймомъ 1830 г. Красная цифра 17. Текстъ съ одной стороны бумаги, всего 4 строки; можетъ быть, и не запись, такъ какъ есть поправки.

2). „*Не видала мѣ, двѣнца, | Коня моего.*“ Въ 8-ую долю, 1 л. бумага 1834 г. Рядомъ съ текстомъ красная цифра 14; тутъ же по французски не Пушкинымъ приписано: *vinaigre des quatre voleurs...* Текстъ съ одной стороны бумаги, всего 8 строкъ; есть передѣлки, такъ что за простую запись принять пѣсню трудно.

Проза.

Повѣсти и сцены.

1). *Отрывки изъ романа въ письмахъ.* Въ листъ и четвертку, на 18 листахъ. Бумага разнообразная со знаками 1827 и 1828 гг., сѣрая и синяя. По листамъ среди текста краснымъ черниломъ цифры: 35, 36, 37, 38, 39, 43 и 40, 42 и 41, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 33 и 30, 29 и 34, 32 и 31, 50, 28. Рукопись заключаетъ въ себѣ черновики писемъ: 1-го, 2-го, 3-го, 4-го, 5-го, 6-го и 7-го и еще неполное 1-е письмо въ нѣсколько иной редакціи. На об. послѣдняго л. набросокъ, не относящійся къ роману (Анн. 7. 125 — 138; Лит. ф. 4. 348 — 359).

2). *Цезарь путешествовалъ...*, отрывокъ (1835). Въ листъ, на 3 листахъ. Сѣровая бумага со знакомъ 1834 г. На л. 1, об. 2-го, лицевой сторонѣ 3-го и об. 3-го цифры краснымъ черниломъ: 13, 9, 10 и 12. Рукопись заклю-

часть въ себѣ отрывки 2-й и 3-й (Анн. 1. 397 — 400; Лит. ф. 4. 383 — 386).

3). *Драматическій этюдъ* (1835?). Въ листъ, на 1 л. Бумага съ клеймомъ 1834 года. Среди текста красная цифра 11. Заглавіе приписано карандашомъ рукою П. В. Анненкова (Анн. 7. 149 — 150; Лит. ф. 4. 331 — 332).

4). „*И ты тутъ былъ?...*“ (1835?). Въ листъ, на 1 листѣ. На лицевой сторонѣ краснымъ черниломъ цифра 10 (Анн. 1. 277; Лит. ф. 4, 332).

5). *Созданіе міра*, отрывокъ (середина 1820-хъ гг.). Въ четвертку, 1 л. Синяя бумага. На об. красная цифра 37. Почеркъ рукописи ранній. Текстъ съ одной стороны бумаги. Рукопись представляетъ собою, повидимому, набросокъ перевода.

Планы и программы литературныхъ произведеній и замѣтки по поводу ихъ.

1). Набросокъ плана поэмы (?) „*Антеонъ*“ (начало 1820-хъ гг.). Въ 8-ую долю, 1 л. Бумага сѣрватая. На об. красная цифра 31 и женскіе профили. Текстъ писанъ съ одной стороны листа, частью по русски, частью по французски. Надъ нимъ приведенное выше заглавіе. Почеркъ ранній.

2). Двѣ программы сказки (?), главнымъ дѣйствующимъ лицомъ которой является *Бова* (первая пол. 1820-хъ гг.) Въ четвертку и 8-ую долю, 2 л. Бумага одного листка сѣрая грубая, другого — болѣе хорошей выдѣлки. Красныя цифры: 34, 27. На верху 1-го л. приписано: „*Rouslane et Ludmilla*“ и нарисованы башни и латное вооруженіе; на этомъ листкѣ текстъ съ одной стороны.

3). Два наброска плана повѣсти *Гости съѣзжались на дачу...* (1825). Въ четвертку, на 1 л. Сѣровая бумага. На об. листа красная цифра 58. Текстъ писанъ большею частью по французски; главное дѣйствующее лицо Зелія = *Zelie* (въ печ. текстѣ Зинаида Вольская). На лицевой сторонѣ надъ текстомъ карандашомъ набросано нѣсколько строкъ стихотворенія въ народномъ стилѣ, нач. „*Уродился я бѣдный недоносокъ...*“. На об. на полѣ набросокъ, нач. словами „*Какъ живо колкій Грибобдовъ...*“. Дату опредѣляемъ по послѣднему наброску: Горю отъ ума Пушкину читалъ впервые Пущинъ 11 янв. 1825 г.; у Анненкова повѣсть датирована 1829 г., въ изд. Лит. ф. 1831 г. (Анн. 5. 502—506, 7. 147—148; Лит. ф. 4. 365—371).

4). Замѣтки о *Борисъ Годуновъ*.

а). Набросокъ предисловія (1831?). Въ 8-ую долю, на 1 л. Среди листа красная цифра 16 (Анн. 1. 132; Лит. ф. 3. 82).

б). Замѣтка по поводу мнѣнія митр. Платона о Дмитріи Самозванцѣ (1831). Въ 16-ую долю, на 1 л. На об. красная цифра 23. Въ концѣ замѣтки дата „6 іюля 1831“ (Лит. ф. 3. 84).

5). Наброски программы *Романа на кавказскихъ водахъ* (1831). Въ четвертку и восьмушку, на 6-ти листахъ. Бумага между прочимъ со знаками 1829 и 1830 гг. На лицевыхъ сторонахъ первыхъ трехъ листовъ и на оборотахъ трехъ послѣднихъ краснымъ черниломъ цифры: 36, 29, 52, 15, 16, 42. На об. послѣдняго листа записка Е. М. Хитрово.

6). „*Les deux danseuses*“, программа повѣсти (начало 1830-хъ гг.). Въ 16-ую долю, 1 л. Бумага съ клѣймомъ 1830 г. Красная цифра 13. Текстъ французскій. Упоминаются имена *Zavad[ovskii]* и *Ist[omine]*; ср. наброски плана повѣсти „Русскій Пеламъ“, II-й, III-й и IV-й (Ефр. 5. 172 — 174).

7). Замятка о *Моцартъ и Салери* (1832). Въ 8-ую долю, на 1 л. Внизу рисунокъ, изображающій кусты, и перечень, повидимому, писемъ (имена и фамилии лицъ перечня поставлены въ дат. падежѣ). Замятка написана на оборотѣ письма Н. М. Смирнова; послѣднее приблизительно можетъ опредѣлить дату замятки (Анн. 1. 288; Лит. ф. 5. 194).

8). Первоначальный набросокъ плана *Дубровскаго*. (1832). Въ 8-ую долю, на 1 л. Сѣрая бумага. Въ срединѣ краснымъ черниломъ цифра 12.

9). Замятка о происхожденіи *Графа Нулина* (1833?). Въ листъ, на 1 л. Сѣровая бумага. Среди текста краснымъ черниломъ цифра 64 (Анн. 1. 167; Лит. ф. 5. 194).

10). Набросокъ плана *Капитанской дочки* (1833). Въ 8-ую долю, на 1 л. На об. краснымъ черниломъ цифра 25.

11). Отрывокъ наброска плана *Курджали* (1834). Клочекъ сѣрой бумаги. На об. краснымъ черниломъ цифра 11.

12). Набросокъ плана повѣсти (?) изъ времени Петра Великаго (1834—1835). Въ четвертку, на 1 л. Бумага съ клеймомъ 1834 г. Красная цифра 10. Начальные слова: „Сынъ стрѣльца воспитанъ вдовою вмѣстѣ съ ея сыномъ...“.

13). Набросокъ плана драматическаго произведенія (1830-ые гг.). Въ листъ, на 1 л. Красная цифра 3. Писано карандашомъ. Текстъ французскій. Дѣйствующія лица: Adèle, Charle и Deryv...

Перечни стихотвореній.

1). Перечень стихотвореній. Въ четвертку, на 1 л. Грубая сѣрая бумага. Въ срединѣ краснымъ черниломъ цифра 1. Писано въ 2 столбца. При названіяхъ стихотвореній отмѣчены годы, къ которымъ они относятся —

1824 по 1831; въ спискѣ есть стихотворенія неизвѣстныя.

2). Перечень стихотворныхъ произведеній. Въ листѣ, на 1 л. Толстая сѣрватая бумага. На оборотной чистой сторонѣ краснымъ черниломъ цифра 91. Верхняя часть листа занята спискомъ произведеній съ годами ихъ сочиненія и, повидимому, отмѣтками о деньгахъ, за нихъ полученныхъ. На нижней части въ три столбца распределеніе стихотворныхъ произведеній по тремъ томамъ для изданія; изъ ряда 2-го тома въ послѣдствіи выдѣленъ въ самостоятельный 4-й т. Евгеній Онѣгинъ, а къ 3-му приписаны произведенія 1833 г., ранѣе въ списокъ не внесенныя.

Историко-литературные и историческіе матеріалы, статьи, замѣтки и записки.

1). „*Prologue*“, отрывокъ изъ записокъ (ранніе годы). Въ четвертку, 1 л. Синеватая бумага. Красная цифра 14. Нач.: „Я посѣтилъ твою могилу...“. Въ отрывкѣ упоминается Ц[арское] С[ело], Баб[олово], Дельвигъ, Кюхельбекеръ.

2). „*О фр[анцузской] словесности*“ (до середины 1820-хъ гг.). Въ четвертку, 1 л. Сѣрватая бумага. Среди текста красная цифра 4. На об. листка нѣсколько профилей. Статья касается вопроса о вліяніи французской литературы на русскую.

3). *Замѣтка о драматическихъ произведеніяхъ* (до середины 1820-хъ гг.). Въ четвертку, 1 л. Сѣрая бумага. Среди текста красная цифра 38. Замѣтка нач. словами: „Изъ всѣхъ родовъ сочиненій самая (*in vraisemblance*) неправдоподобныя...“.

4). *Отрывокъ замѣтки о встрѣчѣ съ П. А. Гаммбаломъ* (1824). Клочокъ листа сѣрой бумаги. По срединѣ крас-

нымъ черниломъ цифра 18. На лицевой сторонѣ дата „1824 Ноябр. 19 Мих[айловское]“ и начало разсказа, на оборотѣ — середина (Лит. ф. 5. 22).

5). *О народности въ литературѣ* (не ранѣе 1826 г.). Въ листъ, на 2 л. Синеватая бумага со знакомъ 1823 г. Красныя цифры: 1, 2. На л. 1-мъ текстъ, писанный карандашомъ; на об. л. 2-го перечень стихотвореній (карандашомъ), между прочимъ, пьесъ 1826 г.; тутъ же черновикъ начала письма (карандашомъ) на французскомъ языкѣ, можетъ быть, Бенкендорфу (ср. Лит. ф. 7. № 216). Текстъ статьи напечатанъ Анненковымъ и въ слѣд. изданіяхъ не полностью (Анн. 1. 260 — 261; Лит. ф. 5. 31).

6). *„Примѣры невѣжливости“*. Въ четвертку, 2 л. Сѣрватая бумага. Красныя цифры: 2, 3. Анненковымъ напечатана только первая часть замѣтки (Анн. 5. 19; Лит. ф. 5. 54). На об. л. 2-го замѣтка, начин. словами: *„Если все уже сказано, зачѣмъ же вы пишете?...“*

7). *Встрѣча съ Кюхельбекеромъ* (1827). Въ четвертку, на 2-хъ листахъ сѣрой бумаги. Въ началѣ текста дата „15 окт. 1827“. 2-й листъ оборванъ, на об. его строки изъ *Полтавы* (Лит. ф. 5. 50).

8). *Замѣтка о Байронѣ по поводу Корсара* (1827). Въ листъ, на 2-хъ лл. Синяя бумага. Красныя цифры: 32, 40. Анненковымъ напечатано съ пропускомъ въ срединѣ (Анн. 1. 260; Лит. ф. 5. 49).

9). *Отвѣтъ на разборъ 4-й и 5-й главъ Евгенія Онегина* (1828). Въ листъ, на 4 лл. Синяя бумага съ клеймомъ 1825 г. Красныя цифры: 47, 48, 49, 46. Послѣдній листъ безъ текста. Разборъ былъ напечатанъ въ журн. „Атеней“ 1828 г., февр. Отвѣтъ напечатанъ не былъ.

10). *Замѣтка о трагедіи Ромео и Юльета Шекспира* (1829). Въ листъ, на 1 л. Синяя бумага. Среди текста красная цифра 12. Близко къ тому, что напечатано Анненковымъ (Анн. 1. 169; Лит. ф. 5. 62).

11). *Отрывокъ изъ литературныхъ мѣтописей* (1829). Въ четвертку, 13 лл. Синяя бумага съ клеймомъ 1826 г. Красныя цифры: 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27. Въ концѣ (на л. 13-мъ) приписано: „27 марта 1829. Москва“. На л. 1 заглавіе „Придисловіе“ и эпиграфъ „Sine ira et studio“; ниже нарисованъ мужской профиль, написано „1829“ и еще ниже отмѣчено: „въ лиговомъ домѣ“. На л. 13 об. мужской профиль, тщательно нарисованный перомъ, съ подписью А. Р...; рядомъ съ нимъ стоитъ „Pièces justificatives“ и затѣмъ приведенъ перечень статей, можетъ быть, послужившихъ матеріаломъ къ настоящей статьѣ.

12). *Замѣтки о русскихъ пословицахъ* (1820-ые гг.). Въ четвертку, 2 л. Сѣровая бумага. Среди текста красныя цифры: 31, 30. Листки теперь раздѣлены, но ранѣе, очевидно, составляли одинъ листъ. Текстъ начинается на об. л. 1-го, кончается на об. л. 2-го. У Анненкова (Анн. 1. 254) замѣтка напечатана съ пропусками (такъ же Лит. ф. 5. 137). Нач.: „Не суйся середѣ преждѣ четверга“; конч.: „Кто въ дѣлѣ (въ должности), тотъ и въ отвѣтѣ (въ посольствѣ)“. Въ изданіяхъ отнесено къ 1830 г., но, судя по почерку, едва ли вѣрно.

13). *Замѣтки и выписки о государственномъ стропѣ*, отрывки (1820-ые гг.). Въ четвертку, 3 л. Синяя, голубая и сѣровая бумага. Среди текста красныя цифры: 58, 57, 59. На двухъ листкахъ текстъ съ одной стороны. Писано по французски.

14). *Замѣтка объ изученіи русской словесности* (1830). Въ листъ, на 2-хъ лл. Красныя цифры: 31, 33. Текстъ замѣтки напечатанъ Анненковымъ (Анн. 1. 263; Лит. ф. 5. 251—252). Нач.: „Приступая къ изученію...“; конч.: „единственный памятникъ — Пѣснь о плк. Иг[оревѣ]“. Надъ началомъ замѣтки нѣсколько словъ объ уваженіи къ минувшему, какъ чертѣ, отличающей образованность отъ

дикости (ср. Анн. 1. 148—не сходно). На об. л. 1-го и на лицевой сторонѣ л. 2-го черновикъ французскаго письма, повидимому, къ гр. Бенкендорфу.

15). *О критикѣ*, набросокъ плана статьи (1830—1831). Въ листъ, на 1 л. Сѣровая бумага. Среди листа краснымъ черниломъ цифра 34. Начальные слова: „Критика вообще. Крит. наука...“; послѣднія слова: „гдѣ нѣтъ любви къ искусству, тамъ нѣтъ и критики“ (это вставка къ предыд. фразѣ, начинающейся словами: „хотите ли быть знакомымъ съ художествомъ...“). Низъ листа занятъ черновымъ наброскомъ 25-й—26-й строфъ VIII-ой главы *Евгенія Онегина*.

16). *О приличіи въ литературу* (1830—1831). Въ листъ, на 2-хъ лл. Сѣровая бумага со знакомъ 1830 г. Красныя цифры: 56, 57. Въ концѣ приписано: „24 окт.“. Первая часть замѣтки (л. 1 и л. 1 об.) напечатана (Анн. 1. 296—297; Лит. ф. 5. 139—140).

17). *Набросокъ введенія въ русскую исторію* (1830—1831). Въ листъ, на 2-хъ лл. Сѣровая бумага съ клеймомъ 1830 г. Среди текста красныя цифры: 54, 55. Текстъ французскій. На л. 2-мъ послѣ текста рисунокъ, изображающій женскую фигуру въ восточномъ нарядѣ. Оборотъ л. 2-го безъ текста.

18). *Отрывокъ очерка татарскаго нашествія* (1831). Въ листъ, на 2-хъ лл. Сѣровая бумага со знакомъ 1831 г. Красныя цифры: 52, 53. Текстъ французскій. Начала недостаетъ; нач. словами: „tandis que les petits fils de Wlad[imir]...“. Текстъ кончается на лицевой сторонѣ л. 2-го.

19). *Краткая замѣтка о Поль-Потеръ* изъ *Conversations-Lex.* (1831). Въ 16-ую долю, 1 л. Сѣровая бумага. Красная цифра 14. На об. отрывки двухъ послѣднихъ строкъ (по 2 слова) *Бородинской годовщины* и отмѣтка „5 сент.“ (пьеса написана 5 сент. 1831 г.).

20). *О феодальномъ устройствѣ*, краткій набросокъ (1831). Въ листъ, на 1 л. Сѣрватая бумага съ клеймомъ 1830 г. Красная цифра среди текста 68. Обратная сторона безъ текста. Передъ наброскомъ дата „30 мая 1831 Ц[арское] С[ело]“ и эпитафъ изъ Вольтера. Нач.: „Прежде нѣжели приступимъ...“; послѣ первой фразы идетъ уже не изложеніе, а планъ статьи.

21). *Та же статья, въ изложеніи* (1831). Въ листъ, на 1 л. Сѣрватая бумага съ клеймомъ 1831 г. Среди текста красная цифра 67. Текстъ, за немногими исключеніями, сходенъ съ тѣмъ, который напечатанъ Анненковымъ (Анн. 1. 267 — 268); нач. словами: 1) „Прежде нѣжели приступимъ къ описанію преоборота...“; обрывается на полусловъ: „а въ послѣдствіи са[ми отъ себя]“.

22). *О журнальной полемикѣ* (1831). Въ листъ, на 1 л. Сѣрватая бумага съ клеймомъ 1831 г. Среди текста красная цифра 12. Нач.: „Писатели извѣстные у насъ подъ именемъ аристократовъ ввели обыкновеніе...“; конч.: „гордость недостойная добраго христіанина“. Въ сравненіи съ текстомъ, напечатаннымъ Анненковымъ (Анн. 1. 251) и перепечатаннымъ въ другихъ изд. (Лит. ф. 5. 110, Ефр. 5. 483, и пр.) есть нѣсколько дополненій и поправокъ редакціоннаго характера (напр. вм. сл. сходка печатнаго текста въ рукописи „кабакъ“, и пр.) Поправки эти, видимо, сдѣланы Анненковымъ.

23). *Замѣтка о русской журналистикѣ въ сравненіи съ иностранной* (1831). Въ листъ, на 2-хъ лл. Сѣрватая бумага съ клеймомъ 1830 г. Среди текста красныя цифры: 62, 63. Замѣтка занимаетъ листы 1-й и начало 2-го; начин. словами: „Опредѣляйте значеніе словъ, говоритъ Декартъ...“; надъ текстомъ зачеркнутое заглавіе „Обозрѣніе обозрѣній“. На л. 2-мъ черновикъ письма къ Бенкендорфу отъ 18 янв. 1831 г. (Ефр. 7. 387 — 388). На л. 2 об. карандашный черновикъ стихотворенія „Я думалъ, сердце

позабыло...“ (Анн. 1. 212; Лит. ф. 2. 40) съ вариантами противъ обычнаго текста; кромѣ извѣстныхъ двухъ строфъ есть неоконченный набросокъ третьей строфы; писано поперекъ листа въ 2 столбца. Рядомъ съ стихотвореніемъ нѣсколько женскихъ профилей карандашомъ. Изданія относятся стихотвореніе это къ 1828 г.; на основаніи настоящей рукописи его слѣдуетъ, вѣроятно, считать написаннымъ въ началѣ 1831 г.

24). *О дворянствѣ*, программа статьи (1831?). Въ листъ, на 1 л. Сѣровая бумага. Среди текста красная цифра 61. Первая часть этой программы напечатана Анненковымъ въ Вѣстникѣ Европы 1880 г., № 6, стр. 605 (Лит. ф. 5. 169).

25). *Замѣтка объ аббатѣ Шанпль и его описаніи путешествія въ Сибирь* (начало 1830-хъ гг.). Въ 8-ю долю, на 1 л. На об. листа счета; среди нихъ красная цифра 32.

26). *Замѣтка о современныхъ французскихъ писателяхъ* (1831—1832). Въ листъ, на 1 л. Желтоватая бумага съ клеймомъ 1831 г. Среди текста красная цифра 39. Первая часть замѣтки съ сокращеніями напечатана Анненковымъ (Анн. 1. 297—298), затѣмъ перепечатана въ др. изданіяхъ (Лит. ф. 5. 161, и пр.).

27). *Матеріалы и замѣтки къ Исторіи Пугачевского бунта* (1833—1834). Въ листъ, четвертку, восьмую и шестнадцатую доли, на 78 листахъ, изъ которыхъ 5 безъ текста, 60 писаны рукою Пушкина и 13 писарской рукою. Бумага разнообразная со знаками 1829, 1830, 1832 и 1834 гг. Матеріалы и замѣтки вошли частью въ текстъ исторіи, примѣчанія и приложенія, иногда въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ имѣются въ рукописи, иногда же въ переработанномъ; нѣкоторыя замѣтки не были введены въ первое изданіе, равно и въ изданіе Анненкова, и нашли себѣ мѣсто только въ новѣйшихъ изданіяхъ Исторіи Пугачевского бунта (см. Лит. ф. 6. 301); наконецъ, нѣкоторыя

матеріалы (напр. часть указовъ Пугачева, писемъ Падурова) въ изданія вовсе не внесены. Среди замѣтокъ Пушкина въ рукописи находимъ двѣ датированныя: замѣтка объ отцѣ Крылова съ датой „11 апр. 1833“ (л. 28) и набросокъ гл. 7-й — „Казань 6 сент.“ (л. 2).

28). *Очеркъ исторіи русской литературы въ связи съ литературой французской* (1834). Въ листъ, на 8 листахъ. Сѣровая бумага; есть клеймо 1834 г. Красныя цифры съ 1 до 8. Въ лѣвыхъ верхнихъ углахъ первыхъ семи листовъ, перемѣтка рукою Пушкина 1—7. На л. 3 об. два наброска письма къ гр. Бенкендорфу (по русски и по французски), вѣроятно, того самаго, которое въ иной редакціи было написано 23 ноября 1834 г. (см. Ефр. 7. 581—582, № 498). На об. л. 8-го (бѣломъ) карандашомъ приписано (не Пушкинымъ) „О классицизмѣ и романтизмѣ“. Текстъ настоящей статьи отчасти сходенъ съ той статьей, которая печатается въ изданіяхъ сочиненій Пушкина подъ заглавіемъ *О русской литературѣ съ очеркомъ французской* (Лит. ф. 5. 243—251). Рукопись начинается словами: „Долго Россія оставалась чуждою Европѣ...“ (б. 249); послѣ части, помѣщаемой въ изданіяхъ подъ II (б. 250—251), слѣдуетъ то, что находится передъ вступленіемъ (Лит. ф. 5. 243—249); эта часть за немногими исключеніями въ рукописи изложена совершенно иначе, чемъ въ печатномъ текстѣ.

29). *О Дельвигѣ* (1834 или 1835). Въ листъ, на 1 л. Сѣрая бумага со знакомъ 1834 г. (такимъ образомъ, къ 1831-му г., какъ въ изд. Лит. ф. и др., отнесено быть не можетъ). По срединѣ листа красная цифра 14. Нач.: „Я ѣхалъ съ В. изъ П.б....“; конч.: „послѣ скучнаго математическаго класса“ (Лит. ф. 5. 159—160).

30). *Замѣтка о новой комедіи Загоскина — Недовольные* (1836). Въ листъ, на 1 л. Бумага съ клеймомъ 1834 г. Красная цифра 51. На об. набросокъ профила, повиди-

мому, самого Пушкина, и черновики письма къ неизвѣстному, по всей вѣроятности, въ Тверь. Дата опредѣляется временемъ выхода въ свѣтъ комедіи Загоскина.

31). *Краткія замѣтки по русской исторіи* (1830-ые гг.). Въ 8-ую долю, на 2 л. Бумага, вѣроятно, второй половины 1830-хъ гг. Красныя цифры: 18, 30. Текстъ писанъ по русски и по французски, съ одной стороны листковъ. Въ замѣткахъ говорится объ удѣльныхъ князьяхъ, боярахъ, кабалныхъ и полныхъ холопахъ и пр.

32). *О русскихъ словахъ, взятыхъ съ французскаго* (1830-ые годы). Въ четвертку, 1 л. Голубоватая бумага. Среди текста красная цифра 68 (Анн. 1. 255 — 256; Лит. ф. 5. 136 — 137).

Календарь или мѣсяцесловъ на мѣто отъ Рождества Господа нашего Иисуса Христа 1721... Въ Санктъпетербургской Типографіи мѣта Господня 1720, Декабря въ 12 день. — Копія 1820 — 1830 гг. Въ листъ, на 12 листахъ (лл. 10 и 11 бѣлые). Текстъ писанъ писарскою рукою; заглавный листъ, отмѣтки на л. 2-мъ и на л. 5 и рисунокъ на л. 12 об., изображающій внѣшность календаря, съ припиской „форма календаря“, — рукою Пушкина. Въ текстъ копи не введенъ мѣсяцесловъ въ тѣсномъ смыслѣ — распределение памятей святыхъ и дней недѣли по числамъ, фазы луны, время восхожденія и захожденія солнца (ср. описаніе Календаря у Пекарскаго — Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, т. 2, 490).

II. Переписка Пушкина.

Письма Пушкина.

1). *Къ Н. И. Гнѣдичу*, 29 апр. 1822 г. (Лит. ф. 7, № 22, стр. 29—30). Въ четвертку, на 2-хъ отдѣльныхъ листкахъ, составлявшихъ прежде одинъ листъ. Въ серединѣ лицевыхъ сторонъ листовъ краснымъ черниломъ цифры: 8, 9. Черновикъ. Съ печатнымъ текстомъ (и бѣловымъ и черновымъ) сходенъ только отчасти.

2). *Къ А. Н. Раевскому*, 1823 г. (Лит. ф. 7, № 54, стр. 66—67). Въ листъ, на 1 л. Синяя бумага съ филигранью Pro patria. Въ срединѣ листа краснымъ черниломъ цифра 59; верхъ листа оборванъ. На оборотѣ рисунки карандашомъ и перомъ — мужскіе профили и начала строкъ (концы оторваны) стихотворенія, нач.: „Но ты предвидѣнъемъ своимъ [?]...“; — можетъ быть, черновой набросокъ стихотворенія *Недвижный стражъ дремалъ...* (Лит. ф. 1. 296 — 298). Письмо черновое; писано по французски. Въ печати извѣстно въ русскомъ переводѣ.

3). *Къ А. А. Дельвигу*, дек. 1824 г. (Лит. ф. 7, № 89, стр. 100—103). Въ четвертку; на 3-хъ листахъ. На обор. 3-го л. слѣдъ красной сургучной печати. Начало и конецъ письма, имѣющіе личный характеръ, въ рукописи зачеркнуты; приписка рукописи на об. л. 3 въ изданія не вошла.

4). *Къ Н. Н. Раевскому*, 1827 г. (Анн. 1. 145 — 147: отрывки; ср. Ефр. 7. 287—289, № 219). Въ листъ, на 6 листахъ. Бумага темно-синяя со знакомъ 1825 г. По срединѣ лицевой стороны листовъ цифры: 37, 38, 42, 43, 44 (4-й листъ безъ отмѣтки). Черновикъ — матеріалъ къ предполагавшемуся предисловію Бориса Годунова.

5). *Къ Н. Н. Раевскому*, 1827 г. (ср. Ефр. 7, стр. 287—288, № 219). Въ четвертку, на 2-хъ лл. Рукопись представляет собою копию части предыдущаго письма (№ 4) — л. 1-го и лицевой стороны л. 2-го.

6). *Къ А. Х. Бенкендорфу*, июнь (?) 1829 г. Въ 8-ю долю, на 1 л. Красная цифра 21. Верхняя часть листа оборвана; на обор. пробы пера и монограмма АП. рукою Пушкина. Черновикъ; на французскомъ языкѣ. Письмо въ печати неизвѣстно; содержаніе его изложено въ статьѣ неизвѣстнаго автора, посвященной Пушкину и напечатанной въ „Рус. Старинѣ“ 1874 г., т. 10, 703—704.

7). *Къ П. А. Плетневу*, 21 янв. 1831 г. (Лит. ф. 7, № 270, стр. 258—259). Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. Бумага 1829 г. Все письмо исколото иглой (вѣроятно, для дезинфекціи, т. к. писано во время холеры). На об. 2-го л. остатки красной сургучной печати, почтовый штемпель и адресъ; лицевая сторона 2-го л. бѣлая. Подписи нѣтъ; дата „21 янв.“.

8). *Къ М. П. Погодину*, 1831 г. (ср. Ефр. 7, № 390, стр. 468—469). Въ 8-ую долю, на 2-хъ листахъ. Надъ началомъ письма рукою Л. Н. Майкова приписано: Погодину 1831. — Ни обращенія, ни подписи нѣтъ.

9). *Къ родителямъ* 1831 (?) г. Въ четвертку, на 1 л. На лицевой сторонѣ, среди текста цифра 3 краснымъ черниломъ; на об. красная цифра 2; поверхъ текста оборотной стороны наброски профилей и списокъ стихотвореній Пушкина, среди которыхъ встрѣчаются и произведенія 1831 г. Письмо черновое, писано частью черниломъ, частью карандашомъ. Даты нѣтъ.

10). *Къ Н. Н. Пушкиной*, 24 апр. 1834 г. Въ листъ, на 1 л. Бумага 1830 г. Листокъ оборванъ снизу и запачканъ. Письмо въ печати неизвѣстно. Обращенія и подписи нѣтъ; дата „Вторникъ“, изъ текста видно — страстной недѣли; годъ опредѣляется при помощи другихъ писемъ.

11). *Къ П. Я. Чаадаеву* (1836). Въ листь, на 2-хъ лл. Сѣрватая бумага со знакомъ 1836 г. Среди текста красныя цифры: 13, 14. Черновикъ; на французскомъ языкѣ. Конецъ письма сходенъ съ отрывкомъ того письма (черновымъ), которое напечатано г. Ефремовымъ въ послѣднемъ изданіи сочиненій Пушкина, т. 7, стр. 664—665, № 589; этотъ послѣдній черновикъ частью сходенъ съ письмомъ—тоже черновымъ, напечатаннымъ тамъ же, подъ № 588,—19 окт. 1836 г.; надо думать, № 589 только иная редакція письма № 588, а не самостоятельное письмо. Нѣкоторыя мѣста нашей рукописи, не сходныя съ № 589, сходны съ № 588.

12). *Къ бар. Геккерену*, 21 ноября 1836 г. Одиннадцать клочковъ письма (изъ нихъ одинъ безъ текста), видимо, отъ двухъ разныхъ листовъ бумаги,—одна изъ первоначальныхъ редакцій письма. Бумага синеватая. На одномъ изъ клочковъ знакъ 1826 г.; этотъ клочекъ составляетъ одно цѣлое съ тремя другими; еще два могутъ быть соединены вмѣстѣ, остальные четыре не имѣютъ связи ни другъ съ другомъ, ни съ остальными. Всѣ отрывки писаны черниломъ, за исключеніемъ одного, писаннаго карандашомъ. См. изд. Лит. ф. № 478 (послѣдняя редакція) и „Рус. Стар.“, 1880 г., т. 28, № 7, стр. 516—520 (первоначальная редакція).

13). *Къ А. О. Ишимовой*, 25 янв. 1837 г. Въ восьмую долю, на 1-мъ листѣ. Синеватая бумага. На об. краснымъ черниломъ цифра 24. Черновикъ; безъ обращенія, подписи и даты. Въ печати извѣстно по бѣловому списку (Лит. ф., № 484, стр. 419).

Письма къ Пушкину.

1). *С. Л. Пушкина*, 16 апр. 1830 г. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. Письмо писано по французски (см. Анн.

3*

1. 2782—79). Въ низу л. 2-го и на оборотѣ его приписка Над. Ос. Пушкиной.

2). *П. И. Кеттена*, 17 іюля 1836 г. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. На л. 1-мъ краткая записка (по русски), на л. 2-омъ извлеченіе изъ статьи А. Кухарскаго о имени Троянъ въ Словѣ о полку Игоревѣ (на нѣмецкомъ языкѣ).

3). *П. Я. Чаадаева*, безъ даты. Въ четвертку, на 2-хъ л. Письмо занимаетъ лицевую сторону 1-го л., на об. 2-го адресъ. На французскомъ языкѣ.

III. Копіи Произведеній Пушкина.

1). *Молитва лейбъ-гусарскихъ офицеровъ 1817* (отн. къ 1816 г.). Въ четвертку, л. 2 лл. Копія рукою П. В. Анненкова. Надъ заглавіемъ отмѣчено, что стихотвореніе это получено отъ Сабурова (Я. Н. ?); въ концѣ объяснительная къ стихотворенію приписка Анненкова (Лит. ф. 7. стр. LIV; Ефр. 8. 76—77).

2). Отрывки изъ *Руслана и Людмилы*. Въ листъ, на 1 л. Писано рукою П. В. Анненкова, карандашомъ. Въ рукописи приведены стихи, бывшіе въ изданіи 1820 г. и выпущенные или измѣненные въ изд. 1828 г.; всѣ они приведены въ изд. Лит. ф. въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ (т. 2, стр. 212, 213, 217, 223, 226, 242, 243 и 250); перечень пропущенныхъ стиховъ въ рукописи не совсѣмъ полонъ.

3). *Изъ посланія Я. Н. Толстому*, нач.: *Горишь ли ты, лампада наша...?* (1822). Въ листъ, на 1 л. Строки, пропущенныя въ изд. Анненкова (т. 1. 187), но теперь печатающіяся (Лит. ф. 7. 40): „Вотъ онъ, пріютъ...“ и слѣд. шесть.—На томъ же листкѣ ниже *Экспромптъ Гнѣдиму* при чтеніи имъ у Я. Н. Толстого отрывка изъ *Иліады* (1819)

нач.: *Съ тобою въ споръ я не вступаю...* (Лит. ф. 7. 214). Листокъ писанъ Я. Н. Толстымъ.

4). *Кавказскій плѣнникъ* (1821) и *Бахчисарайскій фонтанъ* (1822). Въ 32-ю долю, на 38 лл. Писано красивой, мельчайшей скорописью; на об. л. 1-го тушью портретъ Пушкина въ дѣтскомъ возрастѣ съ гравюры Гейтмана (портретъ этотъ былъ приложенъ къ 1-му изданію Кавказскаго Плѣнника). Рукопись заключена въ красный сафьянный переплетъ, тисненный золотомъ, съ буквами L. G. на передней доскѣ и надписью — Соч. Пушкина — на корешкѣ; золотой обрѣзъ; при рукописи футляръ зеленого сафьяна.

5). *Генералу Пущину* (1821) и *Вигелю* (1823). Въ листъ, на 1 л. Первая пьеса — экспромптъ П. С. Пущину — въ рукописи съ добавленіемъ не печатающихся въ изданіяхъ четырехъ начальныхъ стиховъ (Лит. ф. 1. 262); нач.: Въ дыму, въ крови, сквозь тучи стрѣль.... — Вторая пьеса въ сравненіи съ текстомъ письма къ Ф. Ф. Вигелю (Лит. ф. 7. 64 — 65) даетъ нѣкоторые варианты.

6). *Хотя стихишки на именины...* (1825) и *За Netty сердцемъ я летаю...* (1828). Въ четвертку, на 1 л. Старая сѣрватая бумага. Среди текста красная цифра 20. Листокъ писанъ рукою А. Н. Вульфъ (Анн. 7. 89; Лит. ф. 1. 346; Анн. 7. 92; Лит. ф. 2. 42). Первая пьеса посвящена Аннѣ Николаевнѣ Вульфъ, вторая — Аннѣ Ивановнѣ Вульфъ.

7). *Письма*, записанныя Пушкинымъ (1825). Въ листъ, на 2 лл. Писарскимъ почеркомъ, съ поправками и дополненіями рукою Анненкова: 1) *Во городъ было во Астрахани...* (Лит. ф. 1. 372 — 373), 2) *Какъ на утренней зарѣ...* (Лит. ф. 1. 373), 3) *Во славномъ городѣ во Кіевѣ...* (Лит. ф. 1. 374 — 375), 4) *Какъ за церковью за нѣмецкою...* (Лит. ф. 1. 372).

8). *Нѣтъ, я не льстецъ...* (1828). Въ 8-ую долю, 1 л. (Анн. 7. 37 — 38; Лит. ф. 2. 29 — 30).

9). *Гонимый рока самовластьемъ...* (1832). Обрывокъ листа (Лит. ф. 2. 142).

10). Отрывки изъ *Мѣднаго всадника* (1833) и изъ *Родословной моего героя* (1833). Въ 8-ую долю и листъ, на 3-хъ лл. Писано рукой Анненкова, карандашомъ. Приведенные въ рукописи стихи Мѣднаго всадника отмѣчены въ изд. Лит. ф., т. 3, стр. 561, 563, 570 — 571 (последніе введены въ текстъ), Родословной — тамъ же, т. 3, стр. 550 — 551 (введены въ текстъ), 554 — 555, 552. (Нѣкоторые стихи Мѣднаго всадника въ первыхъ его изданіяхъ, какъ извѣстно, были замѣнены по цензурнымъ условіямъ иными, частью не Пушкинскими — см. Ефр. 8. 450 и слѣд.).

11). *Мірская власть*, нач.: „*Когда великое свершалось торжество...*“ (1836). Въ листъ, 1 л. Писано рукою П. В. Анненкова (Лит. ф. 2, 186). На об. листа *Арionъ* (1827).

12). *Нѣкоторыя историческія замѣчанія* (1822), копія поздняго времени. Въ листъ, на 4 лл. Въ концѣ приписано: Писано въ Кишиневѣ 1821—1822 год. и почерпнуто изъ сборника Н. С. Алексѣева. — Въ настоящее время статья эта напечатана (съ пропусками) по оригиналу, находящемуся въ собраніи П. Я. Дашкова (см. Ефр. 5. 354 — 360; Лит. ф. 5. 10 — 14).

13). *Отрывокъ изъ опыта отраженія нѣкоторыхъ нелитературныхъ обвиненій* (1830). Въ четвертку, на 2-хъ лл. Нач.: Одинъ изъ великихъ нашихъ согражданъ...; конч.: *On en rit, j'en ris moi-même* (Лит. ф. 5. 118 — 119).

В. Срезневскій.

Собрание автографовъ Пушкина,

принесенное въ даръ рукописному отдѣленію библіотеки Императорской Академіи наукъ Е. А. Масальской-Суриной (рожд. Шахматовой).

Въ ряду новыхъ приобрѣтеній Пушкинскаго отдѣла рукописнаго отдѣленія библіотеки Академіи наукъ существенное значеніе имѣетъ коллекція, принесенная въ даръ библіотекѣ Евгеніей Александровной Масальской-Суриной (рожд. Шахматовой), заключающая собраніе автографовъ Пушкина, между прочимъ рядъ писемъ, до сихъ поръ извѣстныхъ только по спискамъ. Свѣдѣнія объ этой коллекціи съ указаніемъ вариантовъ въ стихотвореніяхъ и поправокъ къ извѣстнымъ въ печати текстамъ писемъ представляемъ въ настоящемъ описаніи.

Стихотворенія.

І. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. Бумага съ клеймомъ 1821 г. Въ правыхъ верхнихъ углахъ листовъ цифры 113 и 114.

л. 1. «Друзьямъ», нач.: „Вчера былъ день разлуки шумной...“ (изд. Анненк., т. 2, 326 — 327; Лит. фонда, т. 1,

272—273). Относится къ 1822 году; впервые пьеса была напечатана въ Полярной звѣздѣ 1824 г., стр. 24—25. Въ рукописи первоначально было заглавіе „Вакхическая пѣснь“; затѣмъ зачеркнутое, оно было замѣнено тѣмъ, подѣ которымъ пьеса известна теперь. Подпись монограмма АП. — Варианты: 1-я строфа, 4 строка — „при блескъ чашъ“ вм. „при громѣ...“; 3-я строфа, 2 строка — „вашихъ глазъ“ вм. „нашихъ...“; въ этой редакціи стихотвореніе было напечатано въ Полярной звѣздѣ.

л. 1 об. «Гречанкѣ», нач.: „Ты рождена воспламенять...“ (изд. Анненк., т. 2, 329—330; Лит. фонда, т. 1, 279—280). Относится къ 1822 году. Въ первый разъ было напечатано въ Полярной звѣздѣ 1823 г., стр. 107 — 108. Подѣ строкой примѣчаніе къ сл. „пѣвецъ Лейлы“: „См. поэму лорда Байрона Гяуръ (а не Джауръ, какъ пишутъ нѣкоторые)“. Подпись монограмма АП. — Вариантовъ къ известному въ печати тексту нѣтъ, кромѣ написанія въ стр. 15-й, „въ дальней сторонѣ“ (какъ въ Пол. звѣздѣ) вм. „дальней...“ (какъ въ слѣд. изд.).

л. 2 об. «Элеія», нач.: „Увы, зачѣмъ она блеститъ...“ (изд. Анненк., т. 2, 260—261; Лит. фонда, т. 1, 223—224). Относится къ 1820 г. Впервые было напечатано въ Полярной звѣздѣ 1823 г., стр. 335 — 336. — Вариантовъ къ обычному тексту рукопись не даетъ.

II. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. Бумага съ филигранью TS. Въ правыхъ верхнихъ углахъ листовъ цифры: на 1-мъ л. — 36 и 34, на 2-мъ — 35; на полѣ 1-го листа приписано дѣтскимъ почеркомъ старинной руки „Молилевъ“(?). Оба листка заняты стихотвореніемъ «*Ovidiū*» (изд. Анненк., т. 2, 301—304; Лит. фонда, т. 1, 258—260: „Къ Овидію“). Относится къ 1821 г. Впервые было напечатано въ Полярной звѣздѣ 1823 г., стр. 81 — 84 (озаглавл. „Овидію“; вм. подписи двѣ звѣздочки, какъ и въ рукописи). — Вариантъ въ 24 стихѣ, который читается

такъ: „Ты, съ юныхъ дней своихъ презрѣвшій мечъ булатной...“ вм. „Ты, съ юныхъ лѣтъ презрѣвъ волнение жизни ратной“, какъ въ Полярной звѣздѣ и др. изданіяхъ.

III. Въ четвертку, на 1 листѣ. Бумага съ филигранью — раковина (та же, что въ письмѣ Бестужеву 8 февр. 1824 г. — см. ниже). Въ правомъ верхнемъ углу цифра 68. На листкѣ находятся два стихотворенія: «*Элегія*» (нач.: „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты...“) и «*Нереида*» (у Анненкова, т. 2, 340 — 341 и 269). Первое относится къ 1823 году, второе къ 1820 году. Въ первый разъ были напечатаны въ Полярной звѣздѣ 1824 г., стр. 314 — 315 и 29, но съ такими грубыми опечатками, что въ томъ же году были перепечатаны вновь въ „Литературныхъ листкахъ“ Булгарина (№ 4, стр. 134—135); „Элегія“ и на этотъ разъ не обошлась безъ дефектовъ, такъ какъ появилась въ печати безъ трехъ стиховъ (26 — 28). Рукопись наша, думаемъ, представляетъ тотъ именно автографическій списокъ, который былъ присланъ для напечатанія въ „Литературныхъ листкахъ“. На это указываетъ во первыхъ то, что списокъ точно сходенъ съ текстомъ „Литературныхъ листовъ“ во всѣхъ вариантахъ противъ обычнаго текста. Во вторыхъ, въ рукописи особенное вниманіе обращено на тѣ слова, которыя явились въ Полярной звѣздѣ съ опечатками, — они писаны тщательнѣе, чѣмъ другія, и подчеркнуты; — въ Элегіи эти слова: *бесстыды* (Полярн. звѣзда — бесѣдѣ, 12), *съ боязнью* (Полярн. зв. — болѣзнью, 15); въ Нерейдѣ: *надъ* (Полярн. зв. — какъ, 3). Наконецъ, что особенно бросается въ глаза, это пропускъ въ рукописи тѣхъ же трехъ стиховъ (26 — 28) Элегіи, которыхъ недостаетъ въ изданіи Лит. листовъ. Среди доказательствъ нашего предположенія, конечно, наиболѣе существеннымъ является второй пунктъ — отмѣтка опечатокъ. — Что касается до вариантовъ противъ обычнаго текста, то они въ Элегіи слѣдующіе (въ сравненіи съ

текстомъ Анненкова): 2 стр. „моей любви *несчастнос*“ (Анн. безумное), 9 стр. „мнѣ *чувства* омрачивъ“ (Анн. разумъ), 10 стр. „*безумной*“ (Анн. несчастной), 11 стр. „въ толпѣ ихъ *шумной*“ (Анн. страстной), 12 стр. „*уирюмъ* и молчаливъ“ (Анн. одинъ и ...), 15 стр. „хочу-ль *уйти*“ (Анн. бѣжать), 34 стр. „но *ты върна*“ (Анн. но я любимъ). Вариантъ въ Нерейдѣ одинъ: 3 стр. „сокрытый межъ *оливъ*“ (Анн. межъ деревъ). Подпись въ рукописи послѣ второго стихотворенія — буквы А. П.

Письма.

1. Письма къ А. А. Бестужеву.

1). Письмо 21 іюня 1822 г. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. Бумага съ филигранью TS. Въ правыхъ верхнихъ углахъ листовъ помѣтки 119 и 120. Подпись „Пушкинъ“; дата полная. — Въ изданіи Литературнаго фонда 1887 г. (т. 7, № 24, стр. 32—33) слѣд. неточность: 32,30-31 чит. „препятствія *въ* напечатаніи“.

2). Письмо 13 іюня 1823 г. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. Бумага съ клеймомъ 1821 г. Подпись монограмма АП; дата „13 іюня“. — Въ изданіи Литературнаго фонда (т. 7, № 39, стр. 49—51) слѣд. неточности: 50.3 вм. „это молчаніе“ чит. „это *умолчаніе*“; 50.4 вм. „я отъ тебя“ чит. „*а* отъ тебя“; 50.5 чит. „*а* обижать; 50.16 чит. и сказывали *тѣ*, что ходять; 50.18-19 чит. „*Благовѣщеніе*“; 50.24 чит. „въ рукахъ Николая Раевского“.

3). Письмо 8 февраля 1824 г. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. Подписи нѣтъ; дата полная; на оборотѣ адресъ. — Неточности въ изданіи Лит. фонда (т. 7, № 59, стр. 71—72): 71.26-27 чит. „для снисходительнаго вниманія, мил(остивая) госуд(*арыня*) NN и ожидаетъ *ободрительной* улыб-

ки...“; 72.15 в. „напечаталъ“ чит. „*печатаю*“; 72.5 сл. „похабный“ поставлено въ скобки и вписано между строкъ.

4). Письмо 29 іюня 1824 г. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. Бумага съ клеймомъ 1821-г. Подписи нѣтъ; дата полная.—Неточности изд. Литер. фонда (т. 7. № 68, стр. 81—82): 81.20 чит. „*послѣднее твое*“; 81.24-25 в. „приятно ли“ и проч. чит. „*пріятельское ли дѣло вывѣшивать на показъ мокрѣя мои простыни? Богъ...*“ и пр.; 81.26 чит. „ты острамилъ“; 81.27-28 в. „еще не кстати“ чит. „еще кстати“; 81.29 в. „припомянуть“ чит. „*припомнитъ*“; 81.30 чит. „когда увидѣлъ“; 82.2-3 чит. „*единственномъ журналѣ*“; 82.12 чит. „*миновался*“; 82.14-15 в. „въ свидѣтели“ чит. „въ *свидѣтельство*“; 82.17 в. „но вижу“ чит. „*а вижу*“; 82.20 в. „грезъ“ чит. „*жидъ*“; 82.21 чит. „*нопа*“; 82.24 в. „молодости“ чит. „*младости*“.

5). Письмо 24 марта 1825 г. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. Бумага съ клеймомъ 1820 г. Прожжено насквозь по срединѣ листа. Начальные слова письма: „Во первыхъ пришли мнѣ свой адресъ...“; въ концѣ отмѣтка: „24 март. Михайловское“. Письмо это въ изданіяхъ присоединяется, какъ продолженіе, къ письму, начинающемуся словами „Отвѣчаю на первый параграфъ твоего Взгляда“... (изд. Лит. фонд., № 103) и помѣчается 21 марта (въ „Матеріалахъ“ Анненкова, стр. 128, — 12 марта); нужно сказать, что по бумагѣ, почерку, сгибамъ оно совершенно сходно съ указаннымъ письмомъ; поэтому, вѣроятно, однимъ изъ переписчиковъ, по копіи котораго было напечатано въ Русской старинѣ (1882, т. 33, стр. 460) и затѣмъ въ собраніяхъ сочиненій Пушкина, и было принято за составную часть другого (отн. этого — второго письма см. ниже). Разновременность написанія писемъ явствуетъ изъ того, что въ одномъ изъ нихъ (24 мр.) находимъ слова „Жду П[олярную] З[вѣзду], давай ее сюда; предвижу, что буду съ тобой согласенъ въ твоихъ мнѣніяхъ литературныхъ...“;

въ другомъ же подробно разбираются эти мнѣнія.—Неточности передачи въ изданіи Лит. фѳонда (№ 103, стр. 117—118): 117.15 в. „очень очень дѣльное“ чит. „очень дѣльное“; 117.15 в. „пришлю“ чит. „*перешлю*“; 117.21 в. „имѣлъ къ тому“ чит. „имѣлъ тому“; 118.10 в. „въ этомъ“ чит. „въ *ономъ*“; 118.16 в. „но тебѣ“ чит. „*да* тебѣ“.

6). Письмо безъ даты; на основаніи содержанія можетъ быть отнесено къ концу апрѣля 1825 г. Въ четвертку, на 4-хъ листахъ. Бумага съ клеймомъ фабрики Сазонова 1820 г. Подписи нѣтъ. Первая часть письма (начиная со словъ „Отвѣчаю на первый параграфъ...“ и кончая словами „я буду говорить“) въ изданіи Лит. фѳонда 1887 г. (т. 7, 115—117) и „Рус. Старинѣ“ (1882 г., т. 33, 458—459) напечатана въ соединеніи съ письмомъ 24 марта, и такимъ образомъ съ невѣрной датировкой (см. выше); вторая часть—какъ самостоятельное письмо (Лит. фѳонд., 1887, 127—128; „Рус. стар.“ 1882 г., т. 33, 461—462). Ранѣе въ правильномъ порядкѣ все письмо полностью было напечатано въ „Русскомъ словѣ“ 1861 г. (ч. 2, стр. 24—27), въ отрывкахъ у Анненкова (Мат., 160—162).—Неточности передачи въ изданіи Лит. фѳонда 1887 г. (№№ 103 и 114, стр. 115—117, 127—128): 115.27 в. „у такихъ“ чит. „у *таковыхъ*“; 116.7 в. „и нѣтъ литературы“ чит. „*а* нѣтъ...“; 116.8 чит. „*и* недостаетъ“; 116.9 чит. „репутаціи“; 116.24-25 чит. „что *это* все не можетъ установить *какого-нибудь* мнѣнія“; 116.28 чит. „вотъ все“; 116.29 в. „можно сказать“ чит. „*скажемъ*“; 116.31 в. „позже“ и проч. чит. „*ниже* съ этимъ *соглашаешься*“; 116.37 в. „не хуже“ чит. „не *ниже*“; 116.41 чит. „*да* Баратынскаго“; 117.1-2 в. „таланты“ чит. „дарованія“; 127.20 чит. „*предъ* ними“; 127.31 чит. „*объ* нашей-то“; 128.2 чит. „*подлецъ* Воронцовъ“; 128.8 в. „подражаніяхъ“ чит. „*подражателей*“; 128.15 чит. „брось *этихъ* нѣмцевъ“; 128.18 в. „романической“ чит. „*байронической*“; 128.20 чит. „*конечно* тебѣ“; 128.20 чит. „на *его*

Войнаровскаго“. Изданіе „Рус. слова“ исправнѣе изд. Литературнаго фонда, но въ немъ имѣются нѣкоторые пропуски, вѣроятно, обусловленные требованіями цензуры. Слѣдуетъ отмѣтить, что фразы, поставленные въ изд. Лит. фонда въ скобкахъ, въ оригиналѣ находится или подъ строкой или на полѣ; это суть: „виноватъ! Гораций...“ (115), „уважаю въ немъ великаго человѣка...“ (116), „у одного только народа...“ (116). Интересно отмѣтить, что слова „кумиръ Державина $\frac{1}{4}$ золотой, $\frac{3}{4}$ свинцовый“, первоначально были написаны — „...полузолотой, полусвинцовый“, затѣмъ слова „полу“ были зачеркнуты и надъ ними поставлены цифры.

7). Письмо 30 ноября 1825 г. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. Писано блѣдными коричневатыми чернилами. Безъ подписи; дата „30 ноября“. На оборотѣ адресъ: „Его Высокоблагородію Кондратью Федоровичу Рылѣву въ С.-Петербургъ. У Синяго мосту въ домѣ Американской компаніи. Пр. дост. Г-ну Бестужеву“. Печать Пушкина чернаго сургуча, почтовый штемпель „Опочка 18... дек. 5“. — Неточности передачи въ изданіи Лит. фонда (№ 151, стр. 166): 166.9 чит. „объ журналѣ“; 166.12 вм. „запрещеніями“ чит. „защипеніями“; 166.12 чит. „выдутъ“; 166.20 чит. „была бы лучше“; 166.28 чит. „все будетъ слоиз сбиваться“. Въ „Рус. словѣ“ текстъ переданъ точнѣе, но съ сокращеніями, ничѣмъ не отмѣченными. См. еще „Рус. стар.“, 1882 г., т. 33, с. 463 — 464 (по списку), Отеч. зап. 1855, № 6, отд. III, с. 64.

II. Письма къ К. Θ. Рылѣву.

1). Письмо 25 янв. 1825 г. Въ 8-ую долю, на 2-хъ листахъ. Безъ подписи; дата: „25 генв.“. — Неточности изд. Литературнаго фонда (№ 94, стр. 106 — 107): 106.23 вм. „отрывки“ чит. „отрывокъ“; 106.30 чит. „Гудибраса“; 107.1

чит. „Ренике-Фуксъ“; 107.2 в.м. „и проч. и проч.“ чит. „etc. etc. etc. etc.“; 107.3-4 чит. „картины... входятъ“; 107.10 в.м. „навсегда“ чит. „*сеида*“; 107.11 в.м. „корить... вѣнчать“ чит. „*казнитъ ...отнчаетъ*“; 107.14 чит. „января“.

2). Письмо безъ даты, относимое къ концу апрѣля 1825 г. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ (2-й листъ бѣлый). Бумага съ клеймомъ 1824 г. Подписи нѣтъ. — Неточности противъ изд. Литер. фонда (№ 113, стр. 126 — 127): 126.28 чит. „подразумѣвать *похвалу*, знаки *возклицанія*“; 126.29 чит. „писано *тобою* съ умыслу“; 126.29 чит. „не счелъ *я* за нужное отмѣчать *его* для тебя“; 127.12 чит. „Наливайки.“

III. Письмо къ А. Х. Бенкендорфу.

21 апр. 1828 г. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. Въ правыхъ верхнихъ углахъ листовъ помѣтки 16 и 17. На 1-мъ л. надъ обращеніемъ приписано: „пол. 23 Апрѣля. 1828 г.“ Подпись и дата полныя. Напечатано въ первый разъ въ Рус. старинѣ 1874 г. (т. 9, с. 394—395) въ статьѣ А. И. Ивановскаго „А. С. Пушкинъ, эпизодъ изъ его жизни 1828 г.“ (по оригиналу); хотя отмѣчено, что письмо „приведено безъ малѣйшаго измѣненія въ грамматикѣ и ореографіи“, неточности, и именно отклоненія отъ ореографіи, есть. Въ изд. Лит. фонда, № 201, стр. 201 — 202.

В. Срезневскій.

Къ литературной исторіи „Исторіи села Горохина“.

„Англія есть отечество карриатуры и пародій. Всякое замѣчательное происшествіе подаетъ поводъ къ сатирической картинкѣ; всякое сочиненіе, ознаменованное усѣхомъ, подпадаетъ подъ пародію. Искусство поддѣлываться подъ слогъ извѣстныхъ писателей доведено въ Англіи до совершенства. Не думаю, чтобы кто нибудь изъ извѣстныхъ нашихъ писателей могъ узнать себя въ пародіяхъ, напечатанныхъ недавно въ одномъ изъ московскихъ журналовъ. Сей родъ шутокъ требуетъ рѣдкой гибкости слога; хорошій пародистъ обладаетъ всѣми слогами, а нашъ едва ли и однимъ. Впрочемъ, и у насъ есть очень удачный опытъ: г-нъ Полевой очень забавно пародировалъ Гизота и Тьерри“.

(А. Пушкинъ, „О карриатурѣ въ Англіи и о Полевомъ“, 1830).

„Самая замѣчательная пародія Пушкина, говоритъ Страховъ, есть *„Лѣтопись села Горохина“*, въ которой онъ пародировалъ первыя главы *Исторіи Государства Россійскаго*. Ложный тонъ Карамзина здѣсь разоблаченъ совершенно, при томъ не вообще, а съ точнымъ указаніемъ избранныхъ свойствъ предмета, по отношенію къ кото-

рому этотъ тонъ ложенъ“¹⁾. Это утвержденіе, будто „Исторія села Горохина“ есть пародія на Исторію Карамзина — домyselъ, ни на чемъ не основанный и ничѣмъ не подтверждаемый, тѣмъ не менѣе, имѣвшій нѣкоторый успѣхъ въ русской критической литературѣ.

Это тѣмъ болѣе странно, что въ томъ-же 1830 году, когда создано было разбираемое произведеніе, написалъ Пушкинъ, между прочимъ, разборъ „Исторіи русскаго народа“ Н. Полевого. Въ этой статьѣ поэтъ неразъ нападаетъ на Полевого за несправедливое отношеніе къ Карамзину. Напр.:

„...но желаніе отличиться отъ Карамзина слишкомъ явно въ г-нѣ Полевомъ, и, какъ заглавіе его книги есть не что иное, какъ пустая *пародія* заглавія Исторіи Государства Россійскаго, такъ и рассказъ г-на Полевого слишкомъ часто не что иное, какъ *пародія* рассказа исторіографа“.

«Исторія Русскаго народа» начинается живымъ географическимъ изображеніемъ Скандинавіи и нравовъ дикихъ ея обитателей; г-нъ Полевой становится столь же теменъ въ изложеніи своихъ этнографическихъ понятій, какъ въ философическихъ разсужденіяхъ своего предисловія. Онъ или повторяетъ, сблизивъ то, что было ясно изложено Карамзинымъ, или касается предметовъ, вовсе чуждыхъ исторіи русскаго народа, и, утомляя вниманіе читателя, говоритъ поминутно: „И такъ мы видимъ.. Изъ сего слѣдуетъ...“ . „...Презрѣніе, съ какимъ г. Полевой отзывался въ своихъ примѣчаніяхъ о Карамзинѣ, издѣваясь надъ его трудомъ, оскорбляло нравственное чувство уваженія нашего къ великому соотечественнику...“ и пр.

Достаточно этихъ цитатъ, чтобы удостовѣриться, что въ 1830-омъ году Пушкинъ энергично и искренно *защи-*

---

1) Н. Н. Страховъ, „Замѣтки о Пушкинѣ“.

шалъ Карамзина, и отнюдь не былъ расположенъ сочинять „пародіи“ на его безсмертный трудъ. Любопытно, что, рядомъ съ этимъ уваженіемъ къ Карамзину, около имени Полевого какъ разъ вьется неотступно насмѣшливое слово: „пародія“. Полевой, по мнѣнію поэта, слѣпо подражалъ Карамзину, Тьерри, Баранту и Нибуру, но это подражаніе было такъ неудачно, что переходило въ «*пародію*».

Полевого поэтъ высмѣялъ зло не только въ этой критикѣ на его историческій трудъ, но и въ частныхъ письмахъ, и въ шуточныхъ „Дѣтскихъ сказкахъ“ (все въ томъ-же 1830-омъ году), — конечно, къ нему онъ не питалъ никакого благоговѣнія и готовъ былъ его вышучивать. Вотъ почему съ бѣльшимъ правомъ можно утверждать, что „Исторія села Горохина“ есть пародія на „Исторію русскаго народа“ Полевого. Мнѣніе это еще въ 1900-омъ году нашло себѣ подтвержденіе въ статьѣ: „Исторія села Горохина“ г. Черняева¹⁾, который, опровергая Страхова, заявляетъ, что пародія Пушкина направлена не противъ Карамзина, а вообще противъ исторіографовъ съ такими пріемами изслѣдованія и изложенія, какіе не нравились поэту; мелькомъ и Черняевъ останавливаетъ вниманіе свое на Полевомъ²⁾, дѣлаетъ нѣкоторыя любопытныя сопоставленія и проходитъ мимо, не сдѣлавъ вышеприведеннаго категорическаго заключенія. Конечно, пока и не произведенъ обстоятельный сравнительный анализъ содержанія и стилиа обоихъ сочиненій, вопросъ до нѣкоторой степени является открытымъ, но и

---

1) Н. И. Черняевъ, „Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ“, Харьковъ. 1900.

2) „Такія же сближенія, какія сдѣлалъ Страховъ между параллельными мѣстами „Исторіи села Горохина“ и Исторіей Карамзина можно сдѣлать между и *любымъ сочиненіемъ* по русской исторіи. Возьмемъ, *напримръ*, „Исторію русскаго народа“ Полевого“ (стр. 521).

сдѣланныя г. Черняевымъ сопоставленія указываютъ, на мой взглядъ, каковы должны быть результаты сближенія этихъ двухъ произведеній.

Но если можно считать до нѣкоторой степени рѣшеннымъ вопросъ, на кого мѣтила „пародія“ Пушкина, тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ нѣтъ отвѣта на вопросъ о томъ, насколько самостоятельна самая „идея“ этой пародии. Нетрудно было выпутить „исторію народа“ въ такой-же, но „только каррикатурной исторіи“, — но сжать исторію *государства* въ „исторію *села*“ — это, съ художественной точки зрѣнія, замысль, болѣе сложный, — его объяснить однимъ желаніемъ высмѣять Полевого нельзя.

Въ самомъ дѣлѣ, такое произведеніе, какъ „Исторія села Горохина“, заключаетъ въ себѣ, въ сущности, два предмета осмѣянія: 1) приемы писателей-историковъ, 2) предметъ ихъ изслѣдованія — ничтожный, не заслуживающій вниманія. Такимъ образомъ, заразъ осмѣивается пошлость исторіографа и пошлость изображенной жизни.

Едва-ли Пушкинъ сознательно желалъ въ своемъ произведеніи высмѣять Россію, между тѣмъ, онъ сдѣлалъ это. Очевидно, для объясненія такой странности мало одного сближенія съ Полевымъ, — нужно искать еще какихъ-нибудь литературныхъ фактовъ.

Мнѣ кажется, что изъ недоумѣнія насъ выводитъ одна любопытная работа извѣстнаго нѣмецкаго сатирика Рабенера, переведенная на русскій языкъ подъ названіемъ: *«Сокращеніе, учиненное изъ лѣтописи деревни Кверлеквичъ»* и изданная въ С.-Пб. въ 1764.

Это — остроумная сатира, художественнымъ замысломъ и, главное, тономъ совершенно напоминающая „Исторію (или лѣтопись) села Горохина“. Въ XVIII-мъ вѣкѣ сочиненіе это въ русскомъ переводѣ выдержало нѣсколько изданій (отдѣльно и въ собраніи сочиненій Рабенера), часто попадаетъ въ разныхъ каталогахъ, — словомъ, было дос-

таточно популярно. У меня нѣтъ данныхъ утверждать, что эта сатира была извѣстна великому поэту¹⁾, но, при любви его рыться въ старыхъ книгахъ, она могла попасть ему въ руки и возбудить его интересъ, а, и это—главное, слишкомъ ужъ исключительно сходно содержаніе произведеній Рабенера и Пушкина, чтобы можно было упорно отрицать всякую связь между ними. Только Салтыковская „Исторія одного города“ примыкаетъ къ этимъ двумъ произведеніямъ—до такой степени они одиноки по своему типу среди массы произведеній всеобщей литературы.

Во всякомъ случаѣ, сопоставленіе Пушкинскаго произведенія съ сатирой Рабенера очень любопытно; привожу подробный пересказъ этой сатиры въ русскомъ ея переводѣ.

Авторъ рассказываетъ, какъ онъ отыскалъ эту курьезную „лѣтопись“, и что въ ней оказалось.

Начинается она съ обращенія къ „благосклонному читателю“, при чемъ рассказано, откуда добыта лѣтопись (3).

„О сочинителѣ сей лѣтописи, такъ же и о томъ, когда она въ свѣтъ издана, заподлинно донести я не могу. На первой страницѣ оной, вмѣсто надписи, поставлена литера N,—конечно для того, чтобы возбудить въ читателѣ любопытство и охоту къ исканію имени сочинителя. Но я, не прилагая на то ни малаго труда, догадываюсь, что написалъ ее деревенскій пасторъ“ (4).

„Когда же сей Авторъ жилъ и историческія приключенія собиралъ, оное столько же, сколько и имя его сумнительно, а по догадкамъ кажется мнѣ, что сіе происходило вскорѣ послѣ смерти Канцлера Крела“ (4).

„... она весьма пространна, а писана въ листъ въ че-

---

1) Быть можетъ, составъ Пушкинской библіотеки (особенно изъ с. Болдина) поможетъ намъ въ этомъ отношеніи.

тыре алфавита, къ тому же мелкимъ и связнымъ письмомъ“ (4).

Посвящена „Лѣтопись“ тестю сочинителя и куму Юрью Клюнкеру, Бургомистру Меранскому и тамошняго почтеннаго сапожнаго цѣха Алдерману“ (7).

„Авторъ равняетъ мѣстечко Меране съ древнимъ Римомъ, а любезнаго своего тестя съ Цицерономъ“, — ибо де и онъ, какъ Цицеронъ, вреднаго городу Риму сластолюбиваго Катилину изъ онаго выгналъ, избавилъ городъ Меране отъ надменнаго городского писаря. (8).

„Отъ 9 до 12 страницы показываетъ порядокъ предпріемлемыхъ трудовъ своихъ; на 13 происходящую отъ оныхъ пользу; отъ 15 до 19 страницы изъясняется на шести листахъ, что за многотрудною своею должностію, сію припись окончатъ былъ принужденъ. За симъ слѣдуетъ на 20 и 21 страницахъ крайнее желаніе о продолженіи лѣтъ любезному своему куму, на 22 стр. находятся слѣдующія слова: „Должная безъ ласкательства въ честь господину сочинителю лѣтописи Кверлеквичской, и на память ему отъ ниже именованныхъ ученыхъ людей возстановленная похвала“. Но сочинитель нашъ, какъ видно, не дождавшись сихъ ученыхъ похвалъ, умеръ, ибо до самой сороковой страницы находятся одни бѣлые листы“ (9).

„Съ сорокового листа начинается самая лѣтопись большими словами: „Богъ создалъ свѣтъ, а потомъ мушину и женщину“. Тѣмъ кончается сія матерія, а сочинитель удивляется, сколь то чудно есть, что чрезъ столь многіе вѣки всѣ мѣста земныя родомъ человѣческимъ наполнились, такъ что нынѣ, говоритъ онъ, въ одной деревнѣ Кверлеквиче уже восемьдесятъ девять разумныхъ душъ находятся“ (9).

„На 46 стр. вздумалось ему добираться, въ какомъ бы состояніи деревня Кверлеквичъ за тысячу лѣтъ до сего

находилась, о чемъ заключилъ онъ, что въ тогдашнее время мѣсто сіе совсѣмъ было пусто, а тутъ, гдѣ построенъ въ киркѣ Канцель, — птица Выпь крикивала. Потомъ, истокая все свое знаніе, рассказываетъ о нѣкоемъ Херускомъ князѣ, Арминіи называемомъ. Говоря же о Атилѣ приходитъ въ крайнее иступленіе и удивляется судьбѣ Вандаловъ, изъ холодныхъ восточныхъ мѣстъ въ теплую Италію пришедшихъ“ (10).

„На стр. 59 опомнился и извиняется, что писалъ странно не безъ причинъ, ибо де хотѣлъ я доказать, каковы были предки наши. Но, почитая все оное сомнительнымъ, рассудилъ лучше замолчать, нежели что-нибудь сомнительное говорить, ибо де разумному человѣку безъ ясныхъ доказательствъ ни о чемъ писать не надлежитъ“ (10).

„Затѣмъ рассказываетъ о Гусѣ и Гуситахъ“. „Тутъ же искренне смѣется простодушію нѣкоего крестьянина..., на мученія сего одушевленнаго мужа, связку дровъ принесшаго“ (11).

„На стр. 66 объясняетъ, что такъ долго занимался „предками“ въ силу слѣдующаго разсужденія: „для меня, говоритъ онъ, довольно и того знанія, что намъ безъ предковъ быть не можно. Ибо, гдѣ есть дѣйствіе, тамъ надлежитъ быть и причинѣ; а понеже я и со всѣми крестьянами деревни Кверлеквичъ есмь дѣйствіе, слѣдовательно должна быть тому и причина, а она заключается въ предкахъ нашихъ, коихъ я выше сего съ столь великимъ трудомъ отыскать старался“ (11).

„На стр. 68 благодаритъ Создателя за то, что Тотъ умудрилъ его до того, что помогъ ему выбратъся изъ временъ древности во времена историческія“ (11).

„Потомъ описываетъ, а притомъ съ довольною ясностью, положеніе мѣста, округа пространство, плѣтни, рвы и расположеніе улицъ Кверлеквичскихъ“ (12).

„На стр. 80 объясняетъ происхожденіе названія Кверлеквичъ изъ *Querelatum quies*“ (12).

„На стр. 81 описываетъ строенія деревни съ приложеніемъ множества плановъ, коихъ въ мѣсяцъ и охотнику пересмотрѣть будетъ трудно; однакожь, несмотря на такое пространство, онаго въ порокъ ему ставить не можно, ибо тѣмъ соблюлъ онъ еще и въ нынѣшнія времена отъ таковыхъ же писателей крѣпко наблюдаемое правило“ (12).

„Земскую избу, въ кою за вину крестьянъ сажали, почитаетъ также особливаго примѣчанія достойную и называетъ ее ужасомъ слушниковъ и храмомъ справедливости, а земскаго строгимъ оной наблюдателемъ, а при семъ будто бы удобномъ случаѣ показываетъ находящееся между духовнымъ и свѣтскимъ правленіемъ различіе“ (13).

„Не умалчиваетъ и о сходной крестьянской избѣ. Объ ней говорилъ онъ не короче, какъ о дворянскомъ домѣ, а о стоящей подъ окномъ ея липѣ, подъ которой крестьяне всегда на всходъ збирались, безъ радостнаго восхищенія и упомянуть не можетъ. Ибо она дѣлаетъ ему всегдашнее напоминаніе о древнихъ идольскихъ липахъ, подъ которыми встарину и суды производились. Сію матерію распространилъ онъ весьма велерѣчиво, чему я и не удивляюсь; затѣмъ, что въ нынѣшнихъ писателяхъ въ таковыхъ дѣлахъ подобную ему ревность нахожу“ (13).

„На стр. 140 слѣдуетъ описаніе о церкви, поповомъ дворѣ и о школѣ, что онъ пространно описавши, приложилъ съ оныхъ и рисунки“ (13).

„Съ описаніемъ церкви соединяется разсказъ о находкѣ монеты съ неяснымъ изображеніемъ и неточной подписью — и доказываетъ, что сдѣлано Карломъ великимъ на случай крещенія Ветикиндова. — Другіе думали, что это „крышка съ пробки“.

„На стр. 203 до 279 стр. находится поколѣнная рос-

пись благородныхъ дворянъ и наслѣдныхъ господъ Кверлеквичскихъ“ (15).

„Гансъ-фонъ N. родился въ 1429 году, жилъ 65 лѣтъ. Объ немъ ничего больше не примѣчается, какъ только то, что былъ чрезвычайно толстобрюхъ“ (16).

„Гансъ Урлихъ фонъ N. Сынъ его, имѣлъ гончую собаку и любилъ ее столь сильно, что при погребеніи оной далъ священнику больше, нежели на поминаеніе тогда жъ скончавшагося своего сына; впротчемъ, былъ человѣкъ добрый“.

„Георгъ фонъ N ѣлъ, пилъ, а женатъ былъ на трехъ женахъ, любилъ крестьянъ своихъ; священникамъ же былъ крайній непріятель, а о томъ и слышать не хотѣлъ, чтобъ онъ на катедрѣ говорилъ... Отмѣнилъ древній обычай своихъ предковъ, кои ихъ по воскресеньямъ къ столу своему брали, словомъ былъ великой Атеистъ безбожникъ и безсовѣстный человѣкъ. И такъ, какъ жилъ, такъ и умеръ, ибо упалъ съ лошади и сломилъ себѣ шею. — Надъ гробомъ его происходилъ ужасный шумъ, которой и сама попададя собственными своими ушми слышала“ (16).

Со стр. 280-й до 363-й—идеть перечень церковниковъ и ихъ характеристики.

„Генрихъ Квадъ, честной мужъ, говорилъ еженедѣльно проповѣди и умеръ, оставя трудовъ своихъ книгу, называемую „чистосердечное наставленіе простодушнымъ проповѣдникамъ, какъ имъ на Канцелѣ осанисто говорить надлежитъ“ (17).

„Куртъ Гауціусъ, крайній пустосвятъ, блѣднѣлъ всегда, когда что нибудь дурное о Папѣ слышалъ. Отъ него сдѣлалось пятьдесятъ шесть человѣкъ раскольниковъ; бранился всегда съ помѣщикомъ и крестьянами за нестроеніе поповской конюшни; о праздникѣ (опившись пива) умеръ“ (17).

Изъ учителей школы выдѣленъ особенно одинъ Галвейтъ, которому авторъ лѣтописи присоединяетъ эпитетъ „Великій“ за то, что онъ обладалъ цѣлымъ рядомъ добродѣтелей и обучалъ дѣтей „чисто читать и писать, церковь содержалъ въ чистотѣ, изрядно въ колокола звонилъ, охотно пѣлъ“.

Изъ ученыхъ лицъ, происшедшихъ изъ села Кверлеквичъ: „Славнѣйшіе суть слѣдующіе: Юрья Грейфъ—крестьянской сынъ, учился правамъ и былъ стряпчимъ въ пригородкѣ недалеко отъ Магдебурга. Особья примѣты этого стряпчаго: длинные пальцы и такая толстая кожа на лицѣ, которая не пропускала краски стыда“ (19).

Балтазаръ Вурцель — лекаръ, изобрѣтатель разныхъ панaceaй.

Мартинъ Пинзель. Мать его, будучи имъ чревата, обѣщалась, когда дастъ ей Богъ сына, поставить его священникомъ. Необыкновенная тупость головы, косноязычіе и отсутствіе памяти, къ тому же призваніе къ кузнечному ремеслу, — все это мѣшало бѣдному Пинзелю выполнить обѣтъ матери. Но, наконецъ, мать до тѣхъ поръ его била, пока не позналъ онъ точнаго своего званія и не сдѣлался учителемъ богословія. (19).

Было нѣсколько поэтовъ: „Илья Папъ, изрядной пѣвецъ и смѣшной человѣкъ, ходилъ на весьма высокихъ каблукахъ...; умеръ чиріемъ, оставя по себѣ трагедію: „Слѣзная старость или Товій“ (20).

„Захарій Папъ, братъ его, такой-же, однакожь отъ онаго отмѣнной краснопѣвецъ“. — Былъ большой щеголь: „фухайку носилъ съ хрустальными разноцвѣтными пуговицами“, попалъ въ шайку комедіантовъ. „Собраніе стиховъ его напечатано подъ именемъ: „Собачьи бѣшенные дни“; онъ же написалъ оду въ честь своей лирѣ и, читая оную, въ первой разъ отроду засмѣявшись, захохотался до смерти“ (20).

„Наконецъ, на 384 стр. описаніе того, сколь часто въ Кверлеквичѣ солдаты постоемъ стояли. Какъ они, къ крайнему всѣхъ прихожанъ соблазну, съ госпожи сей деревни, тайно начальника ихъ посѣщающей, платье сняли; сколь часто крестьяне поносомъ недомогали, какъ нѣкоего конокрада, въ тюрьму посадивши, увѣщевали; такожь, что въ 1542 году сапожниковъ сынъ въ нужную яму упалъ, однакожь оттуда безъ всякаго вреда вытащенъ“ (21).

Все это окончаніе лѣтописи приписано, какъ предполагать Рабенеръ, супругой пастора.

Таково это любопытное произведеніе нѣмецкаго сатирика. Конечно, между лѣтописью села Горохина и лѣтописью деревни Кверлеквичъ сходства въ содержаніи почти нѣтъ, но за то *художественные замыслы*, лежащіе въ основаніи обоихъ произведеній, тождественны, ихъ художественное воплощеніе — *литературная форма, тонъ*, отношеніе авторовъ къ разсказу и героямъ—все это совершенно совпадаетъ. Съ одной стороны, совершенная обособленность „Лѣтописи села Горохина“ въ ряду всѣхъ твореній не только Пушкина (*единственное* сатирическое произведеніе), но и другихъ *русскихъ* произведеній болѣе раннихъ и современныхъ Пушкину, заставляетъ усумниться въ *оригинальности* замысла и формы этой единственной Пушкинской сатиры. Съ другой стороны, исключительность этой литературной формы (осмѣяніе „исторіи народа“ въ исторіи *деревни*)— формы, найденной Рабенеромъ, популярность его творенія у насъ въ XVIII в. — заставляетъ рѣшительно сблизать повѣсть Пушкина съ указанной сатирой.

Припомнимъ, въ заключеніе, слова поэта о томъ, что старыя запыленные дѣдовскія книги его интересовали и даже затрагивали его творчество: „Умный человекъ, говорилъ Пушкинъ, устами одного своего героя, могъ-бы взять здѣсь готовые характеры, исправить слогъ и без-

смыслицы, дополнить недомолвки — и вышелъ бы прекрасный, оригинальный романъ. Скажи это отъ меня моему неблагодарному Алексѣю П*. *Пусть онъ по старой кантѣ вышьетъ новые узоры*“ (Соч. Пушкина, т. VII, стр. 57, 68).

В. Ситовскій.

Русланъ и Людмила.

(къ ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ ПОЭМЫ).

„Вотъ эту пачку, сказалъ Кирѣевскій, далъ мнѣ самъ Пушкинъ и при этомъ сказалъ: „Когда-нибудь, отъ нечего дѣлать, разберите-ка, которыя поэтъ народъ и которыя смастерилъ я самъ“.

(*Ө. И. Буслаевъ, «Мои воспоминанія»*).

Съ восторгомъ принята была русской публикой и критикой первая поэма Пушкина; нѣсколько ворчливыхъ голосовъ потонули въ хорѣ восторженныхъ отзывовъ. Такой „успѣхъ“ среди „широкой публики“, конечно, знаменателенъ, — толпѣ нравится то, что ей по плечу, что беретъ лишь немного выше ея вкусовъ, что удивляетъ лишь нѣкоторой новизной, такъ сказать, частнаго характера, — ббльшею яркостью красокъ, нѣкоторою причудливостью формы, — но все то, что слишкомъ превышаетъ ея пониманіе, что слишкомъ для нея необычно и оригинально, — то встрѣчается ею съ недоумѣніемъ и враждой. Такова была судьба „Бориса Годунова“.

Поэтому *успѣхъ* „Руслана и Людмилы“ указываетъ, самъ по себѣ, на то, что это произведеніе было по плечу

русской публикѣ и потому было принято, какъ нѣчто всѣмъ понятное, всѣмъ доступное и, въ то же время, интересное.

Стоитъ опредѣлить, чтò въ поэмѣ Пушкина было „понятнымъ“, быть можетъ, даже *знакомымъ* его русскимъ поклонникамъ, чтò оказалось „приятной“ новизной, — и мы придемъ къ анализу литературной исторіи поэмы. Много было уже у насъ написано по этому вопросу, но, на мой взглядъ, еще остается сказать многое. Необходимо: 1) опредѣлить, хотя бы приблизительно, чтò въ русской литературѣ подготовило появленіе поэмы Пушкина и этимъ обусловило за ней успѣхъ, 2) чтò „новаго“ сказалъ юный поэтъ въ своемъ первомъ крупномъ произведеніи, и почему оно не утонуло въ морѣ забвенія среди массы однородныхъ произведеній, 3) въ какомъ отношеніи „народная“ поэма Пушкина находится къ народной поэзіи. Рѣшеніе этого послѣдняго вопроса приведетъ къ выясненію общаго вопроса о вліяніи народной поэзіи на Пушкина.

Въ статьѣ „Изъ замѣтокъ о Пушкинѣ: „Русланъ и Людмила“¹⁾. П. Н. Шефферъ подвелъ итоги тому, что сдѣлано было въ русской критической литературѣ для выясненія литературныхъ основъ Пушкинской поэмы.²⁾ Со своей стороны, онъ прибавилъ рядъ любопытныхъ дополненій (вліяніе вольтеровской „La Pucelle“ на характе-

---

1) „Сборникъ „Памяти Л. Н. Майкова“, С.-Пб. 1902.

2) Привожу перечень главныхъ работъ, пользуясь указаніями П. Н. Шеффера, посвященныхъ этому вопросу: Л. *Полвановъ*, „Русланъ и Людмила“, („Сочин. Пушкина“, изд. Поливанова, М. 1898, т. II, 1 — 21), П. В. *Владиміровъ*, „Происхожденіе „Руслана и Людмилы“ А. С. Пушкина“ („*Кіевскія Универс. Изв.*“ 1895 г., № 6); его же: „Пушкинъ и его предшественники въ русской литературѣ“ („Памяти Пушкина, научно-литературный сборникъ, собр. проф. и преподав. Имп. Университета Св. Владиміра“, Кіевъ. 1899); А. И. *Кирпичниковъ*, „Мелкія замѣтки объ А. С. Пушкинѣ и его произведеніяхъ“ („Русская Старина“ 1899 г., № 2); Н. И. *Черняевъ*, „Критич. статьи и замѣтки о Пушкинѣ“, Харьковъ. 1900.

ристику Людмилы; вліяніе поэмы Виланда „Оберонъ“ на эпизодъ похищенія Людмилы Черноморомъ; вліяніе „вступленія“ къ „Бахаріанѣ“ Хераскова на „прологъ“ къ „Руслану“). Съ особеннымъ вниманіемъ остановился авторъ на сличеніи пушкинскаго произведенія со сказкою объ Ерусланѣ Лазаревичѣ.

Рукописный текстъ этой старой сказки приводитъ изслѣдователя къ заключенію, что не здѣсь кроется объясненіе происхожденія поэмы; сопоставивъ текстъ *печатный* XVIII-го вѣка (изъ сборника „Лѣкарство отъ задумчивости и безсонницы, или вторая часть настоящихъ русскихъ сказокъ“ С.-Пб. 1815), онъ находитъ рядъ точекъ соприкосновенія, что позволяетъ ему заключить о преимущественномъ вліяніи на поэму Пушкина именно этого *печатнаго* текста.

Затѣмъ изслѣдователь переходитъ къ выясненію вліянія поэмы Жуковскаго: „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“ на „Руслана“.

Для нашихъ цѣлей, впрочемъ, интереснѣе всего заключеніе первое — относительно значенія *печатнаго* текста сказки, — указаніе, свидѣтельствующее о *литературномъ*, не устномъ источникѣ поэмы.

Другое указаніе такого же характера дѣлаетъ проф. Владиміровъ. Въ цѣнномъ изслѣдованіи своемъ: „А. С. Пушкинъ и его предшественники“¹⁾ онъ характеризуетъ рядъ русскихъ произведеній, имѣющихъ отношеніе къ различнымъ произведеніямъ Пушкина, между прочимъ, къ „Руслану и Людмилѣ“. Здѣсь мы находимъ подтвержденіе предположенія П. Н. Шеффера о „книжности“ Пушкинской поэмы. Проф. Владиміровъ указываетъ на произведеніе Чулкова: „Русскія сказки, содержащія древ-

---

1) „Памяти Пушкина, научно-литературный сборникъ, сост. профессорами и преподавателями Имп. Универс. св. Владиміра“. 1899 г.

нѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ, сказки народныя и прочія, оставшіяся черезъ пересказыванье въ памяти приключенья“ (изд. въ 10 частяхъ Новиковымъ въ 1783 г.) и говоритъ, что поэма Пушкина „связана съ Русскими сказками“. Не входя въ детальное изслѣдованіе этого указанія, онъ говоритъ далѣе, что „Пушкинъ, находясь на югѣ въ 1821 г., просилъ выслать ему нѣсколько частей Русскихъ Сказокъ“¹⁾. Затѣмъ онъ дѣлаетъ характеристику произведенія Чулкова. „Эти въ полномъ смыслѣ „волшебныя“ исторіи, въ родѣ 1001 ночи, въ которыхъ имена русскихъ богатырей, историческія названія древней Руси, фразы изъ былинъ и народныхъ сказокъ, — преимущественно о типичной Бабѣ-Ягѣ, ея жертвахъ и Кощѣѣ,—утопаютъ въ смѣси заимствованныхъ и выдуманыхъ подробностей и лицъ. Тутъ находимъ и злыхъ волшебницъ, волшебниковъ, появляющихся въ облакахъ съ громомъ, въ тучахъ, какъ Пушкинскій Черноморь, и именно съ цѣлью похищенья красавицъ, и добродѣтельныхъ волшебницъ Добрадѣ, Велеславъ, помогающихъ героямъ Булатамъ, Громобоямъ, Алешамъ, Чуриламъ, или Добрынямъ, связаннымъ съ кн. Владиміромъ и Кіевомъ. Но послѣдній окруженъ очарованными домами, замками. Вообще подробности быта болѣе подходятъ къ французскимъ нравамъ XVII—XVIII в., взятымъ изъ сказокъ Гамильтона, Флоріана, Лафонтена“. Не входя въ оцѣнку этой характеристики Чулковскихъ сказокъ, слишкомъ суммарной и далеко не охватывающей ни ихъ содержанія, ни ихъ настроенія, — я, тѣмъ не менѣе, совершенно присоединяюсь къ мысли проф. Владимірова о связи сказокъ Чулкова съ поэмой Пушкина. Я попытаюсь только подробнѣе обосновать этотъ намекъ и увеличить

---

1) Хотя Пушкинъ и не называетъ фамиліи *Чулкова*, но изъ словъ его: „нѣсколько частей“ явствуетъ, что онъ имѣлъ въ виду именно это „собраніе“.

ссылку на произведение Чулкова ссылками на длинный рядъ другихъ произведеній, аналогичныхъ.

„Сказки“ Чулкова, по типу своему, принадлежатъ, главнымъ образомъ¹⁾, къ романамъ „рыцарско-волшебнымъ“ — вѣрнѣе, къ рыцарскимъ поэмамъ, въ родѣ произведеній Баярда, Аріоста, Тассо, Виланда и др. Эти „поэмы“ явились результатомъ подражанія старымъ рыцарскимъ романамъ (вродѣ „Амадисовъ“ и „Пальмериновъ“). Усвоивъ отсюда рядъ „общихъ мѣстъ“, они, со своей стороны, внесли въ освѣщеніе героевъ-рыцарей и ихъ подвиговъ несерьезность тона и авторскій скептицизмъ. Другимъ продолженіемъ „развитія“ рыцарскихъ романовъ были сказки о „феяхъ“: выродившись изъ народной поэзіи, воспринявъ въ себя элементы стараго, разбитаго рыцарскаго романа, эти сказки окрасились или фривольностью, манерностью, или морализующей тенденціей. Во всякомъ случаѣ, подобно „поэмамъ“, и эти „сказки“ не отрывались отъ круга однихъ и тѣхъ-же и „общихъ мѣстъ“. Русская публика XVIII в. знала и любила и эти поэмы, и сказки. Онѣ охотно переводились, имъ подражали, ихъ передѣлывали. Цѣлая литература „подражаній“ прикнула къ этимъ произведеніямъ, присвоила себѣ тѣ же „общія мѣста“, ту же манеру письма, тотъ-же тонъ. Изъ многочисленныхъ авторовъ, дѣйствовавшихъ у насъ въ этомъ направленіи, одинъ Чулковъ является наиболѣе самостоятельнымъ и оригинальнымъ: онъ свободно импровизировалъ, поддѣлываясь то подъ манеру западно-европейскихъ романистовъ, то подъ стиль народнаго творчества.

---

1) Нѣкоторыя изъ сказокъ этого сборника чисто народныя; есть даже одно близкое переложеніе былины (о Василии Буслаевичѣ); другія относятся, по типу, къ сказкамъ 1001 ночи, третьи — къ реалистическимъ повѣстямъ типа „плутовскаго“ романа и пр.

Къ этому-же типу произведеній относится и поэма Пушкина. Чтобы показать, насколько эта богатая подражательная литература однообразна, насколько шаблонны ея „общія мѣста“, постараюсь доказать это примѣрами, взятыми на удачу изъ разныхъ русскихъ романовъ, сказокъ и повѣстей XVIII в., — этого типа.

Героиня, похищаемая чародѣемъ, всегда помѣщается имъ въ роскошныхъ чертогахъ; тамъ она окружается богатствами; всѣ ея прихоти исполняются безъ замедленія. Подобно тому, какъ всеильный Черноморъ играетъ жалкую роль предъ плѣненной имъ Людмилою, которая потѣшается надъ влюбленнымъ Карломъ, такъ и всѣ насильники-чародѣи, герои волшебныхъ романовъ XVIII в., въ богатыхъ чертогахъ своихъ, въ присутствіи своихъ капризныхъ возлюбленныхъ, теряютъ всю суровость и мрачность своихъ образовъ, — всѣ они являются молитъ о любви и всегда встрѣчаютъ отказъ, иногда насмѣшку красавицы. Въ одномъ изъ романовъ мы находимъ разгадку этой странности: оказывается, чародѣи и волшебники „любовью“ могли наслаждаться только тогда, когда она имъ давалась добровольно: надъ любовью безсильна была ихъ наука.

Привожу рядъ примѣровъ, аналогичныхъ положенію Людмилы у Черномора:

Героиня рассказываетъ, что похитившій ее духъ влюбился въ нее, но встрѣтилъ сопротивленіе. Надѣясь истребить изъ ея памяти Силослава, онъ ее помѣстилъ въ богатый замокъ и окружилъ роскошью. („Пересмѣшникъ“ Чулкова, 171).

У карлы Зердута много красивыхъ дѣвицъ въ плѣну („Одушевленная статуя“, 51). „Между ними одна особенно красива“. „У сего хищнаго духа Зердута столь много честныхъ дѣвицъ, которыхъ онъ разными похищалъ способами, что едва ли у смертныхъ толикое число находится“ (ibid., 51).

Карачунъ собиралъ въ роскошномъ дворцѣ красавицъ со всего свѣта; онѣ получали все, что только имъ вздумается: вол-

шебный обѣдъ, разныя забавы (Поповъ, „Славянскія Древности“, 116—7).

Въ дворцѣ злого чародѣя Зивіала до 100 прекрасныхъ дѣвицъ, имъ похищенныхъ (Чулковъ, „Русскія Сказки“, 269).

Карачунъ красавицамъ не страшенъ, такъ какъ, „когда онъ осмѣливался далѣе простирать любовныя свои нахальства, то всегда становился недвижимъ или объемлемъ ужаснымъ колотьемъ“ („Слав. Древн.“, 111).

Чародѣй Зелуль „производилъ насиліеміру“, „похищая едиnorodныхъ дочерей у несчастныхъ родителей, разлучая нѣжныхъ женъ отъ вѣрныхъ имъ супруговъ“ („Низверженный Зелуль“, 107).

Тезифея, похищенная Зелуломъ, очнулась въ замкѣ на пышномъ одрѣ (ibid. 227). Зелуль объясняется ей въ любви, все общается и угрожаетъ. Она упорствуетъ (ib. 230).

Волшебникъ Шамисъ „столько влюбивъ, что крадетъ со всего свѣта красавицъ, заключаетъ ихъ въ волшебный замокъ“ („Чудныя похождения Израда“, 78).

Зломиръ, похитивъ Ціану, устроилъ ей великолѣпное жилище, окружилъ богатствами и свитой (ibid. 125). Все къ ея услугамъ, — она одна бродитъ по роскошнымъ заламъ (ib. 129): стоило ей чего пожелать, — сейчасъ все являлось къ ея услугамъ (хоры пѣвицъ, танцы, угощенія) (ibid., 130—1).

Перекраса похищена чародѣемъ Злодумомъ, который держитъ ее въ роскошномъ замкѣ („Зубоскаль“, 45).

Зердуть нѣжно проситъ любви у похищенной имъ красавицы, она отвергаетъ его, называя „мерзостнымъ твореніемъ“ („Одушевленная статуя“, 97). Зердуть заключилъ ее (ib., 99). Героиня рассказываетъ объ ухаживаньяхъ колдуна, какъ онъ, ее развлекая, „дѣлалъ изъ золота маленькихъ мальчиковъ и заставлялъ ихъ плясать“ (ib., 101). Не добившись любви, Зердуть на всѣхъ плѣненныхъ красавицъ наложилъ молчаніе (ib., 103). Питались дѣвицы по звону колокольчика: стоило позвонить — „то и предстанетъ великолѣпное кушанье, котораго наѣвшись, пропадало паки“ (ib., 105). Разныя увеселенія были предоставлены дѣвицамъ (ib.).

Героиня во власти чародѣя Всезлоба, который влюбился въ нее, но безуспѣшно („Русскія сказки“, 69).

Триглодитъ безуспѣшно добивается любви похищенной дѣвицы; онъ окружилъ ее роскошью (ib. „Русск. ск.“ 236—7, 240—2).

Когда Зенида очутилась въ волшебномъ замкѣ чародѣя, онъ ее окружилъ роскошью и богатствомъ: всѣ прихоти ея исполнялъ—„слѣдовало только вообразить“ („Русскія сказки“, 299).

Зивіаль на колѣняхъ проситъ любви у похищенной красавицы, но безуспѣшно (ib., 300).

Всѣ герои, какъ Русланъ, послѣ долгихъ скитаній обыкновенно убиваютъ чародѣевъ, находятъ своихъ возлюбленныхъ, но иногда злые чародѣи, подобно Черномору, погрузившему Людмилу въ волшебный сонъ, также погружаютъ героинь въ сонъ, или превращаютъ ихъ въ статуи, или обращаютъ въ чудовищъ.

Проникнувъ въ роскошные хрустальные чертоги, Сидонъ нашелъ героиню Зениду, погруженную въ волшебный сонъ („Русскія сказки“, 281).

Герой, проникшій въ замокъ, находитъ всѣхъ красавицъ усыпленными („Славянскія Древности“, 56—7).

Красавица, плѣненная карломъ Зердудомъ, сидитъ на тронѣ „въ задумчивости“; эта задумчивость есть оцепенѣніе („Одушевленная статуя“, 87).

Послѣ ряда приключеній и испытаній Израдъ освобождаетъ спящую красавицу Ціану изъ власти стараго чародѣя-эеіопа Зломира („Чудныя похождения Израда“, 58).

Мужъ, возлюбленный, братъ, рѣже—отецъ отправляются разыскивать похищенное у нихъ дорогое существо. Это—„общее мѣсто“ волшебныхъ романовъ *преимущественно русскихъ*,—та основа, на которой авторъ строитъ весь романъ.

Прелѣпа украдена злымъ духомъ и живетъ въ его замкѣ („Пересмѣшникъ“, 105); Силославъ ѣдетъ ее добывать (ib., 106).

Сынъ князя Богослава—Свѣтлосанъ отправляется на поиски зятя и сестры, похищенныхъ колдуномъ („Славянскія Древности“, 23).

Гассанъ ѣдетъ на поиски похищенной Рипсимы („Чудныя похождения Израда“, 56).

Алфонсъ отправляется отыскивать Луизу, похищенную духомъ („Одушевленная статуя“, 36).

Передъ долгими и опасными блужданіями по бѣлу свѣту всѣ эти герои встрѣчаютъ поддержку у добрыхъ волшебниковъ, волшебницъ, мудрецовъ и отшельниковъ, къ которымъ попадаютъ или случайно, или нарочно. Ободривъ героя, ихъ покровители обыкновенно открываютъ имъ имя похитителя, снабжаютъ совѣтами и вооружаютъ различными талисманами. Такимъ образомъ, въ этихъ многочисленныхъ и всегда неизбѣжныхъ эпизодахъ можно видѣть прототипъ посѣщенія Русланомъ Финна. Такъ, напримѣръ:

Алсана похищена Бабой-Ягою; братъ Алсаны Тарбелсъ отправился на поиски, заблудился въ лѣсу; здѣсь встрѣчаетъ онъ пустытника, который даетъ ему указанія, какъ найти дѣвушку. („Русскія сказки“, 162).

Живущая въ пещерѣ добрая волшебница помогаетъ Святобою совѣтами и даетъ средства (талисманы) найти жену („Русскія сказки“, 69).

Оруженосецъ Свѣтлосана посовѣтовалъ ему съѣздить за совѣтомъ къ Видостану, мудрому отшельнику, чтобы тотъ посовѣтовалъ, какъ найти зятя и сестру. Оказывается, онъ — благожелательный мудрецъ — тоже страдаетъ отъ колдуна, ихъ общего врага. („Славянскія Древности“, 25 — 7).

Герой идетъ на поиски жены, встрѣчаетъ волшебницу, покровительницу, которая дала ему совѣты, указанія и средства найти жену („Русскія сказки“, 223).

Добрый волшебникъ помогаетъ герою найти путь къ волшебному замку Шамиса и вооружаетъ его талисманами („Чудныя похождения Израда“, 87).

Дервишъ Сизифъ даетъ Клеоранду совѣты, какъ выручить жену („Низверженный Зелуль“, 119 — 122).

Добрая волшебница указываетъ путь герою („Зубоскаль“, 45).

Куртозаръ, отправляясь въ далекій путь на подвиги, пользуется указаніями благосклоннаго старца-пустытника („Забавный разскащикъ“, 42 — 5).

Старикъ пустыжникъ указалъ герою путь и далъ средства попасть къ Зердуту („Одушевленная статуя“, 52 — 4).

Идиллическая жизнь Ратмира, увлекшагося любовью

къ наступкѣ Гориславѣ, встрѣчается также въ „Русскихъ сказкахъ“ Чулкова, — такъ одинъ изъ героевъ

Добръ съ Милостаной, послѣ ряда тревоженій, живутъ въ бѣдности рыбаками, но счастливы („Рус. ск.“, 119). О жизни своей герой говоритъ: „Предались мы воёмъ пріятностямъ нѣжнаго союза. Мы любили другъ друга съ горячностью и посреди пустыни, удаленной отъ сообщества съ прочими человекѣми, не видали скуки. Мы раздѣляли труды рыболовства; любовь рождала намъ ежечасно новые предлоги къ разговорамъ, каждая рощица, всякій лужокъ приглашали насъ; мы считали себя единою четюю на свѣтѣ и привыкли къ нашему уединенію (ibid., 120).

Коварный и трусливый кандидатъ на руку Людмилы — Фарлафъ — находитъ себѣ протопипъ въ одномъ изъ жениховъ Милославы (героиня романа Попова).

Изъ жениховъ Милославы князь казарскій Трухтрахъ во время состязанія, наградой котораго была назначена Милослава, „трепеталъ и предпочиталъ охотно безславный миръ славной дракѣ“; онъ хитростью спасаетъ свою жизнь и обманомъ убиваетъ соперника“ („Славянскія Древности“ 15 — 17).

Сцена похищенія Черноморомъ Людмилы неоднократно встрѣчается въ волшебныхъ романахъ XVIII в. Это — обыкновенная „завязка“ всѣхъ тѣхъ диковинныхъ приключеній, которыя составляютъ содержаніе русскихъ романовъ „волшебного-рыцарскаго“ типа. Похищеніе всегда происходитъ неожиданно: обыкновенно во время бракосочетанія или сейчасъ же послѣ обрядовъ, въ первую брачную ночь. Въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ, по составу своему сплетенныхъ изъ цѣпи отдѣльныхъ эпизодовъ-авантюръ, такое неожиданное похищеніе повторяется по нѣскольку разъ. Привожу примѣры:

Черезъ нѣсколько времени послѣ свадьбы Аса была похищена чародѣемъ; мужъ отправился отыскивать ее по всему свѣту („Пересмѣшникъ“, 103).

Чародѣй Карачунъ похищаетъ чужихъ женъ („Славянскія Древности“, 95).

Во время бракосочетанія Вельдюзя, кн. Полотскаго, съ Милославой, послѣ зловѣщихъ предсказаній идола Полеля, „вдругъ спустилось облако и унесло Милославу, а жертвенный быкъ обратился въ змѣя и унесъ Вельдюзя („Славянскія Древности“, 20).

Боягордъ влюбился въ Черемисскую княжну Баяну. Отецъ ея Пойванъ согласился на ихъ бракъ, но Баяна во время прогулки въ саду была похищена облакомъ. Оказалось, это было дѣло рукъ чародѣя Сарагура („Русскія Сказки“, 80.) Боягордъ сталъ ее искать по свѣту (ib., 96). Ему помогаетъ совѣтами и волшебными талисманами добрая волшебница (ib.).

Чародѣй похищаетъ Всемилу, дунувъ на мужа который, вслѣдствіе этого, не можетъ ее защищать („Русскія Сказки“, 155 — 6).

Послѣ долгихъ поисковъ герои нашли своихъ женъ и освободили ихъ, но, послѣ краткаго разговора, погрузились въ волшебный сонъ. Проснувшись, витязи не нашли женъ (ib., 134).

Богиня Дидимія, разгнѣванная на родителей Звенислава за презрѣніе, къ ней оказанное, во время бракосочетанія героя является на облакѣ и похищаетъ его невѣсту, а, заодно, и невѣсту его друга Парбелса. Мужья ѣдутъ на поиски (ib., 23).

Зенида, царская дочь, въ которую влюбился волшебникъ Зивіялъ, похищена облакомъ (ib., 229).

Миловидъ, „упоенный нѣжностію дражайшей супруги, заснулъ въ ея объятіяхъ“, — но утромъ ея не оказалось — лежало лишь письмо, съ указаніемъ, что ее похитилъ духъ Триглотить (ib., 219).

Курусъ — женихъ царицы Карсены. Онъ сидѣлъ у возлюбленной своей Карсены; разговоры ихъ исполнены были нѣжности, прекрасная рука ея прилѣплена была къ его устамъ; вдругъ поднялась буря, налетѣло черное облако; на немъ воссѣдалъ чародѣй Сарагуръ; „въ рукѣ держалъ онъ жезлъ, обвитый змѣями, зодіакъ висѣлъ черезъ плечо и страшная пѣна била изъ рта его“. „Онъ бросилъ въ Карсену письмо, и она вмигъ окаменѣла, а Куруса онъ, схвативъ за волосы, помчалъ по воздуху“ (ib., 97, 98).

Баба-Яга влюбляется въ Тарбелса, похищаетъ его, ухаживаетъ за нимъ, помѣстивъ въ роскошный садъ, въ богатую об-

становку. Онъ потѣшается надъ нею, какъ Людмила надъ Черноморомъ (ib., 236 — 243).

Уродъ-чародѣй Кривидъ влюбился въ красавицу Прелѣпу и хотѣлъ похитить ее при помощи богатырей Дубыни, Горыни и Усыни. Наружность его ужасна: „голова съ кулакъ, украшенная только однимъ глазомъ“, „рыжая, по землѣ волочащаяся борода, горбъ сзади и спереди, ноги въ $\frac{1}{4}$ аршина, сивая шерсть на рукахъ“ (ib., 160).

Вихорь укралъ царичу Сумбуку, когда она гуляла по саду. Сыновья царичы отправляются ее искать („Сказка о золотой горѣ“, 2).

Альфонсъ увидѣлъ въ лѣсу прекрасную принцессу, которая плакала, „какъ вдругъ спустился духъ и, оную похитивъ, полетѣлъ“ („Одушевленная статуя“, 41).

Гигантъ-чародѣй Шамисъ сватается за дочь Аримепа, угрожая, въ случаѣ отказа, убить отца. Аримепъ отказывается. Тогда чародѣй три раза топнулъ, — явился разноцвѣтный огонь изъ бездны и колесница, запряженная 12-ю черными крылатыми конями; онъ похитилъ дочь Аримепа и скрылся („Чудныя похищенія Израда“, 71, 73).

Во время торжественнаго свадебнаго шествія Гассана и Рипсимы вдругъ раздался ударъ грома; во дворцѣ разверзся потолокъ; огненное облако показалось, на немъ летѣла Гарпія, которая, обратясь въ чудовище, похитила Рипсиму („Чудныя похищенія Израда“, 42).

Ціана была похищена „гнуснымъ эѳіопомъ“, который прилетѣлъ на кровавомъ облакѣ“ (ib., 123).

Храбродѣлъ, влюбленный въ Перекрасу, дочь египетскаго царя, женится на ней. По выходѣ ихъ изъ храма, послѣ бракосочетанія, налетѣло облако, загремѣлъ громъ, заблестала молнія, — во время общаго смятенія героиня оказалась похищенной („Зубоскалъ“, 29). Храбродѣлъ отправляется искать молодую жену (ib., 31).

Игриппа, гуляя въ саду, пошла въ кипарисовую рощу. Семь черныхъ невольниковъ схватили ее и увезли. Герой Виталбъ ѣдетъ ее разыскивать („Зубоскалъ“, 143, 145).

Злой духъ похитилъ Лѣпу у жениха ея Одара (ib., 67). Они были уже обручены и гуляли вдвоемъ въ саду. Одаръ въ отчаяніи отправляется отыскивать невѣсту (ib., 75).

Клеорондъ потерялъ свою жену, въ которую влюбился чародѣй, „гнусный эеіопъ“ Зелуль. „Въ первый еще день брачнаго союза, когда Гименъ готовился уже увѣнчать взаимную ихъ другъ къ другу любовь, безчеловѣчный Зелуль исторгъ ее изъ нѣжныхъ объятій своего супруга и разрушилъ готовый совершиться бракъ („Низверженный Зелуль“, 112).

Клеорондъ гулялъ съ Зефизой. Вдругъ явился Зелуль и дунуль на Клеоронда, отчего онъ лишился чувствъ и упалъ; Зелуль возложилъ на него оковы и, подхвативъ полумертвую отъ страха Зефизу, понесся по воздуху (ib., 161).

Зефиза, во время прогулки, похищена Зелулемъ; Дорадъ отправился на поиски ея (ib., 166 — 7).

Зефиза похищена Исполинами (ib., 284); герой Клеорондъ отправляется на поиски ея (ib., 296 — 7).

Сцена полета Руслана съ Черноморомъ встрѣчается нѣсколько разъ въ разсмотрѣнныхъ нами волшебныхъ романахъ и сказкахъ. Такъ, на примѣръ, —

Чародѣй Зелуль летитъ, а въ него вцѣпился Клеорондъ. Зелуль обращается въ разныхъ чудовищъ, но герой не выпускаетъ его („Низверженный Зелуль“, 207).

Въ другой сказкѣ царевичъ Иданъ является выручать мать, похищенную чародѣемъ. —

Мать учить сына, какъ овладѣть чародѣемъ: надо схватить его крѣпко за волшебную палицу и не выпускать ея изъ рукъ („Сказка о золотой горѣ“, 20). Такъ и случилось: чародѣй летитъ, а за палицу держится царевичъ Иданъ (ibid., 20 — 21).

Тѣ искушенія, которыя чародѣй поставилъ на пути Ратмира, и съ которыми юный витязь не справился, отдавшись радостямъ волшебной жизни замка въ обществѣ прекрасныхъ женщинъ, не разъ встрѣчаются въ разсмотрѣнныхъ нами произведеніяхъ. Ихъ можно отнести къ „общимъ мѣстамъ“ романовъ „волшебнаго типа“.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Силославъ, во время поисковъ своей возлюбленной, попадаетъ въ роскошный замокъ, населенный красавицами. Въ этомъ замкѣ, „домѣ угощенія“, все роскошно. „Началъ бить

благовонный водометъ и орошать всё стѣны, отъ чего поднялся легкой и пріятной парь, наполнивъ все зданіе теплотою; тогда казалось, что будто теплые зефиры обмахивали крыльями Силославово тѣло. Въ такой покаясь роскоши, почувствовалъ Силославъ нѣжнѣйшее расслабленіе членовъ и сладкое млѣніе души“ („Пересмѣшникъ“, 159). Послѣ легкаго сна красавицы повели его обѣдать: „кушанья, разговоры, собесѣдницы, музыка, все наполнено было великолѣпіемъ и нѣжностью“ (ib., 160). Красавицъ до 3000 — и всё прелестны. Взоры Силослава „летали по всемъ“ (ib., 161). Онѣ ему заявили, что замокъ ихъ весь наполненъ женщинами, что ихъ „должность принимать чужестранцевъ и оныхъ угощать по ихъ соизволенію“ (ib., 164). „Ежели ты имѣешь намѣреніе препроводить здѣсь свой вѣкъ, то можешь пользоваться всеми этими красавицами, онѣ будутъ всё во власти твоей“ — сказала ему одна изъ красавицъ (ib., 165).

„Вдавшись въ великую роскошь и нѣжность, не мужество уже сіяло на его одеждѣ и не укрѣпленное силою богатство, — походилъ онъ болѣе на Нарцисса, любовавшагося собственною красотою (ib., 168).

Силославъ съ восторгомъ остался въ замкѣ — „препровождать время, получая всякой день новыя благосклонности отъ перемѣняющихся красавицъ. Восхищался роскошами, услаждалъ зрѣніе свое разными великолѣпіями сего замка, и такъ, не оставалось ему ничего иного думать, какъ только, что онъ во всемъ свѣтѣ не можетъ найти увеселенья лучшаго и достойнѣйшаго“ (ib., 166).

Какъ замокъ Наины, и этотъ оказался волшебнымъ, и когда разрушены были горы, онъ исчезъ со всеми красавицами и роскошью (ib., 174).

Волшебникъ, желая отвратить героя отъ его поисковъ, ставить ему на пути разныя препятствія, напр., искушаетъ его ласками прекрасныхъ дѣвушекъ („Славянскія Древности“, 52 — 3).

Послѣ побѣды героя надъ искушеніями волшебный замокъ проваливается („Славянскія Древности“, 95 — 101).

Сидонъ разыскиваетъ Зениду, украденную „зѣіопомъ звѣробразнымъ“, годъ ѣздилъ, утомляется, теряетъ коня; онъ тоже подвергается искушенію женщинами („Русскія Сказки“, 266—7).

Волшебная лодочка привезла героя къ чудному замку.

„Огромныя палаты бѣлаго камня до облаковъ, цвѣты кругомъ; стѣны украшены живописью, въ окнахъ статуи, фонтаны, ступени изъ разноцвѣтнаго мрамора. Внутри много прекрасныхъ дѣвушекъ, которыя „рѣзвятся“. „Увидѣвъ сего человѣка, встали и, молча представляя себя въ его услуги, радовались“ („Одушевленная статуя“, 82). Этотъ замокъ исчезаетъ, когда герой махнулъ волшебнымъ платкомъ (ib., 89 — 90).

Конечно, всѣ эти примѣры отнюдь не должны приводить къ заключенію, что *есть* цитованныя произведенія были извѣстны Пушкину и имѣли на его поэмѣ вліяніе. Я хотѣлъ только доказать, что почти все содержаніе его поэмы еще въ XVIII-мъ вѣкѣ было у насъ сплошнымъ „общимъ мѣстомъ“. Такимъ образомъ, „Русланъ и Людмила“, по типу своему, представляетъ собой завершеніе у насъ въ русской литературѣ старой вѣковой исторіи „волшебнo-рыцарскаго“ романа. — Поэма создавалась подъ вліяніемъ „массовой“ литературы, съ опредѣлившимся давно содержаніемъ и настроеніями; съ этой литературой конечно, знакомъ былъ Пушкинъ еще до Лицея, роясь дома въ библіотекѣ отца. Поэма создавалась совершенно внѣ сферы интересовъ къ русской устной народной поэзіи, а исключительно подъ вліяніемъ книгъ.

Но если Чулкова выдѣлилъ Пушкинъ изъ длиннаго ряда однородныхъ писателей, то это объясняется тѣмъ, что, дѣйствительно, талантливость и оригинальность дѣлали его самымъ замѣтнымъ писателемъ этого рода.

Останавливаюсь, въ заключеніе, на одной подробности, которая позволяетъ говорить о преимущественной близости пушкинской поэмы именно къ романамъ Чулкова.

Прекрасная сцена, когда Русланъ вступаетъ на поле, покрытое мертвыми костями, и предается здѣсь грустнымъ размышленіямъ о тлѣнности всего земного, находитъ себѣ прототипомъ подобныя-же сцены въ романахъ Чулкова.

Силославъ, безъ оруженосца и коня, грустный, бредеть, куда глаза глядятъ; странствуя очень долго, нашелъ онъ многочисленное порубленное воинство. „Обширное и престащенное поле все покрыто было мужскими тѣлами. *Такое зрѣлище смутило его духъ и вселило въ него любопытство.* Онъ очень долго разсматривалъ трупы, которые находились въ разныхъ положеніяхъ; наконецъ, по срединѣ сего умерщвленнаго ополченія увидѣлъ онъ голову, подлѣ которой находилось тѣло, котораго платье и вооруженіе показывали его военачальникомъ“ („Пересмѣшникъ“, 121). „Голова сія открывала и закрывала глаза свои истомленные“ (ib., 121). Это голова богатыря Роксолано. Герой вступаетъ въ разговоръ съ головой.

Другой герой Булатъ тоже „очутился на просторномъ полѣ, покрытомъ мертвыми человѣческими костями; переломанное или заржавѣвшее оружіе, всюду разбросанное, показывало бывшее нѣкогда на мѣстѣ ономъ кровопролитное сраженіе. *Во уединеніи оставляютъ человека всякія пристрастія и предають сердце его естественнымъ разсужденіямъ.* Булатъ размышлялъ о сущности человѣческихъ дѣйствій, о ослѣпленіяхъ мщенія и ложной славы, принуждающихъ ихъ ненавидѣть, гнать и убивать другъ друга и, можетъ быть, извлекъ бы заключеніе, что нѣтъ для нихъ лучшаго, какъ жить въ покоѣ“ („Русскія сказки“, 207).

„Черезъ нѣсколько дней взвѣхалъ я на просторную долину, которая вся покрыта была человѣческими костями. *Я сожалѣлъ о судьбѣ сихъ погибшихъ и лишенныхъ погребенія и предался въ размышленія о причинахъ, приводящихъ смертныхъ въ толь враждебныя противу себя поступки.*“ Онъ увидѣлъ вдругъ предъ собой лежащую богатырскую голову отмѣнной величины. Онъ зарылъ голову и подъ ней нашелъ мѣдный ключъ (ib., 102—3).

Булатъ увидѣлъ богатырскую голову, валяющуюся въ безчестіи и лишенную погребенія; онъ хотѣлъ предать кости погребенію, при чемъ оказалось, что „великій мечъ лежалъ, вмѣсто возглавья, подъ черепомъ богатырскимъ“ (ib., 208).

Булатъ оживляетъ богатыря Сидона. Для этого Булатъ открылъ чудесный сосудецъ, ему врученный, и сейчасъ увидалъ, „какъ пары покрыли кости богатыря, какъ стали обростать онѣ жилами, плотью, потомъ надъ тѣломъ образовалась отъ нихъ облако“; „сильный чохъ разорвалъ облако и представилъ Булату встающаго съ земли богатыря“ (ib., 209).

Въ приведенныхъ цитатахъ я курсивомъ отмѣтилъ очень характерную подробность: герои Чулкова „размышляютъ“ на полѣ битвы, погружаясь въ какое-то меланхолическое, созерцательное настроеніе. Подъ головой великана оказывается „мечъ“, голова „чихаетъ“.

Стоитъ сравнить съ этими мѣстами мысли и чувства Руслана:

„Со вздохомъ витязь вкругъ себя
Взираетъ грустными очами:
„О, поле, поле, кто тебя
Усѣялъ мертвыми костями?
Чей борзый конь тебя топталъ
Въ послѣдній часъ кровавой битвы?
Кто на тебѣ со славой палъ?
Чьи небо слышало молитвы?“ —

и нетрудно будетъ въ этихъ строкахъ увидѣть полное и прекрасное развитіе этой подробности (размышленія на полѣ битвы), которая упорно повторяется нѣсколько разъ у Чулкова; этого намека нѣтъ ни въ рукописной сказкѣ объ Ерусланѣ, ни въ той печатной, на которую указывалъ П. Н. Шефферъ въ своей статьѣ. Не есть-ли это одно изъ указаній на то, что, кромѣ массоваго вліянія цѣлаго ряда однородныхъ произведеній, сказки Чулкова имѣютъ для Пушкина особое, преимущественное значеніе, и не подтверждается-ли это предположеніе, между прочимъ, вышеуказанной просьбой поэта выслать ему именно „Сказки“ Чулкова?

Поэма Пушкина потому и была встрѣчена съ энтузиазмомъ, что она вся цѣликомъ вышла изъ этой богатой литературы рыцарско-волшебныхъ произведеній, — въ ней нѣтъ ни одного эпизода, который не нашель-бы себѣ нѣсколькихъ прототиповъ даже въ одной *русской* вол-

шебной романистикѣ¹⁾). Такимъ образомъ, въ „Русланѣ и Людмилѣ“ русскій читатель увидѣлъ все давно знакомое, но изложенное не въ грубой прозѣ XVIII в. архаистическимъ, топорнымъ стилемъ, а въ легкихъ, прекрасныхъ стихахъ, шаловливыхъ и звонкихъ, сверкающихъ то юношески-дерзкимъ юморомъ, то граціозною фривольностью. Въ этой стихотворной формѣ и своеобразной манерѣ письма была та „новизна“, которая оживила старое, давно всѣмъ извѣстное и, быть можетъ, порядкомъ поднадоевшее. То, что сказалъ Пушкинъ о писаніи „новыхъ“, „оригинальныхъ“ романовъ, при помощи матеріала, извлеченнаго для нихъ изъ старой дѣдовской литературы, — то вполнѣ оказалось приложимымъ и для объясненія возникновенія его собственной поэмы. Въ нѣсколькихъ предшествующихъ работахъ касательно Пушкина приходилось мнѣ припоминать эти знаменательныя слова: они многое объясняютъ въ творествѣ поэта; художественная идея, даже положеніе героевъ, ихъ слабые абрисы брались имъ нерѣдко извнѣ, но разработка всего взятаго, перенесеніе въ ту обстановку, которую онъ зналъ лучше — словомъ, „руссификація“ и „приспособленіе къ интересамъ современности“ — принадлежали поэту. Удивительно-удачный образчикъ такой творческой переработки представляютъ собою герои романа „Евгеній Онѣгинъ“²⁾, неудачный — герои „Кавказскаго Плѣнника“³⁾ и „Руслана и Людмилы“... Для нихъ онъ воспользовался старою канвой, на ней сумѣлъ расшить яркіе и интересные „узоры“, но всетаки еще не въ „русскомъ стилѣ“. Для „Кавказ-

---

1) До сихъ поръ мнѣ не удалось найти въ предшествующей Пушкину литературѣ, русской и иностранной, ничего похожего на эпизодъ Финна и Наяны, — между тѣмъ, заимствованность этой вставной повѣсточки сразу чувствуется. Очевидно даже, прототипъ ей надо искать среди „пародій“ на „волшебную“ сказку.

2) См. мою работу „Онѣгинъ, Ленскій и Татьяна“.

3) См. мою работу „Пушкинъ, Байронъ и Шатобрианъ“.

скаго Плѣвника“ его попытка оказалась неудовлетворительною вслѣдствіе излишняго субъективизма, имъ тогда владѣвшаго, вслѣдствіе недостаточно-спокойнаго отношенія къ дѣйствительности и излишней подчиненности Шатобриану. То же можно сказать и относительно „Руслана“: поэтъ еще недостаточно проникся духомъ народной поэзіи, былъ еще слишкомъ во власти „книги“ и того граціозно-шаловливаго настроенія, которое совершенно чуждо народной русской поэзіи.

Мнѣ остается коснуться послѣдняго поставленнаго вопроса — объ отношеніи Пушкина къ народной поэзіи. Послѣ прекрасной работы проф. Вс. Миллера: „Пушкинъ, какъ поэтъ-этнографъ“, казалось-бы, нѣтъ больше мѣста для такихъ вопросовъ, но все предыдущее въ настоящей моей статьѣ касательно „литературности“ ранней пушкинской поэмы заставляеть меня пересмотрѣть этотъ вопросъ съ той точки зрѣнія, на которую не ставился проф. Миллеръ.

Проф. Миллеръ очень внимательно собралъ всѣ факты изъ жизни поэта, — факты, свидѣтельствующіе о томъ, какъ съ дѣтства росли и постепенно углублялись интересы его къ народному творчеству; онъ отмѣтилъ среди произведеній поэта всѣ, проникнутыя народнымъ духомъ, но онъ не отмѣтилъ одного важнаго явленія въ творествѣ поэта, — явленія, очень характернаго для пониманія отношеній его къ народной поэзіи.

Выше я указалъ, какъ онъ изъ старой дѣдовской литературы почерпалъ канву для узоровъ въ новомъ вкусѣ, какъ онъ ловилъ намеки, развивалъ ихъ и расширялъ. То же можно наблюдать и въ его „народныхъ произведеніяхъ“ - сказкахъ: многія изъ нихъ не народного происхожденія, а чисто-литературнаго, книжнаго, но обработаны поэтомъ въ народномъ русскомъ духѣ. Вотъ почему прежде, чѣмъ говорить, хотя-бы, объ инте-

ресѣ Пушкина къ русскимъ сказкамъ няни, не мѣшаетъ пересмотрѣть, всѣ-ли сказки слышалъ онъ изъ ея усть, не увлекался ли онъ не только слушаньемъ, но и *чтеніемъ* тѣхъ искусственныхъ псевдонародныхъ „русскихъ“ сказокъ и иностранныхъ, которымъ былъ богатъ еще XVIII вѣкъ. Въ прологѣ къ „Руслану и Людмилѣ“ поэтъ намѣчаетъ содержаніе тѣхъ сказокъ, которыя разсказывалъ ему „котъ ученый“¹⁾; изъ перечня сюжетовъ этихъ „сказокъ“ видно, что лишь немногія изъ нихъ относятся къ „народнымъ“ сказкамъ, а именно:

Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей.
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ добраго царя.
Въ темницѣ тамъ царевна тужить,
А бурый волкъ ей вѣрно служить..
Тамъ ступа съ Бабою-Ягой
Идетъ бредетъ сама собой.
Тамъ царь Кощей надъ золотомъ чахнетъ.

Все это, дѣйствительно, захватываетъ содержаніе русскихъ простонародныхъ сказокъ, но уже слѣдующая картина:

. . . . тамъ лѣшій бродить,
Русалки на вѣтвяхъ сидятъ

относится къ области „повѣрій“, а не сказокъ. Только у Чулкова встрѣчаемъ мы „сказки“, гдѣ дѣйствуютъ „лѣшіе“ и „русалки“.

Наконецъ, остальные сюжеты не принадлежатъ ни сказочному эпосу, ни народнымъ вѣрованьямъ:

---

1) Этотъ „котъ“ взять, вѣроятно, у Державина, который въ своемъ произведеніи „Царь-Дѣвица“ описалъ теремъ героини. Этотъ теремъ находится въ сказочной сторонѣ, „въ рощахъ зланныхъ, въ *мукоморы*“; въ роскошномъ саду порхаютъ тамъ райскія птички; здѣсь же обитаетъ „чудесный заморскій котъ“.

Тамъ на невидимыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей..
..Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны..

— это уже фантастика не народныхъ русскихъ сказокъ, а тѣхъ искусственныхъ, волшебныхъ, въ которыхъ воображеніе писателя не знаетъ удержа, громоздитъ чудовищные образы „изобрѣтенныхъ“ ужасовъ въ видѣ дикихъ существъ, различныхъ видѣній.

Тамъ въ облакахъ передъ народомъ
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря!..

— картина, неизвѣстная русскимъ простонароднымъ сказкамъ, но избитая въ сказкѣ искусственной, книжной.

Въ стихотвореніи „Сонъ“ поэтъ вспоминаетъ „о прелести таинственныхъ ночей“, когда старуха-няня рассказывала ему сказки „о мертвецахъ, о подвигахъ Бовы“. И какія-же видѣнія послѣ этихъ рассказовъ смущали покой ребенка? —

Я трепеталъ, и тихо, наконецъ,
Томленье сна на очи упало.
Тогда съ лазурной высоты,
На лоно розъ крылатыя мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сонъ обворожали:
Терялся я въ порывѣ сладкихъ думъ,
Въ глуши лѣсной, средь Муромскихъ пустыней
Встрѣчалъ лихихъ *Полкановъ* и *Добрыней*, —
И въ вымыслахъ носился юный умъ.

„Волшебники“ и „волшебницы“ могли явиться только подъ вліяніемъ чтенія *волшебныхъ* сказокъ чужихъ или русскихъ — подражательныхъ, въ родѣ Чулкова (русскія сказки знаютъ *вѣдуна, вѣдму*, но не знаютъ „волшебниковъ“), а встрѣча поэта съ „лихими Полканами и Доб-

рыней“ выдаетъ поэта головой. Въ русскихъ сказкахъ „Полкановъ“ тоже нѣтъ. Впервые русскій народъ познакомился съ именемъ „Полканъ“ изъ повѣсти о Бовѣ, гдѣ Полканъ (полупесъ-получеловѣкъ) является испорченнымъ итальянскимъ Pulicane. За то Чулковъ нѣсколько разъ вводитъ этотъ образъ въ свои сказки и въ единственномъ, и во множественномъ числѣ („полканы“), понимая подъ этимъ именемъ древнегреческаго „центavra“. У того же Чулкова въ „Русскихъ Сказкахъ“ есть длинный романъ о похожденияхъ Добрыни.

Еще одно указаніе: Татьяна увидѣла во снѣ собраніе чудовищъ:

. . . . . за столомъ

Сидятъ чудовища кругомъ;
Одинъ въ рогахъ, съ собачьей мордой,
Другой съ пѣтушьей головой,
Здѣсь вѣдьма съ козьей бородой,
Тутъ остовъ чопорный и гордый,
Тамъ карла съ хвостикомъ и вотъ
Полужуравль и полукотъ.

XVII.

Еще страшнѣй, еще чуднѣй!
Вотъ ракъ верхомъ на паукѣ,
Вотъ черепъ на гусиной шеѣ
Вертится въ красномъ колпакѣ,
Вотъ мельница въ присядку пляшетъ
И крыльями трещитъ и машетъ;
Лай, хохоть, пѣнье, свистъ и хлопъ
Людская молвь и конскій топъ!

Передъ нами калейдоскопъ образовъ, которые мы напрасно стали бы искать въ русскихъ народныхъ сказкахъ. Это — также одинъ изъ эпизодовъ старыхъ вол-

шебныхъ сказокъ и романовъ, — тамъ все полно „видѣній“, тамъ слѣды „невиданныхъ звѣрей“ — тамъ эта свобода необузданнаго воображенія, которой не знаетъ русскій народъ, вообще скупой на фантастику и тяготящій къ реализму, къ бытовой картинѣ... Правда, подъ шаловливымъ перомъ поэта испарился весь ужасъ этого необычнаго собранія „невиданныхъ звѣрей“ — передъ нами веселая „карикатура“ на фантастику старыхъ заимствованныхъ или переведенныхъ сказокъ.

Въ сказкѣ Чулкова „Повѣсть о Алиопѣ Поповичѣ богатырѣ“ встрѣчаемъ мы картинку въ такомъ-же жанрѣ: авторъ тоже рисуетъ собраніе чудовищъ, надъ которыми посмѣивается и самъ, и заставляетъ это дѣлать своего героя.

„Вся комната наполнилась дьяволами различнаго вида. Иные имѣли ростъ исполинскій, и потолокъ трещалъ, когда они умѣщались въ комнатѣ; другіе были такъ малы, какъ воробыи и жуки съ крыльями, безъ крыльевъ, съ рогами, комолые, многоголовые, безголовые; похожіе на звѣрей, на птицъ, и все, что есть въ природѣ ужаснаго. Всѣ ревѣли, страшно выли, сипѣли, скрежетали и бросались на богатыря“ (стр. 229).

Подобныхъ картинокъ можно указать въ русскихъ *книжныхъ* сказкахъ нѣсколько, но только у Чулкова онѣ окрашиваются въ веселые, свѣтлые тона. У Попова, напримѣръ, въ его „Славянскихъ древностяхъ“ введенъ такой-же эпизодъ, но рассказанъ онъ серьезно¹⁾.

Если я прибавлю къ этому, что для прекрасной сказки „О рыбацѣ и рыбкѣ“ напрасно искали источникъ въ русскихъ простонародныхъ сказкахъ, — она наплась среди нѣмецкихъ, у братьевъ Гриммовъ²⁾, — если прибавлю, что

---

1) Поповъ, *op. cit.*, 124 — 6 и др.

2) Н. О. Сумцовъ „Исслѣдованія о поэзіи Пушкина“, 287. Также въ сказкахъ *M-me le Prince de Beaumont*.

„Сказка о золотомъ пѣтушкѣ“ нѣкоторыми деталями напоминаетъ сказку Клингера: „Le coq d'or“, „Сказка о царѣ Салтанѣ“ напоминаетъ одну изъ повѣстей „1001 ночи“¹⁾, „Сказка о мертвой царевнѣ“ болѣе принадлежитъ западу, чѣмъ русскому народу, — мы должны будемъ признать, что не только для „Руслана и Людмилы“, но и для другихъ произведеній, въ болѣе народномъ духѣ, Пушкинъ бралъ матеріалъ не всегда у народа, а часто, даже, скажу, *чаще* изъ книги, даже нерусской. Такимъ образомъ, его произведенія „въ русскомъ духѣ“ находятся совершенно въ томъ же отношеніи къ чисто народнымъ, въ какомъ находятся, хотя-бы, сказки объ Ерусланѣ и Бовѣ къ настоящимъ русскимъ, — будучи заимствованы, онѣ русифицировались, столкнувшись съ русской поэтикой былиннаго и сказочнаго эпоса, приспособились и совершенно акклиматизировались. То же про-

---

1) „Тысяча и одна ночь. Сказки Арабскія“ переводъ съ фр. яз., т. 12, 1774. *Исторія о двухъ сестрахъ, завидующихъ меньшей.* Однажды принцъ Персидскій Косрутагъ, переодѣвшись, ходилъ по городу . . . „Пришедъ въ одну улицу, гдѣ не было народа, услышалъ онъ, что громко говорятъ: онъ подошелъ къ тому дому, откуда слышенъ былъ шумъ и, смотря въ свиажину дверную, увидѣлъ свѣтъ и трехъ сестеръ, сидящихъ на софѣ и разговаривающихъ послѣ ужина. По словамъ старшей изъ нихъ догадаться можно было, что желаніе ихъ различное было причиною разговора. „Когда мы теперь о томъ говоримъ“, сказала одна, „то бъ я желала быть за Султанскимъ хлѣбникомъ, я бъ ѣла тотъ хорошій хлѣбъ, который пекутъ для Султана. Посмотримъ, какого ты вкуса!“ „А я бы, говорила другая, хотѣла быть за главнымъ Султанскимъ кухмистиромъ, я бъ ѣла лучшіе соусы: а какъ я увѣрена, что Султанской хлѣбъ употребляютъ во всемъ дворцѣ, то бъ я и его ѣсть стала: видишь, сестрица, сказала она старшей, что мое желаніе твоего превосходитъ!“

Младшая сестра, будучи чрезвычайная красавица и умнѣе большихъ своихъ сестеръ, начала говорить: „Что до меня касается, сестрицы, сказала она, я не полагаю желаній своихъ въ такихъ бездѣлицахъ; но хочу сего превосходитъ: я бъ желала быть за Султаномъ и родить ему Принца, у котораго бы волосы были съ одной стороны золотые, а съ другой — серебряные, когда бы онъ сталъ плакать, то бы, вмѣсто слезъ, катился бы жемчугъ, а когда бъ улыбнулся, то бъ губы его подобны были распцвѣтающей розѣ!“ Другія параллели см. у Н. Ѳ. Сумцова, *op. cit.*

изошло и съ чужими сюжетами, взятыми изъ книги, когда они попали въ руки Пушкина. Чужая сказка (хотя-бы „О рыбахъ и рыбкѣ“), попавъ въ его руки, подчинилась его знанію и пониманію истинно-народной пѣсни и претворилась въ русскую сказку. Намеки, почерпнутые не у народа, а изъ книги, поэтъ развилъ, расцвѣтилъ и облекъ новою плотью: по старой канвѣ распилъ новые узоры.

Любопытно, что, въ этомъ отношеніи, Пушкина, какъ и его предшественниковъ и современниковъ, тянуло къ такой „поддѣлкѣ“. До него и при немъ у насъ съ меньшимъ успѣхомъ занимались такими поддѣлками: Чулковъ („Русскія сказки“), Поповъ („Славянскія древности“), Херасковъ („Бахаріана“), А. Радищевъ, („Бова“), Н. Радищевъ („Богатырскія повѣсти въ стихахъ“), Державинъ („Царь-дѣвица“), Карамзинъ („Илья Муромецъ“), Жуковский, Даль и др.; Нелединскій-Мелецкій, Дмитріевъ, Мерзляковъ, Дельвигъ¹⁾.

Начало вѣка особенно прославилось такими поддѣлками (напр. „Краледворская Рукопись“), — равнѣ въ XVIII в. къ такому же разряду произведеній относятся пѣсни Оссіана. Это было литературной модой. Быть можетъ, это объясняется и тѣмъ, что простонародная поэзія, простая и несложная, не удовлетворяла избалованнымъ вкусамъ и запросамъ интеллигенціи, но нараставшій интересъ и углублявшееся знаніе влекли къ народному творчеству. Оставалось идти на компромиссъ: изобрѣтенная, или заимствованная интрига расцвѣчивалась на народно-поэтическій ладъ. Вотъ почему для своихъ сказокъ и Пушкинъ выбиралъ сюжеты или книжные, или, оче-

---

1) Подробнѣе библиографію см. въ сочиненіи И. И. Замотина: „Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX ст. въ русской литературѣ“, 1903, 17—31 и А. Н. Веселовскаго, „В. А. Жуковский. Поэзія чувства и сердечнаго образа“, Спб. 1904, 509—530.

видно, заимствованные народомъ („О мертвой царевнѣ), — они были болѣе сложны, болѣе „интересны“.

Вотъ почему его бессознательно потянуло и къ поддѣльнымъ пѣснямъ южныхъ славянъ Мериме. Вотъ почему и самъ онъ былъ не прочь отъ сознательной поддѣлки. Не объ этомъ ли говоритъ его самодовольный вызовъ, брошенный Кирѣевскому при передачѣ ему сборника записанныхъ пѣсенъ: „Когда-нибудь, отъ нечего дѣлать, разберите-ка, которыя поетъ народъ и которыя смастерилъ я самъ“. Кирѣевскій не сумѣлъ различить настоящихъ простонародныхъ отъ сочиненныхъ Пушкинымъ. Конечно, это — лишнее доказательство того, какой виртуозности въ поддѣлкѣ достигъ поэтъ и притомъ цѣною долгихъ и сознательныхъ усилій: восхищаясь сказками Даля, поэтъ обронилъ замѣчаніе, свидѣтельствующее о томъ, какой борьбы стоила ему трудная побѣда надъ русскимъ народнымъ стилемъ: „Сказка сказкой, а языкъ нашъ самъ по себѣ, и ему-то нигдѣ нельзя дать этого русскаго раздолья, какъ въ сказкѣ. А какъ это сдѣлать? Надо бы сдѣлать, чтобы выучиться говорить по русски и не въ сказкѣ... Да нѣтъ трудно, нельзя еще! А что за роскошь, что за смыслъ, какой толкъ въ каждой поговоркѣ нашей! Что за золото! А не дается въ руки, нѣтъ!“¹⁾.

Итакъ — мой очеркъ нисколько не подрываетъ ни одной мысли изъ статьи проф. Вс. Миллера, — онъ еще подкрѣпляетъ основное положеніе статьи изслѣдователя, что Пушкинъ былъ великимъ русскимъ „этнографомъ“, — въ этомъ отношеніи онъ до такой степени былъ великъ, что свои заимствованія умѣлъ претворять въ чисто-народныя произведенія: начавъ съ неудачной поддѣлки („Русланъ и Людмила“), подъ конецъ своей жизни добился, *путемъ долгихъ усилій*, умѣнья перевоплощать чужое въ свое родное.

В. Ситовскій.

---

1) Л. Майковъ, Пушкинъ, стр. 418.

Къ исторіи „Современника“.

(Письма В. А. Жуковского къ С. С. Уварову).

Въ 1-мъ № „Современника“ за 1837 годъ (т. V, стр. 89 — 112), частью подготовленномъ къ выходу самимъ Пушкинымъ, но-выпущенномъ въ свѣтъ уже послѣ его смерти кн. Вяземскимъ, Жуковскимъ, Краевскимъ, кн. Одоевскимъ и Плетневымъ, напечатанъ былъ „Отрывокъ изъ рукописи Карамзина о древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ (До смерти Екатерины II)“; онъ сопровождался слѣдующимъ примѣчаніемъ Пушкина: „Во второмъ нумерѣ *Современника* упомянуто было о неизданномъ сочиненіи покойнаго Карамзина¹⁾. Мы почитаемъ себя счастливыми, имѣя возможность представить нашимъ читателямъ хотя отрывокъ изъ драгоценной рукописи. Они услышатъ если не полную рѣчь великаго нашего соотечественника, то, по крайней мѣрѣ, звуки его умолкнувшаго голоса.“

Пушкинъ писалъ эти строки послѣ того, какъ цензурой уже была просмотрѣна, сокращена и разрѣшена къ печати Записка Карамзина, и онъ, конечно, не подозревалъ, что этотъ отрывокъ встрѣтитъ новыя препятствія

---

1) „Современникъ“ 1836 г., т. II, стр. 13, въ статьѣ самого Пушкина: „Россійская Академія“.

со стороны цензуры¹⁾; отстаивать его предъ нею въ лицѣ С. С. Уварова пришлось Жуковскому, что видно изъ двухъ писемъ его къ бывшему своему другу и Арзамасскому товарищу, въ это время министру народнаго просвѣщенія. Письма эти, недавно найденныя мною въ бумагахъ одного собирателя, не имѣютъ на себѣ датъ и установить ихъ можно только приблизительно: хлопоты, наприимѣръ, Вяземскаго и Одоевскаго о выпускѣ 1-й книжки „Современника“ на 1837 (процензурованной отчасти еще при жизни Пушкина — 11-го ноября 1836 г.) относятся ко второй половинѣ февраля и къ марту 1837 г.²⁾; къ этому же времени слѣдуетъ отнести и настоящія письма Жуковскаго (въ самомъ началѣ мая онъ уже выѣхалъ изъ Петербурга въ путешествіе по Россіи), равно какъ и недатированную записку Жуковскаго къ князю Одоевскому: „Вѣдь вы взяли статью Карамзина? И отдали ее переписывать? То-есть конецъ? Доставьте Вяземскому“.³⁾

Вадимъ Модзалевскій.

Кіевъ.

28-го марта 1906 г.

---

1) Записка Карамзина цѣликомъ не издана, собственно, и до сихъ поръ: будучи напечатана въ „Русск. Арх.“ 1870 г. (кн. II), она была изъята изъ №№ этого журнала и экземпляры съ нею очень рѣдки (см. С. И. Пономаревъ, „Матеріалы для бібліографіи литературы о Карамзинѣ“, С.-Пб. 1888.

2) См., напр., въ брошюрѣ „Изъ Собранія автографовъ Импер. Публ. Библіотеки“, С.-Пб. 1898 г., стр. 76—78, письма князя Вяземскаго къ князю Одоевскому.

3) „Русск. Арх.“ 1900 г., кн. III, стр. 53.

[Конецъ февраля-мартъ 1837 г. Петербургъ].

Я былъ у васъ чтобы узнать отъ Васъ, правда ли, что статья Карамзина, которую мы хотѣли помѣстить въ Современникъ и въ которой нѣтъ слова которое бы можно было остановить, запрещена Вами? Такъ говоритъ Крыловъ¹⁾. Не могу никакъ этому повѣрить. Онъ какъ нибудь не понялъ. Въ этой статьѣ рѣшительно нѣтъ ничего такого, что бы могло помѣшать ея изданію въ свѣтъ. Это просто взглядъ на состояніе Россіи до смерти Екатерины, въ коемъ нѣтъ ничего общаго съ тою огромною запискою изъ которой онъ взялъ, и до которой нѣтъ дѣла читателю. И Карамзинъ бы самъ напечаталъ этотъ отрывокъ въ томъ видѣ въ какомъ мы хотимъ его напечатать. Если онъ нездѣлалъ никакого употребленія изъ своей записки при жизни²⁾, то это по тому, что у него и списка ея не осталось. Намъ дорого все, что имъ написано; и что можетъ Россія знать изъ оставшагося послѣ него, того жаль лишать ее. Прошу васъ не отнимать у Современника его лучшаго украшенія. Да и не можетъ быть, что бы вы могли запретить печатаніе этой статьи? Это вѣрно недоразумѣніе Крылова. Прошу васъ убѣдительно отвѣчать мнѣ и если можно поскорѣе, ибо хотѣлось бы эту статью помѣстить въ началѣ³⁾. Пора набирать ее. Мою же статью о

---

1) Цензоръ Александръ Лукичъ Крыловъ (р. въ 1801, ум. въ 1853 г.) былъ назначенъ для цензурованія „Современника“; Пушкину не мало пришлось препираться съ этимъ строгимъ чиновникомъ, „одно имя котораго“, по словамъ Никитенко, было „страшно для литературы“ (Записки, т. I, стр. 385, изд. 1893 г.); см. книгу И. А. Шляпкина, Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина“ и В. Я. Брюсова, Письма Пушкина и къ Пушкину“.

2) Она написана была въ 1811 году; найдена въ 1836 г.

3) Въ начало книжки она, однако, не попала.

Пушкинѣ я показывалъ Государю; онъ приказалъ многое выбросить. Какъ скоро поспѣетъ моя операція, представлю вамъ статью въ обоихъ видахъ¹⁾).

Жуковский.

2.

[Конецъ февраля-мартъ 1837 г. Петербургъ].

Удивляюсь рѣшенію Цензурнаго комитета; не пропустишь сочиненія Карамзина по тому только, что оно при немъ не было напечатано! Чтожъ это за поводъ къ запрещенію? Подаю эту піесу на разсмотрѣніе Цензуры я, для напечатанія въ Современникѣ, въ тѣхъ мысляхъ что написанное Карамзинымъ будетъ имѣть много привлекательнаго для читателей Современника? Дѣло Цензуры пропустить то что пропустить можно, и вымарать то, чего она пропустить не можетъ. Ей и знать не лзя и не нужно, отъ куда взята представляемая мною піеса; ея дѣло только смотрѣть на то, — можно ли ее пропустить или нѣтъ. Пушкинѣ ее уже представлялъ. Я все то выбросилъ, что было отмечено и Цензура можетъ быть теперь довольна. Да я и самъ бы не за что не захотѣлъ напечатать чтонибудь такое, что кого бы то ни было могло бы ввести въ отвѣтственность. Прошу васъ убѣдительно, любезнѣйшій Сергѣй Семеновичъ, приказать пересмотрѣть піесу въ томъ видѣ въ какомъ она теперь представляется. Будетъ совершенная несправедливость не позволять ее только для того что она Карамзина и еще не напечатана. Я васъ увѣряю что послѣ тѣхъ исключеній которыя сдѣланы

---

1) Статья Жуковского „Послѣднія минуты Пушкина“, въ которую вошло письмо его къ С. Л. Пушкину отъ 15-го февраля 1837 г., напечатана въ „Современникѣ“, № 1-й 1837 г., стр. I — XVIII; ею открывается этотъ посмертный № Пушкинскаго журнала.

мною, все въ ней пропущено быть можетъ. Пускай выкинутъ все то что найдутъ нужнымъ; пускай если угодно и не говорится что она писана для Е. Павловны¹⁾. Можно поставить слѣдующее заглавіе: *Отрывокъ изъ рукописи, найденной по смерти Карамзина*. Прошу у васъ защиты и справедливости.

Вашъ

Жуковскій.

---

1) По словамъ Пушкина, передававшего рассказъ А. С. Шишкова, Карамзинъ написалъ свою Записку „по вызову“ великой княгини Екатерины Павловны, жены герцога Георга Ольденбургскаго (статья „Россійская Академія“ — въ „Современникѣ“ 1836 г., т. II, стр. 13 и Соч., изд. подъ ред. П. О. Морозова, т. VI, С.-Пб. 1905, стр. 96).

Василій Петровичъ

Зубковъ

и его Записки.

Пушкинская литература давно уже не обогащалась столь цѣннымъ открытіемъ, какъ письмо поэта къ Василю Петровичу Зубкову (отъ 1-го декабря 1826 г.), найденное въ бумагахъ Б. Н. Чичерина и обнародованное А. Θ. Кони сперва въ „Журналѣ для всѣхъ“ (1905 г., № 1), а затѣмъ — въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“ (1905 г., т. X, кн. 1 и отд. отт.). Письмо это, заключающее въ себѣ любопытныя подробности біографіи поэта, яснѣе рисующее мало извѣстный эпизодъ его увлеченія Софьей Ѳедоровной Пушкиной и содержащее драгоцѣнную автохарактеристику, — уже знакомо, такимъ образомъ, всѣмъ почитателямъ великаго поэта. Публикуя это замѣчательное письмо и говоря о Зубковѣ и его привлеченіи къ дѣлу декабристовъ, А. Θ. Кони писалъ: „Существуютъ записки Зубкова на французскомъ языкѣ, съ рисунками перомъ и карандашомъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не напечатанныя. Онѣ исполнены историческаго и бытового интереса. Приемы допроса декабристовъ, условія ихъ содержанія, личности членовъ Слѣдственной Коммиссіи охарактеризованы въ нихъ очень мѣтко, переплетаясь съ чертами изъ общественной жизни того времени“.... Печатаая ниже эти записки, мы предпосылаемъ имъ очеркъ жизни ихъ автора, насколько удалось обрисовать его по печатнымъ и другимъ источникамъ. Возможностью обнародовать записки мы обязаны просвѣщенному вниманію члена

Василій Петровичъ
ЗУБКОВЪ.

Коммисіи по изданію сочиненій Пушкина и Секретаря Пушкинскаго Лицейскаго Общества — Павла Евгенъевича Рейнбота, который получилъ ихъ отъ камергера В. В. Евреинова, родного внука В. П. Зубкова (по матери своей — Ольгѣ Васильевнѣ); считаемъ своимъ долгомъ выразить здѣсь нашу искреннюю признательность В. В. Евреинову и П. Е. Рейнботу за разрѣшеніе опубликовать эти любопытныя Записки.

Отецъ Василя Петровича Зубкова — Петръ Абрамовичъ¹⁾ — родился 14-го іюня 1762 года; 17-ти лѣтъ онъ поступилъ въ военную службу, находился адъютантомъ въ штабѣ генераль-поручика А. Ѳ. Уварова и въ 1790 г., 8-го марта, вышелъ въ отставку секундъ-майоромъ; 20-ти лѣтъ отъ роду онъ женился, въ 1782 г., на 13-ти лѣтней дѣвушкѣ — Марьѣ Михайловнѣ Шапошниковой, отъ которой имѣлъ двухъ сыновей: Петра, бывшаго впоследствии въ военной службѣ, и Абрама, также сперва военнаго (до 1816 г.), а затѣмъ служившаго (1834) по выборамъ дворянства депутатомъ Дмитровскаго уѣзда²⁾. Потерявъ жену, скончавшуюся 14-го мая 1796 года, Петръ Абрамовичъ женился вторично — на Натальѣ Петровнѣ Евреиновой (род. 16-го апрѣля 1775 † 5-го іюня 1845), внучкѣ того Якова Матвѣевича Евреинова, который при Петрѣ Великомъ былъ Русскимъ консуломъ въ Кадиксѣ, а затѣмъ — Президентомъ Коммерцъ-Коллегіи и умеръ 24-го октября 1772 года. Отъ этого брака и родился въ Москвѣ 14-го мая 1799 года Василій Петровичъ Зубковъ³⁾. Отца своего онъ лишился въ раннемъ дѣтствѣ (Петръ Абрамовичъ умеръ въ Москвѣ 4-го января 1804 г.) и остался, вмѣстѣ съ братомъ, подъ опекой своей матери, ея брата — Дмитрія Петровича Евреинова и дяди своего — бригадира Ивана Алексѣевича Булгакова, который былъ женатъ на сестрѣ его отца — Аннѣ Абрамовнѣ Зубковой (ум. 2-го декабря 1846 г.).

---

1) Сынъ прапорщика Абрама Васильевича отъ брака его съ Авдотьей Андреевной Бабушкиной (род. 1749 † 1797).

2) Онъ род. 4-го ноября 1791 † 8-го апрѣля 1856 г.; былъ женатъ, съ 6-го февраля 1821 г., въ Москвѣ, на Надеждѣ Петровнѣ Демидовой.

3) По надгробной надписи Василій Петровичъ родился 14-го мая 1800 г.; но мы беремъ 1799 годъ, указанный въ метрикѣ его рожденія, находящейся въ дѣлѣ Архива Департамента Герольдіи, откуда заимствованы и другія свѣдѣнія о семьѣ Зубковыхъ; см. также Записки М. М. Евреинова въ „Русск. Архивѣ“ 1891 г., кн. II, стр. 405—412.

Восьмилѣтнимъ мальчикомъ Василій Петровичъ уже записанъ былъ въ службу — ученикомъ въ Архитектурную школу Экспедиціи Московскаго Кремлевскаго строенія (27-го мая 1807 г.) и хотя, вѣроятно, обязанностей никакихъ не несъ, а учился дома, тѣмъ не менѣе, получилъ, 22-го марта 1809 г., то есть, на десятомъ году, званіе канцеляриста, а 20-го февраля 1811 года — чинъ коллежскаго регистратора, послѣ чего, къ новому 1815 году произведенъ былъ въ губернскіе секретари. Несмотря на такое „блестящее“ начало служебной карьеры, о которой, конечно, заботились его опекуны, Зубковъ 22-го декабря 1815 г. уволился отъ службы въ Экспедиціи и 29-го декабря поступилъ въ только что открытое, но уже извѣстное и модное Московское Учебное заведеніе для колонновожатыхъ, основанное Н. Н. Муравьевымъ. Василій Петровичъ вшелъ въ число слушателей второго курса этого Училища. 26-го ноября 1817 г. онъ былъ произведенъ, по экзамену, въ прапорщики Свиты Его Величества по квартирмейстерской части, при чемъ вмѣстѣ съ нимъ были выпущены, между прочимъ: извѣстный писатель и археологъ А. Θ. Вельтманъ, П. А. Тучковъ — впоследствии Московскій генераль-губернаторъ — и другія лица, съ которыми Зубковъ и впоследствии поддерживалъ дружескія отношенія¹⁾. Сохранилось показаніе Зубкова, данное имъ въ 1826 г., что въ 1817 (или 1818) году ему было предлагаемо (кн. Фед. Петр. Шаховскимъ) вступить въ тайное литературное общество, коего названіе ему неизвѣстно, но у коего былъ писанный уставъ. „Цѣль его, говоритъ онъ, кажется, заключалась единственно въ распространеніи общепользовныхъ познаній между членами и въ денежныхъ пособіяхъ бѣднымъ членамъ, а средство состояло въ переводахъ на Русскій языкъ лучшихъ иностранныхъ книгъ и нѣкоторыхъ денежныхъ пожертвованіяхъ“; но Зубковъ, какъ показалъ онъ на допросѣ, въ это общество не вступилъ²⁾.

Получивъ, въ сентябрѣ 1819 г., чинъ подпоручика, Василій Петровичъ 11-го декабря того-же года вышелъ изъ службы

---

1) Формулярный списокъ; Н. В. Путья, Ген.-м. Н. Н. Муравьевъ, С-Пб. 1852, стр. 13-14, 33, 34; Д. Кропотовъ, Жизнь графа Н. Н. Муравьева, С-Пб. 1874, стр. 407.

2) См. ниже, въ Запискахъ, и показаніе Зубкова въ дѣлѣ о немъ въ Государственномъ Архивѣ, л. 1.

по квартирмейстерской части ¹⁾ и около двухъ лѣтъ провель въ отставкѣ, воспользовавшись этимъ временемъ, между прочимъ, для поѣздки за-границу. О путешествіи этомъ намъ ничего неизвѣстно, кромѣ того, что въ январѣ 1821 года онъ былъ въ Парижѣ ²⁾ и что вернулся оттуда, „прельщенный французскимъ судопроизводствомъ и краснорѣчивыми выраженіями нѣкоторыхъ депутатовъ“ ³⁾, которыхъ онъ слушалъ въ Камерѣ; что онъ ознакомился съ судомъ присяжныхъ, о которомъ тогда въ Россіи еще и говорить запрещалось, и что за границей и по возвращеніи оттуда онъ увлекался изученіемъ сочиненій Делюльма, Сея, Сисмонди и другихъ политическихъ писателей. Въ 1820 или 1821 г. онъ въ Петербургѣ вступилъ членомъ въ масонскую ложу „Соединенныхъ Славянъ“; „цѣль ея, по словамъ Зубкова, была благотворительность и усовершеніе нравственности, а средства къ достиженію сей цѣли — произвольныя денежныя пожертвованія и чтеніе въ ложѣ поучительныхъ нравственныхъ рѣчей“; изъ ложи этой, въ которой онъ, по собственнымъ словамъ, дошелъ до высокихъ степеней, онъ вышелъ въ 1822 году, когда всѣ масонскія братства были закрыты по распоряженію правительства.

Возвратившись на родину съ запасомъ новыхъ и живыхъ впечатлѣній, Зубковъ не могъ равнодушно, какъ прежде, смотрѣть на окружающую его дѣйствительность: сравненіе видѣннаго имъ на Западѣ съ отечественными порядками производилось невольно и волновало молодого человѣка. Необходимость найти себѣ единомышленниковъ заставляла его искать подходящихъ знакомствъ и пріобрѣтать друзей среди представителей мыслящей молодежи. Еще въ 1820 году онъ познакомился съ Сергѣемъ Николаевичемъ Кашкинымъ, только-что бросившимъ службу въ л.-гв. Павловскомъ полку, гдѣ онъ служилъ и жилъ со своимъ двоюроднымъ братомъ — кн. Е. П. Оболенскимъ (декабристомъ); знакомство это вскорѣ перешло въ тѣсное дружество на почвѣ общихъ умственныхъ интересовъ. По возвращеніи изъ-за границы, Зубковъ въ 1822 году

---

1) Формуляръ и „Сборн. Имп. Русск. Историч. Общ.“, т. 73, стр. 151.

2) Объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо къ Зубкову его матери, писанное въ Парижъ изъ Москвы 10-го января 1821 г., подвергшееся перлюстраціи; оно напечатано въ отрывкѣ въ „Русск. Стар.“ 1882 г., т. 33, стр. 275.

3) Госуд. Архивъ, дѣло Зубкова, л. 4 об.

познакомился и сдружился съ Павломъ Ивановичемъ Колопинымъ, который, какъ и старшій братъ его Петръ Ивановичъ (съ августа 1817 года бывшій преподавателемъ въ Муравьевской Школѣ колонновожатыхъ), былъ членомъ Союза Благоденствія; сошелся онъ съ Борисомъ Карловичемъ Данзасомъ, незадолго передъ тѣмъ (26-го апрѣля 1821 г.) назначеннымъ чиновникомъ особыхъ порученій къ Московскому Военному Генераль-Губернатору князю Д. В. Голицыну, а въ ноябрѣ 1822 г. опредѣлившимся въ совѣтники Московскаго Губернскаго Правленія; наконецъ, съ Иваномъ Ивановичемъ Пушцинымъ, другомъ Пушкина, недавно лишь промѣнявшимъ мундиръ гвардейскаго артиллериста на скромную должность жреца Фемиды сперва въ роли члена С.-Петербургской Уголовной Палаты, а затѣмъ — судьи 1-го Департамента Московскаго Надворнаго Суда, въ который вскорѣ (3-го ноября 1824 г.) поступилъ засѣдателемъ С. Н. Кашкинъ. Зубкову рекомендовали Пущина, „какъ веселаго, благороднаго, добраго и честнаго человѣка“, — и онъ не замедлилъ съ нимъ сойтись, ведя съ нимъ бесѣды на общественныя темы. „Отъ Пущина я слыхалъ,“ говорилъ Зубковъ въ своемъ показаніи Коммисси, много жалобъ на уголовное судопроизводство; онъ говаривалъ о томъ, что хорошо-бы, еслибъ крестьяне были свободны“¹⁾. Къ этому кружку друзей вскорѣ присоединились: Александръ Павловичъ Бакунинъ, Владиміръ Петровичъ Пальчиковъ, — оба состоявшіе при Московскомъ Генераль-Губернаторѣ, Иванъ Николаевичъ Горсткинъ, совѣтникъ Московскаго Губернскаго Правленія, и князь Петръ Дмитріевичъ Черкасскій, служившій также при князѣ Д. В. Голицынѣ.

Самъ Зубковъ, по возвращеніи изъ-за границы причислившійся къ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ (27-го сентября 1821г.), а затѣмъ (28-го іюля 1822 г.) — къ Московскому ея Архиву, 22-го марта 1823 г. былъ „отряженъ“ къ Московскому Генераль-Губернатору кн. Д. В. Голицыну, при которомъ, какъ мы видѣли, служила большая часть его пріятелей. Выборъ послѣдней службы нельзя приписать простому случаю; извѣстно, какими побужденіями руководствовался Пущинъ, переходя на невидныя должности члена Уголовной Палаты и судьи Надворнаго Суда, и какъ удивлялись его поступку представители и пред-

1) Госуд. Арх., дѣло Зубкова, л. 4 об.

В. П. Зубовъ. **Б. К. Данзасъ.** **И. Н. Горсткннъ.** **И. И. Пушннъ.**
(сиднтъ). (сиднтъ). (сонтъ). (сиднтъ).

ставительницы Петербургскаго и Московскаго большаго „свѣта“, къ которому принадлежалъ Пущинъ: въ дѣйствіяхъ кружка друзей замѣтна общая идея, общее желаніе своимъ личнымъ примѣромъ и образомъ дѣйствій споспѣшествовать, съ одной стороны, торжеству правосудія, а съ другой — препятствовать проявленію мрачныхъ сторонъ современнаго имъ чиновничества; въ этомъ состояла ихъ программа (входившая въ программу активной борьбы декабристовъ) и, само собою разумѣется, она могла казаться подозрительною представителямъ старыхъ порядковъ. Вскорѣ Зубковъ получилъ еще большую возможность проводить въ жизнь идеи, одушевлявшія его и его друзей: 6-го августа 1824 г. онъ былъ назначенъ совѣтникомъ во 2-й Департаментъ Московской Палаты Гражданскаго Суда, когда мѣсто это очистилось за уходомъ съ него Павла Ивановича Колошина.

Въ 1825 году, по предложенію Зубкова, кружокъ друзей заказалъ художнику общую группу, которую они и налитографировали въ небольшомъ числѣ экземпляровъ. На ней были, сдѣланные Д. М. Соболевскимъ, портреты: самого Зубкова, И. И. Пущина, П. И. Колошина, А. П. Бакунина, Б. К. Данзаса, И. Н. Горсткина и князя П. Д. Черкаскаго¹⁾. Когда нѣкоторые изъ членовъ этого дружескаго общества были арестованы и увезены въ Петербургъ, въ Москвѣ вспомнили про эту группу и, припомнивъ „подозрительное“ поведеніе пріятелей въ служебныхъ дѣйствіяхъ, стали рассказывать о нихъ разныя небывлицы²⁾. Такъ, типичный представитель сплетницы-Москвы, А. Я. Булгаковъ, въ письмѣ къ брату Константину отъ 22-го декабря 1825 г., сообщалъ по поводу событій 14-го декабря: „Отсюда попался тоже къ негодьямъ Петер-

---

1) У Т. Б. Сѣмечкиной сохранилась акварельная группа, на которой, между прочимъ, находятся портреты ея отца — Б. К. Данзаса и В. П. Зубкова; группа эта была на Пушкинской Юбилейной выставкѣ въ Академіи Наукъ въ 1899 г. (см. Альбомъ Пушкинской юбилейной выставки, подъ ред. Л. Н. Майкова и Б. Л. Модзалевскаго, М. 1899, каталогъ, № 309), при чемъ, со словъ Т. Б. Сѣмечкиной, была неправильно названа группой Липецовъ II выпуска (В. П. Зубковъ, напр., въ Липецѣ не воспитывался). Предполагая, что эта группа именно та, о которой говоритъ Зубковъ, прилагаемъ ее къ настоящему изданію по фотографіи, любезно доставленной намъ Т. Б. Сѣмечкиной.

2) См. ниже, въ запискахъ Зубкова.

бургскимъ молодой Пущинъ, служащій при князѣ [Д. В. Голицынѣ], коего увѣрили, что отецъ его боленъ при смерти, а потому князь и не могъ ему отказать ѣхать въ Петербургъ. За дѣломъ поѣхалъ! У этого Пущина есть здѣсь пріятели. Они составили такъ называемое братство *Семиугольной Звѣзды*, — глупости, кои теперь всѣхъ ихъ могутъ компрометтировать. Тутъ Данзасъ, Колошинъ, князь Черкасскій, Кашкинъ, Зубковъ, Пущинъ, — не помню седьмого. Эти молодцы всѣ занимають здѣсь мѣста при князѣ, коего могутъ компрометтировать“¹⁾).

Несмотря, однако, на тѣсную связь между собою названныхъ лицъ, въ числѣ коихъ былъ такой убѣжденный и ревностный членъ тайнаго общества, какъ И. И. Пущинъ, союзъ ихъ не имѣлъ никакой узко-политической подкладки и цѣлей. Быть можетъ Пущинъ и попытался бы въ послѣдствіи привлечь своихъ сослуживцевъ и друзей въ составъ тайнаго общества, но, въ моментъ своего ареста, ни Зубковъ, ни другіе его пріятели не были посвящены въ ближайшія намѣренія и задачи декабристовъ. Тѣмъ не менѣе, 9-го января 1826 г. Зубковъ былъ арестованъ, былъ отправленъ, на фельдъегерскихъ лошадахъ, въ Петербургъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ провелъ 12 дней въ томительномъ одиночномъ заключеніи, о которомъ такъ подробно рассказываетъ въ печатаемыхъ ниже Запискахъ.

Изъ дѣлъ Слѣдственной о декабристахъ Коммиссіи, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ, видно, что поводомъ къ арестованію Зубкова послужили слова барона В. И. Штейнгеля, который въ первомъ показаніи своемъ написалъ, что зналъ о близкихъ сношеніяхъ въ Москвѣ Пущина съ Зубковымъ, Данзасомъ и Пав. И. Колошинымъ (у коего жилъ тогда Пущинъ). Кроме того, уже послѣ ареста Зубкова, въ пользу его прикосновенности къ дѣлу, могли служить, въ глазахъ Коммиссіи, указанія С. Н. Кашкина, Петра А. Муханова и князя Е. П. Оболенскаго, — указанія столь-же неопредѣленные, какъ и слова барона Штейнгеля. Кашкинъ, отвѣчая на запросъ Коммиссіи по поводу письма И. И. Пущина къ С. М. Семенову, полученнаго послѣднимъ въ Москвѣ, писалъ 24-го января: „Г. Семеновъ не показывалъ мнѣ письма г. Пущина, но

---

1) „Русск. Арх.“ 1901, кн. II, стр. 283.

говорилъ о содержаніи 16-го декабря, по вечеру, между тѣмъ какъ я по утру, бывъ на Дворянскихъ выборахъ, слышалъ объ ужасномъ происшествіи [бунтѣ]. Онъ говорилъ въ домѣ Совѣтника Гражданской Палаты г. Зубкова, въ присутствіи хозяина. Осмѣлюсь просить покорнѣйше, чтобы мои слова не навлекли непріятности г. Зубкову, о которомъ, зная его весьма коротко, я совершенно убѣжденъ, что онъ никогда къ обществу не принадлежалъ. Притомъ же, онъ одержимъ болѣзнію¹⁾. П. А. Мухановъ сказалъ еще менѣе, выразившись, что о принадлежности Зубкова къ Обществу онъ заключилъ лишь изъ факта его арестованія въ Москвѣ.²⁾ Кн. Е. П. Оболенскій, приводя весьма длинный списокъ лицъ, прикосновенныхъ, въ большей или меньшей степени, къ Обществу, писалъ противъ именъ Пав. Ив. Колошина, Ив. Ник. Горсткіна и Зубкова: „Всѣ сіи члены женаты, а потому принадлежатъ къ Обществу единственно по прежнимъ связямъ. Кругъ ихъ дѣйствій вообще былъ: распространеніе просвѣщенія введеніемъ школъ въ деревняхъ, улучшеніе состоянія крестьянъ, частное освобожденіе оныхъ по возможности, постепенное взиманіе доходовъ не съ лицъ, но съ земли и уменьшеніе дворовыхъ людей.“³⁾

Подобныя первымъ тремъ неопредѣленнымъ указанія, конечно, не могли дать Комиссіи достаточныхъ поводовъ къ осужденію Зубкова, и она уже 14-го января постановила просить о его освобожденіи, но Императоръ написалъ на докладѣ „повременить“ и только послѣ вторичнаго доклада, 20-го января постановилъ: „выпустить съ аттестатомъ“. Послѣдній, однако, окончательно былъ врученъ Зубкову лишь послѣ того, какъ было заслушано и обсуждено въ Комиссіи приведенное выше показаніе князя Оболенскаго, изъ-за котораго Зубковъ, накануне выпущенный изъ крѣпости, едва не былъ посаженъ въ нее вторично. Снабженный аттестатомъ, онъ, однако, попалъ въ находившійся всегда подъ руками императора Николая I, составленный въ 1827 году, „Алфавитъ членамъ бывшихъ злоумышленныхъ тайныхъ Обществъ и лицамъ, прикосновеннымъ къ дѣлу, произведенному Высоч. учрежденною 17-го декабря

1) Госуд. Арх., разр. I В, д. № 64.

2) *ib.*, д. № 356.

3) *ib.*, дѣло № 335.

1825 г. Слѣдственнойю Коммиссіею¹⁾. Въ Алфавитѣ этомъ Императоръ Николай наводилъ справки всякій разъ, какъ ему попадалась по какому-нибудь случаю знакомая по дѣлу о декабристахъ ненавистная фамилія. О Зубковѣ здѣсь, на страницахъ 257—258-й, читается слѣдующее: „Быль взять по показанію Штейнгеля, что имѣлъ частыя сношенія съ Пуццинымъ и другими членами. Но по изслѣдованію Коммиссіи оказался не принадлежавшимъ къ Обществу и не знавшимъ о существованіи онаго. — Содержался въ крѣпости съ 12-го января. По Высочайшему повелѣнію въ слѣдствіе доклада Коммиссіи 20-го января освобожденъ съ аттестатомъ.“

Показанія Зубкова, приведенныя имъ въ своихъ „Запискахъ“, почти дословно сходятся съ подлинными документами, находящимися въ дѣлѣ его въ Государственномъ Архивѣ. Въ нихъ онъ даетъ тѣ-же указанія на предложеніе, сдѣланное кн. Ѳедоромъ Шаховскимъ въ 1817 или 1818 г., — вступить въ литературно-благотворительное общество, на участіе въ Масонскихъ ложахъ, на знакомства съ инкриминированными лицами. Въ первомъ письменномъ показаніи онъ говоритъ, однако, еще, что „слыхалъ о какомъ-то обществѣ Зеленой Лампы“, но не помнить, отъ кого²⁾. Это, несомнѣнно, было именно то общество, которое извѣстно по участію въ немъ Пушкина³⁾.

Изъ друзей Зубкова только одинъ Пуццинъ, какъ настоящій членъ Общества, пострадалъ тяжело; другіе отдѣлались значительно легче: Кашкинъ поплатился высылкою въ Архангельскъ, Горсткинъ — въ Вятку, Колошинъ — въ деревню

---

1) Госуд. Арх., дѣла о декабристахъ, отд. I В. Въ Алфавитѣ этотъ занесено 572 лица.

2) Гос. Арх., I В, д. Зубкова, № 197, л. 4.

3) Оно обратило на себя вниманіе Слѣдственной Коммиссіи, какъ видно изъ слѣдующей записи въ „Алфавитѣ“ противъ имени камеръ юнкера Никиты Всеволодовича Всеволожскаго, „основателя“ Зеленой Лампы: „По указанію князя Трубецкаго, Бурцова, Пестеля, Всеволожскій былъ учредителемъ Общества Зеленой Лампы, которому названіе сіе дано отъ лампы, висѣвшей въ залѣ его дома, гдѣ собирались члены, коими (по словамъ Трубецкаго) были: Толстой, Дельвигъ, Родзянка, Барковъ и Улыбашевъ. По изысканію Коммиссіи, оказалось, что предметомъ сего Общества было единственно чтеніе вновь выходящихъ литературныхъ произведеній, и что оно уничтожено еще до 1821 года. Коммиссія, видя, что общество сіе не имѣло никакой политической цѣли, оставила оно безъ вниманія“.

съ запрещеніемъ вступать въ службу, Данзасъ высидѣлъ мѣсяцъ на гауптвахтѣ; остальные не попали даже въ „Алфавитъ“, т. е. даже вовсе не привлекались къ слѣдствію.

Тягость заключенія въ крѣпости усугублялась для Зубкова еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ это время онъ имѣлъ уже свою семью: въ 1823 г. онъ женился на Аннѣ Ѳедоровнѣ Пушкиной.

Анна Ѳедоровна была третьею изъ четырехъ дочерей Ѳедора Алексѣевича Пушкина отъ брака его съ княжною Марьей Ивановной Оболенской и родилась 25-го іюля 1803 г. Она лишилась отца въ раннемъ дѣтствѣ; Ѳедоръ Алексѣевичъ (родной дядя извѣстнаго остряка и театрала Алексѣя Михайловича Пушкина) служилъ въ молодости въ военной службѣ, въ 1800 г. былъ Калужскимъ вице-губернаторомъ, ватѣмъ въ 1801—1803 г., въ чинѣ д. с. совѣтника, былъ губернаторомъ въ Воронежѣ и, выйдя въ отставку, скончался 22-го ноября 1810 г., оставивъ женѣ очень скромное состояніе и пятерыхъ дѣтей, изъ коихъ сынъ Иванъ въ 1812 г. былъ принятъ въ Пажескій Корпусъ. Семья поселилась въ Москвѣ, около которой у нея было, въ Дмитровскомъ уѣздѣ, небольшое имѣніе — с. Семеновское. Жить съ подроставшими дочерьми Марьѣ Ивановнѣ было трудно: ей приходилось, что называется, „тянуться“, поддерживая тонъ высшаго общества, къ которому она съ семьей принадлежала; въ 1814 году она уже вывозила двухъ старшихъ дочерей — Екатерину и Елизавету. Такъ, 12-го января 1814 г. Марья Аполлоновна Волкова сообщала своей пріятельницѣ В. И. Ланской: „Нынѣшній годъ очень много начинающихъ выѣзжать въ свѣтъ: двѣ дѣвицы Алмазовы¹⁾, прелесть какія хорошенькія, Пушкина [Елизавета], младшая сестра нашей красавицы [Екатерины], княжна Оболенская, дочь князя Андрея“²⁾... Старшую дочь Марьѣ Ивановнѣ удалось скоро пристроить: Екатерина Ѳедоровна въ іюлѣ того-же года вышла за-мужъ за Петра Дмитриевича Евреинова, двоюроднаго, по матери, брата В. П. Зубкова. Объ этомъ бракѣ находятя любопытныя подробности въ письмахъ той-же М. А. Волковой. „Вчера“, пишетъ она 1-го августа

---

1) За старшимъ братомъ ихъ, Николаемъ Петровичемъ, была за-мужемъ Авдотья Петровна Зубкова, мать поэта В. Н. Алмазова, которому П. В. Зубковъ, такимъ образомъ, приходился роднымъ дядей.

2) „Вѣстн. Европы“ 1874 г., № 10, стр. 546.

1814 г., „я ужинала у вдовы Авраама¹⁾ и вернулась домой въ ужасномъ негодованіи, до сихъ поръ не могу успокоиться. Тебѣ известно, что маленькая Пушкина вышла за Евреинова. Приѣхавъ сюда, я узнала, что этотъ провинціалъ никогда не бывалъ въ Москвѣ и явился сюда лишь три мѣсяца тому назадъ, по смерти стараго отца; слѣдовательно, человѣкъ онъ не свѣтскій, но, повидимому, порядочный. У него тридцать тысячъ годового дохода. Онъ два раза сватался за Пушкину, сперва она отказала, потомъ, вѣроятно, подумавъ о грустномъ своемъ положеніи, рѣшилась выдти за него съ цѣлью обезпечить всю свою семью, начиная со старухи-матери. Кажется, въ этомъ поступкѣ ничего не должно быть смѣшнаго, особенно, для близкихъ ея родственниковъ. Имъ известно, въ какихъ она была тонкихъ обстоятельствахъ, значить, скорѣе слѣдуетъ пожалѣть о ней, а не поднимать ее на смѣхъ. Она пожертвовала собой, выйдя за человѣка менѣе ея образованнаго и который не можетъ быть ей парой. Между тѣмъ, представъ себѣ, что жена Авраама и ея прекрасный сынокъ весь вечеръ трунили надъ бѣдной женщиной, осмѣивая ея мужа и всю его родню, приѣзжавшую на свадьбу. Насмѣшкамъ конца не было. Федоръ Голицынъ, который не прочь посмѣяться надъ ближнимъ, принялъ участие въ шуткахъ, и они хохотали на всю гостинную надъ жалкимъ замужествомъ племянницы хозяйки дома, съ которой обращались, какъ съ дочерью, три мѣсяца тому назадъ. Одна Гагарина молчала. Меня все это возмущало. Старушка, вдова Авраама, настоящая ехидна. Вяземскій²⁾ называетъ ее „Сицилійской отравительницей,“ потому, что находитъ у нея сходство съ восковой куклой, изображавшей эту женщину. Вяземскій отчасти правъ: если старуха физически не отравляетъ людей, за то рѣчи ея пропитаны такимъ ядомъ, который никого не щадить.“³⁾ Черезъ нѣсколько писемъ она снова возвращается къ этому же эпизоду: „Мнѣ помнится,“ говоритъ она 29-го августа, что я писала тебѣ о свадьбѣ маленькой Пуш-

---

1) Такъ называетъ она Нат. Абр. Пушкину, вдову сосланнаго въ Сибирь Мих. Алексѣев. Пушкина и мать остряка и театрала Алексѣя Михайловича.

2) Кн. Петръ Андреевичъ, постоянный посѣтитель этой семьи Пушкиныхъ.

3) „Вѣстн. Европы“ 1874, № 12, стр. 640 — 641.

киной, которая выходитъ за молодого Евреинава, прїѣхавшаго сюда въ маѣ. Въ Москвѣ его никто не знаетъ, потому что онъ живетъ въ провинціи. Онъ увидалъ Пушкину у обѣдни, черезъ нѣсколько дней по прїѣздѣ, влюбился въ нее сразу, нашелъ способъ познакомиться съ ея матерью, сдѣлалъ предложеніе и женился. Все это устроилось очень быстро: когда я ѣхала въ деревню ¹⁾, еще не слышно было объ этой свадьбѣ, а черезъ мѣсяць объявили, что Пушкина выходитъ за-мужъ. Бѣдной дѣвочкѣ нельзя было быть слишкомъ разборчивой: семья ея была рада-радехонька, что нашелся богатый женихъ, который можетъ обезпечить ее и сестеръ. Этотъ молодой человѣкъ имѣетъ хорошее состояніе; но, какъ говорятъ, провинціалъ въ полномъ смыслѣ слова, что такъ потѣшаетъ вдову Пушкину и ея сына, а по моему, слѣдуетъ пожалѣть о бѣдной дѣвочкѣ ²⁾.

Со второй дочерью М. И. Пушкиной, Елизаветой, не обошлось такъ благополучно. Когда матери ея уже, кажется, не было въ живыхъ ³⁾, Елизавета Ѳедоровна, жившая у своей тетки, Маріи Сергѣевны Каръ, рожд. княжны Хованской, влюбилась въ крѣпостного ея человѣка Алексѣя Александровича Штурманова, который, обладая музыкальными способностями, нерѣдко аккомпанировалъ на клавесинахъ Елизаветѣ Ѳедоровнѣ; она бѣжала съ нимъ изъ дома тетки въ сентябрѣ 1816 г., обвѣнчалась и въ 1817 г. жила въ Калугѣ. Кн. П. А. Вяземскій принялъ участіе въ судьбѣ этой четы и, между прочимъ, черезъ А. И. Тургенева, продалъ для Петербургской сцены сдѣланный Алексѣемъ Михайловичемъ Пушкинымъ переводъ комедіи Реньяра „Игрокъ“ ⁴⁾. Романическая исторія Штурмановыхъ надѣлала въ Москвѣ большого шума; Е. Ѳ. Евреинава звала къ себѣ сестру, обѣщая „забыть ея поступокъ, если она согласится оставить мужа, но она не поддается обѣщаніямъ лестнымъ, терпитъ нужду и клятвѣ сердца не измѣняетъ“ ⁵⁾.

---

1) Въ концѣ мая.

2) „Вѣстн. Европы“ 1874 г., № 12 стр. 643 — 644.

3) Въ ноябрѣ 1815 г. она, однако, еще была воспріимницей своей внучки Софьи Петр. Евреиновой.

4) „Остафьевскій Архивъ“, т. I, стр. 55, 73 — 74.

5) Письмо Вяземскаго къ Тургеневу 29-го іюля 1817 г. — „Ост. Арх.“, т. I, стр. 76 — 77. Нѣкоторыя подробности объ этомъ происшествіи даетъ

По смерти М. И. Пушкиной, двухъ младшихъ ея дочерей— Анну Ѳедоровну (р. 1803) и Софью Ѳедоровну (р. 1806) взяла къ себѣ на воспитаніе Екатерина Владиміровна Апраксина, жена извѣстнаго въ Москвѣ своимъ широкимъ и открытымъ образомъ жизни Степана Степановича Апраксина и родная сестра князя Д. В. Голицына, Московскаго военнаго генераль-губернатора. Апраксина, у которой было двѣ дочери,¹⁾ и раньше брала къ себѣ въ домъ бѣдныхъ дѣвушекъ, которыхъ воспитывала и выдавала за-мужъ; сироты-Пушкины „были послѣднія изъ молодыхъ дѣвицъ, воспитывавшихся у Апраксиной.“²⁾ Анна Ѳедоровна Пушкина, по словамъ Е. П. Янковой, „была стройна и высока ростомъ, съ прекраснымъ греческимъ профилемъ и черными, какъ смоль, глазами и была очень умная и милая дѣвушка.“³⁾ Съ будущей женой своей Зубковъ, безъ сомнѣнія, познакомился въ домѣ своего двоюроднаго брата Петра Дмитриевича Евреинова (ум. въ іюнѣ 1824 г.), за которымъ, какъ мы говорили, была старшая сестра ея — Екатерина Ѳедоровна. Въ концѣ 1822 года Василій Петровичъ былъ уже женихомъ Анны Ѳедоровны, которой къ этому времени только что исполнилось 19 лѣтъ. Сообщая о Московскихъ новостяхъ, А. Я. Булгаковъ писалъ

Ф. Крестинъ въ письмѣ къ княжѣ В. Н. Туркестановой изъ Москвы, отъ 30-го сентября 1816 г. („Русск. Арх.“ 1882, кн. III, прил., стр. 412 — 413). Крестинъ ошибочно называетъ здѣсь Елизавету Ѳед. Пушкину Екатериной.

1) Одна изъ нихъ была уже за-мужемъ (за кн. А. Д. Щербатовымъ), а другая, Наталья, только въ 1821 г. вышла за кн. С. С. Голицына.

2) Д. Благово, *Разказы Бабушки*, С.-Пб. 1885, стр. 462.

3) Въ „*Разказахъ Бабушки*“ (С.-Пб. 1885, стр. 461 — 462) эти слова отнесены къ Софьѣ Ѳедоровнѣ. Мы рѣшаемся переставить сдѣланныя Янковой характеристики сестеръ по слѣдующемъ соображеніемъ: 1) Софья Ѳедоровна была младшая сестра Анны Ѳедоровны, а не старшая, какъ говорятъ Е. П. Янкова, которой память легко могла измѣнить; 2) Н. А. Муханова въ современномъ событіямъ письмѣ (см. ниже) называетъ именно Софью Ѳедоровну „крошкой Пушкиной“, а это слово, никакъ не подходя къ понятію „стройной и высокой ростомъ“, прекрасно соответствуетъ словамъ, опредѣляющимъ Софью Ѳедоровну, какъ „маленькую и сублинную блондинку, точно саксонская куклка“. Память, сохранивъ въ Янковой воспоминаніе о внѣшности обѣихъ сестеръ, повидимому весьма различныхъ по наружности и характерамъ, легко могла измѣнить старушкѣ, когда она припоминала, которая изъ сестеръ за вѣмъ именно была за мужемъ.

своему брату 18-го декабря 1822 г., что онъ былъ у Сонцова (дяди поэта Пушкина) и „видѣлъ тутъ двухъ невѣсть: княжну Голицыну¹⁾ и Пушкину; обѣ живутъ у Катерины Владиміровны Апраксиной. Первая выходитъ за Ухтомскаго, а вторая, бѣдная очень дѣвушка, имѣла счастье понравиться молодому пригожему Зубкову, имѣющему 1500 душъ²⁾; видно, было написано на небѣ; а Варенька Пушкина и многія другія сидятъ въ дѣвкахъ, оттого что слишкомъ разборчивы, и кончаютъ все старыми сенаторами³⁾).

Свадьба Зубковыхъ состоялась въ 1823 году; жизнь молодыхъ потекла спокойно;⁴⁾ мужъ занятъ былъ службой, а досуги дѣлилъ между занятіями естественной исторіей, къ которой уже въ это время питалъ большую склонность, свѣтскими развлеченіями и бесѣдами въ кругу друзей на темы общественнаго характера, и только арестъ и послѣдовавшее за нимъ время томительнаго заключенія въ крѣпости выбили супруговъ изъ обыденной колеи. Вернувшись въ Москву оправданнымъ и чистымъ отъ подозрѣній въ неблагонамѣренности, Зубковъ, однако, скоро (14-го октября 1826 г.) вышелъ въ отставку изъ Гражданской Палаты, гдѣ прослужилъ два съ лишнимъ года.

Къ сентябрю — октябрю 1826 г. относится знакомство Зубкова съ Пушкинымъ, пріѣхавшимъ въ Москву изъ Михайловскаго по вызову императора Николая. Знакомство ихъ могло состояться у Веневитиновыхъ, у С. А. Соболевскаго, Погодина, Мухановыхъ, князя П. А. Вяземскаго, съ которыми былъ знакомъ Зубковъ, или, наконецъ, въ одной изъ великосвѣтскихъ гостинныхъ, куда въ это время такъ старались заманивать Пушкина, и гдѣ онъ охотно бывалъ, вы-

---

1) Марія Дмитриевна, дальняя родственница Е. В. Апраксиной, рожд. кн. Голицыной; она вышла за-мужъ за князя Александра Ивановича Ухтомскаго.

2) У Зубкова были имѣнія въ Любимскомъ и Даниловскомъ уѣздахъ Ярославской губ. и въ Коломенскомъ уѣздѣ Московской губ.

3) „Русск. Арх.“ 1901, кн. I, стр. 46.

4) Е. П. Янькова говоритъ, что В. П. Зубковъ купилъ около этого-же времени „домъ у гр. Агр. Степ. Толстой, въ Большомъ Толстовскомъ переулкѣ, между Смоленскимъ Рынкомъ и Спасо-Песковскою площадью, домъ деревянный, одноэтажный, предлинный по улицѣ“ („Разказы Бабушки“, С.-Пб. 1885). Не здѣсь-ли и бывалъ у Зубкова Пушкинъ въ ноябрѣ и декабрѣ 1826 года?

рвавшись изъ своего заточенія. Въ это же время и Пушкинъ сталъ бывать у Зубкова, къ которому его заранѣе располагала ихъ общая дружба съ Пущиннымъ; здѣсь, по свидѣтельству, П. И. Бартенева, Пушкинъ „проводилъ безпрестанно время“¹⁾; онъ близко сошелся съ Зубковымъ, вскорѣ былъ съ нимъ уже „на ты“²⁾ и въ домѣ его познакомился съ его свояченицей Софьей Ѳедоровной Пушкиной³⁾. Знакомство Пушкина съ Софьей Ѳедоровной, произведшей на него такое сильное впечатлѣніе, состоялось между 8-мъ сентября и началомъ ноября: уже 9-го ноября, сообщая о своемъ скоромъ возвращеніи въ Москву, онъ писалъ князю Вяземскому: „Долго здѣсь не останусь. Въ Петербургъ не поѣду; буду у Васъ къ 1-му: она велѣла.“ Судя по письму Пушкина къ Зубкову, въ которомъ онъ пишетъ, говоря о Софьѣ Ѳедоровнѣ: „Я вижу разъ ее въ ложѣ, въ другой на балѣ, а въ третій сватаюсь“, можно судить о неимоверной быстротѣ, съ которою возрастало его чувство къ красавицѣ; эпизодъ со сватовствомъ Пушкина произошелъ, вѣроятно, незадолго до отъѣзда его изъ Москвы. Ко времени второго пріѣзда туда, во второй половинѣ декабря (есть указаніе, что 22-го декабря онъ, въ квартирѣ Зубкова, написалъ свои стансы: „Въ надеждѣ славы и добра“), нужно отнести окончательную неудачу Пушкина въ его сватовствѣ, на возможность которой Зубковъ, повидимому, указывалъ поэту въ недоспешихъ до насъ письмахъ своихъ (о нихъ упоминаетъ въ своемъ письмѣ Пушкинъ) и которую самъ поэтъ предчувствовалъ, говоря, въ письмѣ къ Соболевскому: „Твои догадки гадки, виды мои гладки“; и дѣйствительно, уже 8-го декабря,

---

1) „Русск. Арх.“ 1878 г., кн. III, стр. 393.

2) Въ замѣткахъ В. Ѳ. Щербакова о пребываніи Пушкина въ Москвѣ находится слѣдующая записка, относящаяся къ марту 1827 г.: „Въ субботу на Тверскомъ я въ первый разъ увидѣлъ Пушкина; онъ туда пришелъ съ Корсаковымъ, сѣлъ съ нѣсколькими знакомыми на скамейку и, когда мимо проходили совѣтники Гражданской Палаты Зубковъ и Данзасъ, онъ подбѣжалъ къ первому и сказавъ: „Что ты на меня не глядишь? Жить безъ тебя не могу“. Зубковъ поцѣловалъ его“. (Соч. Пушкина, подъ ред. П. А. Ефремова, т. VIII, С.-Пб. 1905, стр. 111).

3) Въ январѣ 1826 г. Софья Ѳедоровна съ Е. В. Апраксиной, какъ видно изъ Записокъ Зубкова, была въ Петербургѣ, гдѣ у нея былъ Василій Петровичъ (см. ниже).

какъ увидимъ ниже, по Москвѣ говорили объ имѣющей состояться свадьбѣ С. Ѳ. Пушкиной съ В. А. Панинымъ.

Весьма вѣроятно предположеніе А. Ѳ. Кони, что именно о С. Ѳ. Пушкиной говоритъ Пушкинъ въ стихотвореніи своемъ:

Зачѣмъ безвременную скуку
Зловѣщей (грустію) думою питать...

Тѣмъ болѣе вѣроятно это предположеніе, — вопреки утверженію Анненкова, будто оно обращено къ Плещееву или Кюхельбекеру (который въ это время былъ уже въ ссылкѣ), — что листокъ съ этимъ стихотвореніемъ, помѣченный 1-мъ ноября 1826 года (передъ отъѣздомъ поэта изъ Москвы), сохранился именно въ бумагахъ В. П. Зубкова, которому принадлежалъ, и отъ котораго, черезъ С. П. Колошина (сына его пріятеля — П. И. Колошина), въ 1866 году перешелъ въ Чертковскую Библиотеку¹⁾.

Въ стихотвореніи этомъ поэтъ упрекаетъ себя въ малодушіи передъ „зловѣщею думой,“ которою онъ „питаетъ безвременную (т. е. преждевременную) скуку,“ ожидая „въ унынѣ робкомъ“ „неизбѣжную разлуку,“ т. е. отъѣзда своего изъ Москвы. Очевидно, въ это время онъ еще имѣлъ надежды на благосклонность и взаимность покорившей его сердце дѣвушки.

Позволяемъ себѣ высказать предположеніе, что и въ стихотвореніи „Зимняя дорога,“ написанномъ, вѣроятно, по пути изъ Михайловскаго въ Москву въ серединѣ декабря 1826 г., поэтъ, подъ именемъ Нины, разумѣетъ С. Ѳ. Пушкину, о свиданіи съ которой не переставалъ мечтать въ Михайловскомъ:

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра, къ милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь, не наглядясь.
Звучно стрѣлка часовая
Мѣрно кругъ свой совершитъ
И, докучныхъ удаляя,
Полночь насъ не разлучитъ.

---

1) „Русск. Арх.“ 1866, ст. 1172 — 1173 и 1867 г., стр. 317.

Грустно, Нина; путь мой скученъ,
Дремля, смолкнулъ мой ямщикъ,
Колокольчикъ однозвученъ,
Отуманенъ лунный ликъ...

Здѣсь, подѣ поэтической дымкой, ясно проглядываетъ субъективное чувство поэта; настроеніе его, какъ нельзя больше, подходитъ къ обстоятельствамъ мѣста и времени, въ которыхъ онъ тогда находился. Онъ мечтаетъ о свиданіи съ любимой дѣвушкой, къ которой ѣдетъ и которую „завтра“ увидитъ въ кругу „докучныхъ“ (для него) поклонниковъ (среди нихъ, вѣроятно, и Панина); онъ надѣется поговорить съ ней наединѣ, когда разъѣдутся гости, а до тѣхъ поръ будетъ, „забывшись у камина,“ смотрѣть на нее, „не наглядясь.“

Кто-же такая была С. О. Пушкина, внушившая поэту такое живое, горячее чувство? Къ сожалѣнію, мы знаемъ о ней очень немного. Она родилась 21-го апрѣля 1806 года и рано потеряла отца. По смерти матери, т. е., приблизительно, въ 1816 — 1817 г., ее, какъ и старшую сестру Анну (Зубкову), приютила у себя Е. В. Апраксина, и въ ея великосвѣтскомъ домѣ она получила свое воспитаніе, также великосвѣтское. Про наружность ея мы знаемъ¹⁾, что она „была маленькая и сублильная блондинка, точно саксонская куколка, была прехорошенькая, преживая и превеселая, и хотъ не имѣла ни той поступи, ни осанки, какъ ея сестра....., но личикомъ была кажется, еще милѣе“.

Въ „Сынѣ Отечества“ за 1825 годъ (ч. 104, № 22, стр. 197 — 207) мы нашли описаніе „Праздника въ селѣ Городнѣ,“ бывшаго 26-го августа въ имѣніи матери Московскаго Генераль-Губернатора, статсъ-дамы княгини Нат. Петр. Голицыной (извѣстной „Princesse Moustache“), въ 7-ми верстахъ отъ Калуги. Здѣсь, въ числѣ прочихъ свѣтскихъ барышень и кавалеровъ, принимала активное участіе и Софья Ѳеодоровна, привезенная на праздникъ своею воспитательницею, Е. В. Апраксиной, дочерью „Princesse Moustache,“ и исполнившая передъ многочисленнымъ обществомъ гостей нѣсколько французскихъ и русскихъ куплетовъ, написанныхъ ad hoc О. О. Кокошкинымъ,

---

1) Со словъ Е. П. Яньковой, которыми мы пользуемся *mutatis mutandis* (см. выше, стр. 102).

А. И. Писаревымъ и М. М. Карніолинымъ-Пинскимъ. Этотъ праздникъ живо рисуеъ намъ ту среду, въ которой вращалась въ это время С. Ѳ. Пушкина: это былъ высшій кругъ Московскаго свѣтскаго общества, въ которомъ Пушкина блистала своей красотой; такъ, Е. А. Сабанѣева въ своихъ „Воспомянаніяхъ“¹⁾ называетъ „Соффи Пушкину“ въ числѣ первыхъ Московскихъ красавицъ середины 1820-хъ годовъ.

Къ предложенію поэта и его восторженному поклоненію Софья Ѳедоровна отнеслась, повидимому, равнодушно, да, по свойству своего „преживого и превеселаго нрава“, она врядъ-ли и могла серьезно отнестись къ чувству Пушкина, и въ ея къ нему отношеніи было простое кокетство (ср. фразу Пушкина: „Она велѣла“). Поэтому она и отдала предпочтеніе Валеріану Александровичу Панину. 8-го декабря 1826 г. Наталья Александровна Муханова ^{Владимиръ 2-й имп.} ^(погос. пометка) писала сыну своему Александру Алексѣевичу: „Новости здѣшнія — интересныя свадьбы Офросимова Андрея на Катеринѣ Корсаковой²⁾ и малютки Панина на крошкѣ Пушкиной³⁾“, — слѣдовательно, свадьба ихъ состоялась въ самомъ началѣ 1827 года.

Такъ окончился эпизодъ сватовства поэта, доселѣ мало извѣстный и освѣтившійся такъ ярко благодаря найденному А. Ѳ. Кони письму Пушкина къ Зубкову. Впрочемъ, это увлеченіе его было сильно, но не глубоко: извѣстно, что, почти одновременно, онъ увлекался, въ Москвѣ же, сперва Е. А. Тимашевой, а затѣмъ сестрами Ек. Ник. и Ел. Ник. Киселевыми. Между тѣмъ, слухъ о сватовствѣ Пушкина разнесся и дошелъ до его друзей: такъ, напр., Дельвигъ, писалъ ему въ серединѣ января 1827 г.: „Ты, слышу, хочешь жениться; благословляю, только привози сюда жену познакомиться съ моею.“

Что касается четы Паниныхъ, то намъ ничего почти неизвѣстно о дальнѣйшей ихъ жизни, кромѣ того, что въ 1847 г. Валеріанъ Александровичъ былъ... смотрителемъ Московскаго Вдовьяго Дома; затѣмъ онъ состоялъ казначеемъ Россійскаго

---

1) „Истор. Вѣстн.“ 1900 г., т. LXXXII, № 12, стр. 810.

2) Екатерина Александровна, рожд. Римская-Корсакова; овдовѣвъ послѣ брака съ Офросимовымъ, она вышла за-мужъ за Александра Александровича Алябьева (Т. П. Пассежъ, Изъ дальнихъ лѣтъ, т. I, стр. 362).

3) Шукинскій Сборникъ, в. IV, М. 1905, стр. 161.

Общества Любителей Садоводства и скончался въ Москвѣ 8-го декабря 1880 г., на 78 году жизни (род. 27-го мая 1803 г.); Софья Ѳедоровна скончалась раньше его—27-го января 1862 г.; погребены они оба въ Московскомъ Новодевичьемъ монастырѣ.

Возвратимся теперь къ В. П. Зубкову. Выйдя въ отставку, какъ мы сказали, въ 1826 году, онъ провель не у дѣль 2½ года и только 6-го мая 1829 г. снова началъ служить, будучи назначенъ, по представленію князя Д. В. Голицына, совѣтникомъ во временную экспедицію 2-го Департамента Московской Палаты Уголовнаго Суда, учрежденную для производства дѣла о преданныхъ, по Высочайшему повелѣнію, суду Палаты разныхъ чиновникахъ Удѣльнаго и другихъ вѣдомствъ за злоупотребленія по удѣльнымъ имѣніямъ. Дѣло это заключало въ себѣ до 12000 листовъ и состояло изъ двухъ слѣдствій, при чемъ подсудимыхъ и прикосновенныхъ къ дѣлу о злоупотребленіяхъ было болѣе тысячи человекъ. Выборъ Зубкова совѣтникомъ во временную экспедицію, учрежденную Комитетомъ Министровъ спеціально для разсмотрѣнія этого гигантскаго дѣла, по ходатайству князя Голицына, показываетъ, что послѣдній, зная Зубкова по прежней службѣ его въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, цѣнилъ его способности и служебную опытность¹⁾ и вообще продолжалъ относиться къ нему доброжелательно и съ довѣріемъ; Зубковъ бывалъ въ домѣ своего начальника, гдѣ въ 1830 г., 2-го января, на балѣ-маскарадѣ игралъ *duc'a D'Elmag'a*²⁾; къ тому же году относятся нѣсколько упоминаній имени Зубкова: такъ, въ мартѣ, въ письмѣ изъ Москвы къ князю Вяземскому, Пушкинъ писалъ: „Наше житье-бытье сносно. Дядя живъ, Дмитріевъ очень милъ. Зубковъ—членъ Клуба“³⁾; въ августѣ говорить о свиданіи

---

1) Еще въ 1823 г. Зубковъ, по порученію князя Голицына, производилъ, между прочимъ, слѣдствіе о ссорѣ между городничимъ и городскимъ головою г. Вереи.

2) „Русск. Арх.“ 1901 г., кн. III, стр. 478.

3) Вѣроятно Англійскаго. Это послѣднее упоминаніе имени Зубкова въ перепискѣ Пушкина. Въ 1828 г. онъ поручалъ Соболевскому передать Василю Петровичу 250 р. (В. Я. Брюсовъ, Письма Пушкина и къ Пушкину).

ни съ нимъ М. П. Погодинъ, которому Зубковъ сообщалъ о пребываніи за-границей княгини З. А. Волконской¹⁾, а въ сентябрѣ князь П. А. Вяземскій отмѣтилъ въ своей Записной книжкѣ, что, въ прїѣздъ свой въ Москву, онъ встрѣтилъ у Яра А. В. Веневитинова и Зубкова²⁾; все это даетъ указанія на образъ жизни и кругъ знакомствъ Василія Петровича въ это время.

Появленіе въ 1830 году въ Москвѣ холеры открыло Зубкову новое поприще дѣятельности: съ 24-го сентября по 2-е ноября 1830 г. онъ былъ помощникомъ начальствовавшего надъ Якиманскою частью сенатора Брозина и завѣдывалъ 2-мъ и 3-мъ ея кварталами, а 2-го ноября былъ назначенъ начальствующимъ надъ Ордынскою холерною больницей и энергично велъ борьбу противъ болѣзни до 19-го ноября 1831 г. По словамъ Погодина, принимавшаго горячее участіе въ дѣятельности холернаго комитета и находившаго, что другія, призванные на борьбу съ болѣзью лица мало и плохо работали, „Зубковъ отличался въ Якиманской Больницѣ;“ онъ даже „завелъ особливую больницу въ части Якиманской“³⁾. Не довольствуясь практическою дѣятельностью, Зубковъ написалъ и издалъ книжку, касающуюся болѣзни, съ которой онъ боролся, а именно — „О незаразительности холеры. Наблюденія, сдѣланныя въ Москвѣ Василемъ Зубковымъ“ (М., въ тип. А. Семена, 1831, 8^о), съ гравированнымъ планомъ Якиманской части, бывшей въ его завѣдываніи. Въ книжкѣ этой, имѣющей 52 страницы и помѣченной, въ концѣ, 6-мъ января 1831 г., Зубковъ говорить о своихъ трудахъ по уходѣ за больными: онъ ежедневно посѣщалъ, одинъ или со своими сотрудниками —

кину, М. 1903, стр. 18). Результатомъ посѣщеній поэтомъ Зубкова было то, что у послѣдняго остались, кромѣ упомянутаго выше автографа стихотворенія „Зачѣмъ безвременную скуку“, еще автографы написаннаго въ это время „Отвѣта х + у“ („Нѣтъ, не черкешенка она“), шестистишія князю П. П. Вяземскому и нѣсколько рисунковъ поэта („Русск. Арх.“ 1866, ст. 317).

1) „Русск. Арх.“ 1882, кн. III, стр. 167.

2) Собр. Соч. кн. Вяземскаго, т. IX, С.-Пб. 1884, стр. 141.

3) „Русск. Арх.“ 1882 г., кн. III, стр. 174. Эта больница была открыта 24-го октября, на Ордынкѣ, въ домѣ Шереметевой (В. П. Зубковъ, „О незаразительности холеры“, стр. 14).

своёкомъ В. А. Панинымъ и Пассекомъ¹⁾—Якиманскую больницу и частныя квартиры обывателей этого бѣднаго и грязнаго квартала Москвы, не жалѣя себя и не боясь заразить себя и свою семью. Наблюденія надъ больными вскорѣ укрѣпили въ Зубковѣ убѣжденіе, шедшее въ разрѣзъ съ господствовавшимъ въ то время мнѣніемъ, что холера не прилипчива и что она не есть болѣзнь „міазматическая.“ Онъ, на основаніи своего личнаго опыта, пришелъ къ заключенію, что заболѣваніе холерой не является результатомъ одного повѣтрія, что она не передается по воздуху; полемизируя съ штабъ-лѣкаремъ Соломономъ, по поводу изданной имъ книги „Замѣчанія о холерѣ, поразившей Астрахань въ іюлѣ 1830 г.“ онъ старается доказать, что болѣзнь эта принадлежитъ къ числу происходящихъ отъ особеннаго состоянія атмосферы, — „отъ измѣненія медицинскихъ свойствъ ея.“ Въ заключеніе онъ совѣтуетъ, въ видѣ предохранительныхъ во время эпидеміи мѣръ, „вести образъ жизни здоровый, остерегаться отъ всякаго излишества и сохранять нравственное спокойствіе, которое во всякое время способствуетъ къ поддержанію тѣлесныхъ силъ.“ Съ другой стороны, причины заболѣванія онъ видитъ въ негигіенической обстановкѣ, излишествахъ въ пищѣ и въ ея недоброкачественности, въ отсутствіи теплой и сухой одежды, пьянствѣ, простудѣ и т. под. Какъ видимъ, Зубковъ въ этомъ отношеніи пришелъ къ выводамъ, очень близкимъ къ тѣмъ, къ которымъ пришла и современная намъ наука на основаніи неизвѣстной еще въ тѣ времена бактериологій.

Въ 1831—1832 гг. Зубковъ выполнилъ нѣсколько служебныхъ командировокъ, въ 1834 г. былъ назначенъ и. д. совѣтника во 2-мъ Департаментѣ Московской Палаты Уголов-

---

1) Это былъ извѣстный Вадимъ Васильевичъ Пассекъ, который „одинъ изъ первыхъ предложилъ себя въ распоряженіе холернаго комитета и съ рѣдкимъ самоотверженіемъ дѣйствовалъ во все время эпидеміи. Онъ завѣдывалъ въ больницѣ канцеляріей, хозяйственной частью, ухаживалъ за больными; мало того, съ нѣкоторыми изъ медиковъ на себѣ дѣлалъ опыты прилипчивости холеры. Опытъ показалъ, что она не прилипчива. Послѣ этого стали смѣлѣе относиться къ болѣзни, и явилось больше желающихъ помогать въ общественномъ бѣдствіи“ (Т. П. Пассекъ. Изъ дальнихъ лѣтъ, т. I, С.-Пб. 1878, стр. 357—358). За свои труды Пассекъ получилъ чинъ титул. совѣтника, а Зубковъ— Высочайшее благоволеніе и орденъ Владиміра 4-й степени.

наго Суда, въ концѣ октября 1835 г. былъ переведенъ, совѣтникомъ-же, въ 1-й Департаментъ, а съ 16-го декабря 1837 по 26-е мая 1838 г. состоялъ товарищемъ предсѣдателя той-же Палаты. Живя все время въ Москвѣ, Зубковъ продолжалъ вращаться въ томъ-же кружкѣ, чтò и раньше. Онъ бывалъ у Погодина, князя П. А. Вяземскаго ¹⁾, М. А. Дмитриева ²⁾; изъ прежнихъ своихъ друзей поддерживалъ отношенія съ Б. К. Данзасомъ ³⁾, А. П. Бакунинымъ и др., внимательно слѣдилъ за изящной и научной литературой ⁴⁾, а досуги свои, по-прежнему, посвящалъ естественнымъ наукамъ, которыми особенно сталъ увлекаться съ 1823 г. Еще въ 1824 году онъ вступилъ въ недавно передъ тѣмъ открытое Московское Общество Сельскаго хозяйства ⁵⁾, весьма дѣятельное въ ту пору, а затѣмъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены состоявшаго при Университетѣ Императорскаго Московскаго Общества испытателей природы и принималъ участіе въ его трудахъ. Такъ, напр., въ отчетѣ о публичномъ ординарномъ засѣданіи этого Общества, происходившемъ 22-го декабря 1828 г., В. П. Зубковъ читалъ на французскомъ языкѣ описаніе новооткрытыхъ имъ Сибирскихъ насѣкомыхъ: новаго рода — *Odontognemia Ficheri* и новыхъ видовъ — *Blethisa Eschscholtzii*, *Cetonia Karelini* и *Saperda Quadripunctata* ⁶⁾. Въ журналѣ этого Общества — „Bulletin de la Société Impériale des naturalistes de Moscou“ — Зубковъ напечаталъ четыре статьи по энтомологіи: въ 1829 г. — „Notice sur un nouveau genre et quelques nouvelles espèces de Coléoptères“ (о 17 видахъ) ⁷⁾ и „Catalogue des Coléoptères pris par Mr. Karélin dans les Steppes des Kir-

1) „Остафьевскій Архивъ“, т. III, стр. 278.

2) Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. IV, стр. 18.

3) Тамъ-же.

4) „Изъ Москвы Павловъ и Зубковъ извѣщали моего отца обо всемъ, что появилось въ литературѣ Русской и иностранной, пересылали ему входящія книги“; такъ говоритъ Б. Н. Чичеринъ (въ бумагахъ котораго найдено письмо Зубкова къ Пушкину) въ своихъ Воспоминаніяхъ („Русск. Арх.“ 1890, кн. I, стр. 517).

5) С. А. Масловъ, Историч. обзорѣніе Импер. Моск. Общ. Сельскаго хозяйства, М. 1846, прилож., стр. 262.

6) „Моск. Вѣдом.“ 2-го февраля 1829 г., № 10, стр. 448.

7) „Bulletin“ 1829, t. I, p. 147—168, съ двумя табл.; перепечатано въ Парижскомъ изданіи „Bulletin“, сдѣланномъ Lequien, t. I, p. 29—44 и въ „Bulletin“ Férussac'a 1830, t. I, p. 152—154.

guises, entre le Volga et l'Oural¹⁾, въ 1833 г.—„Nouveaux Coléoptères recueillis en Turcmenie“ (55 видовъ)²⁾ и въ 1837 г.—„Description de quelques Coléoptères nouveaux“³⁾. По словамъ П. И. Бартенева (который, кстати, называетъ Зубкова „замѣтнымъ лицомъ въ тогдашнемъ, т.-е. концѣ 1820-хъ гг., Московскомъ обществѣ“ и „человѣкомъ образованнымъ“), въ энтомологіи извѣстенъ даже жукъ его имени — „*Sarabus Zubkoffii*“⁴⁾.

Въ 1838 г. Зубковъ задумалъ перемѣнить родъ службы: онъ опредѣлился директоромъ Ярославскаго Демидовскаго Лицея и директоромъ училищъ всей Ярославской губерніи, но въ должности этой пробылъ всего полъ-года — съ 7-го іюля по 15-е декабря⁵⁾, послѣ чего, 27-го іюня 1839 г., назначенъ былъ за оберъ-прокурорскій столъ во 2-е отдѣленіе 6-го (уголовнаго) Департамента Сената, въ Москвѣ, а 28-го апрѣля 1842 г. перешелъ, въ томъ же званіи, въ 8-й Департаментъ, при чемъ нѣсколько разъ, въ 1841—1844 гг., исправлялъ должность оберъ-прокурора въ 6-мъ и 7-мъ (гражданскихъ) Департаментахъ Сената. Произведенный въ д. с. совѣтники (3-го іюля 1843 г.), Зубковъ 8-го іюля 1845 г. былъ опредѣленъ оберъ-прокуроромъ 8-го Департамента, а 1-го марта 1850 г. — назначенъ на то-же мѣсто въ Общее Собраніе Московскихъ Департаментовъ Сената, гдѣ уже раньше работалъ за болѣзнью оберъ-прокурора М. А. Дмитріева — литератора и стараго своего знакомца. Ко времени службы Зубкова въ Московскомъ Сенатѣ относятся любопытныя воспоминанія о немъ К. П. Побѣдоносцева, прослужившаго въ 8-мъ Департаментѣ около двухъ лѣтъ (въ 1846—1848 гг.) подъ начальствомъ

1) тамъ-же 1829, т. I, p. 169—170.

2) тамъ-же 1833, т. VI, p. 310—340, перепечатано въ изданіи Lequien, t. I, p. 297—332.

3) тамъ-же 1837, т. X, № 5, p. 59—72, съ 2 табл.; перепечатано въ „Revue Zoologique“, Paris, 1840, т. III, p. 149. Указаніемъ на эти работы Зубкова мы обязаны зоологу Зоологическаго Музея Академіи Наукъ Г. Г. Якобсону, по словамъ котораго имя Зубкова до сихъ поръ не забыто русскими энтомологами.

4) „Русск. Арх.“ 1878 г., кн. III, стр. 393 и 1904 г., кн. I, стр. 306. Названіе это дано было Georg'омъ Dahl († 1832). Теперь этотъ жукъ называется *Sarabus Alyssidotus* (сообщ. Г. Г. Якобсонъ).

5) Формуляръ; И. М. Звонниковъ, Историч. Записка о Яросл. Гимназій, Яросл. 1881, стр. 14 и 42 и брошюра Головщикова: Черты жизни и дѣят. Ярослав. Демид. Училища, Яросл. 1869, стр. 43.

Василія Петровича; послѣдній тогда задался цѣлью освѣжить составъ своей Канцеляріи привлеченіемъ къ работѣ молодыхъ юристовъ, воспитавшихся „въ новомъ духѣ служебной правды“. „Главною мыслью В. П. Зубкова“, пишетъ г. Побѣдоносцевъ, „было обновленіе застарѣвшей въ приказномъ обычаѣ канцеляріи Департамента. Главную силу ея составляли старые оберъ-секретари, умные и опытные знатоки старыхъ указовъ и дѣлъ; но трудно было полагаться на честность пріемовъ ихъ практики. Однако, въ ихъ рукахъ находилась участь каждаго дѣла. Присутствіе состояло изъ сенаторовъ, заслуженныхъ генераловъ военной и гражданской службы, людей мало искусныхъ въ юридическихъ тонкостяхъ, и потому докладомъ канцеляріи почти всегда рѣшалось дѣло. Эту крѣпость В. П. Зубковъ задумалъ разбивать съ помощью новыхъ элементовъ.... Затѣмъ явились новобранцы изъ правовѣдovъ, и ими-то оберъ-прокуроръ началъ орудовать, не трогая съ мѣста никого изъ старыхъ опытныхъ дѣльцовъ. Выбирая способнѣйшихъ молодыхъ людей и подготавливая ихъ мало-по-малу къ секретарской должности, онъ обставлялъ ими старыхъ оберъ-секретарей, подъ своимъ руководствомъ; такъ что на докладѣ, за которымъ внимательно слѣдилъ оберъ-прокуроръ, молодой докладчикъ могъ всегда уравновѣшивать невѣрное внушеніе своего оберъ-секретаря. По той же системѣ, когда вырѣввали подъ руководствомъ Зубкова оберъ-секретари изъ молодыхъ, онъ присоединилъ къ нимъ секретарей изъ старыхъ дѣльцовъ. Такъ, мало-по-малу перерабатывался составъ канцеляріи, безъ обидъ и потрясеній: старые дѣльцы доживали вѣкъ на мѣстахъ своихъ и нерѣдко служили своими совѣтами молодымъ, обращавшимся къ ихъ опытности въ дѣлахъ прежняго времени.... Служба Зубкова въ Москвѣ въ постоянномъ общеніи съ Московскимъ обществомъ и съ товариществомъ компаніи архивныхъ юношей (Пушкинымъ, Вяземскимъ, Одоевскимъ и пр.) дала ему способъ расширить и усовершенить свое образованіе, такъ что въ 1840-хъ годахъ онъ считался въ Москвѣ однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ людей между начальниками отдѣльныхъ вѣдомствъ. Общеніе съ такимъ человѣкомъ по службѣ не могло не быть благотѣльно для развитія молодыхъ людей, начинавшихъ въ Сенатѣ свою служебную дѣятельность. Зная прекрасно французскій и нѣмецкій языки, Зубковъ слѣдилъ постоянно за литературой, много читалъ, и бесѣда его была всегда

пріятна и поучительна для молодежи. Домъ его, въ одномъ изъ переулковъ Смоленскаго рынка¹⁾, близко былъ знакомъ догдашнему обществу: здѣсь, на танцевальныхъ вечерахъ, можно было видѣть всѣхъ Московскихъ красавицъ того времени (двѣ дочери самого Зубкова, А. Бѣгичева, Юлія Давыдова, Лидія и Александра Ховрины, Лужина, Акиноева, двѣ Поливановы)⁴⁾. У Зубкова, пишетъ далѣе г. Побѣдоносцевъ, въ 1848—1849 гг. читали они газету „La Presse“ съ интересовавшими всѣхъ статьями Э. Жирандена; „У него-же... увидѣли мы прославленныя сочиненія того времени, считавшіяся запрещенными, но возбуждавшія общій интересъ (Луи-Блана, Прудона, Фуррье, Ламартина, Исторію Жирондистовъ и пр.). Немногіе изъ этой молодой компаніи товарищей-правовѣдовъ остались въ живыхъ, но оставшіеся не могутъ не вспомнить съ благодарностью о В. П. Зубковѣ. Пишущій эти строки проводилъ немало пріятныхъ вечеровъ въ его кабинетѣ, гдѣ онъ рассказывалъ намъ много о дѣлахъ и людяхъ прежняго и новаго времени, показывалъ новыя полученныя имъ книги, объяснялъ чудеса микроскопа, стоявшаго всегда на рабочемъ столѣ его. Тутъ случалось встрѣчать у него нѣкоторыхъ его пріятелей, большею частью интересныхъ и умныхъ людей“²⁾.

Въ 1851 году (2-го октября) В. П. Зубковъ былъ переведенъ оберъ-прокуроромъ въ 1-й Департаментъ Сената (на мѣсто своего пріятеля Б. К. Данзаса), въ Петербургъ, при чемъ ему поручены были въ завѣдываніе Сенатскіе: Архивъ, Типографія, Казначейство, Школа писарей Министерства Юстиціи, Канцелярія первыхъ трехъ Департаментовъ и Департамента Герольдіи и предсѣдательство въ Хозяйственномъ Комитетѣ при Сенатѣ; съ 1853 г. онъ завѣдывалъ дѣлами Общаго Собранія 4-го, 5-го и Межевого Департаментовъ и, награжденный въ 1854 г. орденомъ Владиміра 2-й степени, 8-го января 1855 г. былъ пожалованъ въ званіе сенатора, съ производствомъ въ тайные совѣтники и съ назначеніемъ къ присутствованію въ Департаментъ Герольдіи; однако, тяжкая болѣзнь заставила его просить объ отставкѣ, которую онъ и получилъ 19-го мая того-же 1855 года.

---

1) см. выше, стр. 103.

2) „Русск. Арх.“ 1904 г., № 2, стр. 301—305.

12-го апрѣля 1862 г. В. П. Зубковъ скончался въ Москвѣ, въ своемъ старомъ домѣ; погребенъ онъ въ Донскомъ Монастырѣ, рядомъ съ своими родителями и родственниками.

Т. Б. Сѣмечкина, дочь неоднократно упоминавшагося выше товарища Зубкова, Б. К. Данзаса, часто видѣвшая Василю Петровича въ послѣдніе годы его жизни у своего отца въ Петербургѣ, свидѣтельствуетъ, что онъ былъ вообще человѣкъ веселаго нрава; въ разговорѣ его было много юмора, онъ шутилъ съ дѣтьми, которые его очень любили, и всегда, являлся желаннымъ гостемъ. Говоря о женѣ Зубкова, Аннѣ Ѳедоровнѣ, Татьяна Борисовна высказываетъ предположеніе, что „она, должно быть, была красавицей въ молодости, такъ какъ черты ея это ясно выказывали, и, кажется, она сама не могла примириться съ наступившею старостью; насколько я ее помню, это была молодящаяся старушка, нарумяненная, всегда нарядная и любившая гулять пѣшкомъ по Невскому со своей собачкой-москвой.“ Анна Ѳедоровна на много пережила своего мужа: она скончалась въ Петербургѣ 15-го марта 1889 г. и погребена на Никольскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры.

У Зубковыхъ было нѣсколько дѣтей, изъ коихъ достигли зрѣлаго возраста двѣ дочери (о нихъ упоминаетъ въ указанныхъ воспоминаніяхъ своихъ г. Побѣдоносцевъ, какъ объ извѣстныхъ Московскихъ красавицахъ): Ольга (род. 25-го марта 1825 г.), бывшая замужемъ за генераль-маіоромъ Вячеславомъ Дмитріевичемъ Евреиновымъ, и Пелагея (род. 5-го іюля 1827 г.), также бывшая въ замужествѣ, и сынъ Владиміръ (род. 17-го іюля 1828 г.), служившій сперва въ Сенатской Типографіи, затѣмъ — въ Департаментѣ Герольдіи и (1860 г.) въ Азіатскомъ Департаментѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Свои Записки В. П. Зубковъ написалъ въ Петербургѣ, вскорѣ послѣ освобожденія изъ крѣпости, — еще до окончанія процесса декабристовъ, завершившагося казнью пятерыхъ изъ нихъ 13-го іюля 1826 года. Къ нимъ онъ приложилъ пять рисунковъ: 1) планъ части Петропавловской крѣпости, въ которой находился его казематъ, 2) планъ и внутренній видъ самаго каземата, 3) планъ Адмиралтейства и Зимняго Дворца съ указаніемъ комнаты, въ которую онъ былъ помѣщенъ до перевода въ крѣпость, 4) видъ комнаты, въ которой засѣдалъ Комитетъ, и 5) планъ квартиры коменданта, въ которой про-

исходили засѣданія Комитета; прилагаемъ воспроизведеніе 2-го, 4-го и 5-го рисунковъ.

Приложенный при семъ портретъ Зубкова воспроизведенъ по фотографіи съ оригинала, хранящагося у Т. Б. Сѣмечкиной¹⁾, которой приносимъ нашу искреннюю благодарность за его доставленіе.

Б. Модзалевскій.

Павловскъ, 30-го марта 1906.

---

1) Онъ былъ уже воспроизведенъ, но въ уменьшенномъ видѣ, въ „Альбомѣ Пушкинской юбилейной выставки въ Импер. Академіи Наукъ“ изд. въ 1889 г. (табл. 33). На Московской Пушкинской выставкѣ былъ другой портретъ Зубкова, литографированный въ Москвѣ у Роппольта, по рисунку Пелегрини („Каталогъ“ выставки, № 23). Въ „Подробномъ словарѣ русск. гравир. портретовъ“ Д. А. Ровинскаго (т. I, С.-Пб. 1889, ст. 831) указанъ гравированный фюзонатрасомъ у Бушарди въ Парижѣ портретъ Дмитрія Петровича Зубкова. Не есть-ли это также портретъ *Василія Петровича*, сдѣланный въ 1820—1821 г., когда онъ былъ въ Парижѣ?

Récit de ma détention à la forteresse de St.-Pétersbourg.

1826. A St.-Pétersbourg.

On apprit à Moscou l'événement du 14 Décembre par l'arrivée du général Komarovsky¹⁾. Le premier jour on ne crut pas que tout était fini; on disoit qu'il y avoit eu une révolte, qu'on avoit tiré les canons et ensuite les uns ajoutaient que tout étoit rentré dans l'ordre, les autres que toute la garde étoit en insurrection.

La journée du 14 Décembre fut suivie de nombreuses arrestations. Elles commençaient à Moscou vers le 20. Nous apprimes d'abord celle de Michel Orloff²⁾ et de Nikita Mouravieff³⁾ qu'on avoit été prendre dans sa terre. Ensuite furent arrêtés les chevalier-garde Svinine⁴⁾ et Kologrivoïff⁵⁾, puis Kolochine⁶⁾ et Semenoff⁷⁾ et le lendemain Michel Narichkin⁸⁾ et Stengel⁹⁾. On disoit à Moscou que le général Raevsky¹⁰⁾ avoit été pris et que lui, Nikita Mouravieff et Orloff étoient les chefs de la conspiration. A cette occasion quelqu'un qui avoit été aide de camp de Raevsky et qui avoit son portrait dans son cabinet écrivit dessous: „traître“ et le fit mettre dans la cave!

Le 8 Janvier Danzass¹¹⁾ vint me dire qu'on venoit d'enlever Kachkine¹²⁾. Cette nouvelle anéantit l'espérance que j'avois eue de ne pas être inquiété. Kachkine m'avoit dit

plusieurs fois qu'il n'avoit jamais appartenu à aucune société secrète; j'attribuais donc son arrestation à ses liaisons avec plusieurs personnes gravement compromises et par conséquent je devois m'attendre à éprouver le même sort. Je ne pensais plus qu'à préparer ma famille à mon futur voyage. Je parvins à faire envisager cet événement comme étant fort heureux en ce qu'il me procureroit l'occasion de me justifier entièrement aux yeux du public (on tenoit beaucoup à cela); car mes ennemis n'avoient pas manqué de répandre le bruit que j'étois aussi un conspirateur. Persuadé de mon innocence, j'étois sûr d'être libéré aussitôt après mon interrogatoire ou après être resté quelques jours au corps de garde*); je craignois seulement que le voyage ne fit du tort à ma santé, car j'étois convalescent d'une maladie nerveuse. Le soir je rentrais dans mon cabinet et je préparais une lettre adressée à ma femme¹³⁾ pour lui être remise par la Princesse Dmitri¹⁴⁾ quinze jours après mon départ. Cette lettre venue soit disant de Pétersbourg devoit la tranquilliser sur mon sort. Kolochine avoit fait la même chose. Je m'endormis tranquillement. A minuit je fus réveillé par mon domestique qui me remit un billet de D...¹⁵⁾ „Mon cher ami, m'écrivait-il, il faut vous préparer à partir demain matin, et moi aussi je pars“. A l'instant je quittois le lit et j'envoyais mon domestique chez le Prince T...¹⁶⁾ pour lui demander sa pelisse**).

---

*) On croyoit alors fermement à Moscou que toutes les personnes qu'on amenoit à Pétersbourg étoient mises au corps de garde et non à la forteresse et je croyais revoir peut être Kolochine, Semenoff, Kachkine et je ne pensais pas sans plaisir à passer quelque temps avec eux dans le même endroit.

**) J'ai appris qu'après mon départ les parents de la femme de Tcherk lui avoient reproché d'avoir fait cette imprudence, mais il leurs objecta, que m'ayant donné sa pelisse quand je n'étois pas encore reconnu coupable, cela ne pouvoit point le compromettre; qu'au contraire, s'il étoit arrêté et si on lui demandoit, comment il osoit me donner sa pelisse, cela prouveroit qu'il me croyait innocent et que par conséquent il n'avoit jamais compris avec moi!!! Car enfin s'il m'avoit connu pour conspirateur, il ne m'auroit pas donné sa pelisse.

En attendant je plaçais dans un portemanteau quelque linge, une pipe, du tabac, un frac etc. Je voulus ensuite me rendormir, mais cela me fut impossible: j'étois fort agité. Vers le matin je pris gaiement mon parti et, pensant toujours à mon innocence, je ne fus même pas fâché de faire un petit voyage qui me distrairoit et me procureroit le plaisir de voir mes anciennes connoissances de Pétersbourg.

Le 9 à 8 heures du matin j'annonçais mon départ à ma famille et grâce à Dieu tout se passa au mieux. A 9 heures je reçus un billet qu'on me dit venir de la part de Pierre Mouchanoff¹⁷⁾; c'étoit une invitation fort polie du Grand Maître de Police de me rendre de suite chez lui. Comme tous mes paquets étoient prêts, je fis mes adieux à ma famille et j'allais chez Choulguine¹⁸⁾. Il m'annonça qu'il avoit l'ordre de m'expédier pour Pétersbourg et me dit de retourner chez moi et de lui apporter mes papiers. Je revins donc à la maison; je fis de nouveaux adieux à ma famille et j'apportais au Général de Police un portefeuille contenant mes papiers. Ce brave homme me dit qu'il en avoit agi ainsi avec moi pour ne pas effrayer ma femme et me pria de garder là-dessus le secret*).

Après m'avoir laissé environ une heure dans sa chambre de toilette, il vint me dire que tout étoit prêt, m'embrassa et me remit, moi et mes papiers, entre les mains d'un officier de police à figure rébarbative.

Nous descendîmes un escalier dérobé et nous nous mîmes dans un traîneau couvert attelé de 3 bons chevaux qui prirent de suite le galop. Pendant que mon conducteur

---

*) Le Prince Dmitri¹⁹⁾ a eu une conduite bien belle dans ces malheureux temps. Il avoit fait acheter plusieurs pelisses et des bottes chaudes qu'il donnoit à ceux qui n'en avoient point lorsqu'on les amenoit chez lui. Il a donné à Семеновъ²⁰⁾ 500 Roub. Si nous avions eu un autre Général-Gouverneur, il est probable que les arrestations se seroient faites avec moins d'humanité. Cependant Обресковъ²¹⁾ et Равинскы²²⁾ se sont oubliés quelquefois, comme, par exemple, avec Семеновъ et Зыловъ²³⁾.

visoit son passeport à la barrière, je fis mes adieux au Prince Val. Chakoffskoye²⁴) qui entroit dans la ville et qui ne fut pas peu étonné de me voir.

Après avoir fait silencieusement quelques verstes, j'entamais la conversation avec mon conducteur. J'appris qu'il étoit l'officier de police de la Stretenka et quand je lui eus dit mon nom, il m'apprit qu'il avoit été paysan de mon père²⁵) et qu'il connoissoit beaucoup mon frère²⁶). Il me dit qu'il n'oublioit jamais son premier état et me pria de le considérer comme un serviteur dévoué. A la première station je lui proposais de déjeuner. Je vis en entrant dans l'auberge le Comte Georges Tolstoy²⁷) avec son frère cadet²⁸) qui alloient rejoindre leurs postes. Nous fûmes fort étonnés de nous voir; je pensais d'abord que ces Messieurs étoient aussi arrêtés. Nous commencions à diner lorsque nous vîmes entrer Pierre Mouchanoff¹⁷) suivi d'un feldjäger (Заварзаевъ) qui le conduisoit à Pétersbourg.

A la seconde station nous montions en traîneau, quand je vis arriver le Général M. Fon-Viesen²⁹) qui avoit le même sort et qui venoit de sa terre où on l'avoit saisi*).

A Klin je l'abordais et nous fîmes connoissance pendant quelques instants. Bientôt nous rattrapâmes Danzass¹¹). Cette nuit et le lendemain le 10 nous nous arrêtions tous les trois aux mêmes stations pour prendre ensemble le thé et nos repas. A Torjok Mouchanoff pris les devants et nous ne l'avons plus revu. A une station, à quelques verstes avant Novgorod nos conducteurs eurent une conférence secrète, dans laquelle ils décidèrent que nous devions nous séparer, et nous partîmes l'un après l'autre avec des intervalles d'une

---

*) A une station Mouchanoff me croyant probablement de la société me dit qu'il ne falloit rien avouer. A une autre il nous dit qu'Alexandre Bestougeff³⁰) avoit dit à l'Empereur: „ce qui est semé, produira“. Fon-Viesen lui tourna le dos, et Mouchanoff, en souriant, me dit: „Voyez, ce coquin de Fon-Viesen qui se retourne et fait semblant de ne rien savoir!“

heure entre chaque départ. Je partis le dernier. Depuis Moscou mon conducteur à chaque poste arrosoit son estomac de quelques verres d'*yerofeÛtch* et il finit par être tout-à-fait soûl à Poméranie, où je fus obligé de le laisser dormir pendant une heure et demie: il ne pouvoit plus marcher.

Dans la nuit du 10 Fon-Viesen qui avoit très froid dans son traîneau découvert et qui souffroit beaucoup d'une blessure au pied qui s'étoit rouverte obtint de son feldjäger de faire une station dans mon kibitka. Mon conducteur se mit avec le sien, et Fon-Viesen se plaça dans mon équipage. Je lui appris que Grabbe³¹⁾ avoit été pris; il me demanda si Jakouchkine³²⁾ l'étoit; je lui dis que non. A la station suivante il trouva dans le livre de la poste qu'un feldjäger avoit passé pour aller à Smolensk, il me dit que c'étoit probablement pour arrêter Jakouchkine et parut fort inquiet. Il me dit qu'il croyoit du devoir d'un honnête homme de ne pas cacher ses opinions, qu'il s'étoit occupé de politique comme théorie, mais qu'il n'avoit jamais pensé aux applications. „Ha! dit-il, je donnerois beaucoup pour être dans une semaine à cette même station, retournant auprès de ma femme!“³³⁾

Pendant la route on faisoit peu attention à nous. Je n'ai vu sur aucune figure l'expression de la pitié ou de l'étonnement; à une poste seulement trois vieilles femmes assez bien vêtues en mantelets noirs me reconduisirent à mon traîneau, en me chargeant de bénédictions à voix basse.

Les feldjäger reçoivent l'argent de poste pour 3 chevaux, et n'en payent que 2. C'est un sacrifice que font les postillons pour ne pas être trop rossés en chemin. Mon conducteur avoit donné ses bottes chaudes au Général Fon-Viesen qui n'en avoit pas. Il les remplaçoit à chaque station, en se couvrant les pieds avec la touloupe du postillon qui étoit donc obligé de faire la route sans fourrure. L'un de ces postillons ne voulut pas faire ce sacrifice malgré les menaces

du conducteur qui dans le village n'osoit pas en venir aux coups. Mais aussi pendant tout le chemin il ne cessa de le rosser et le fit aller si vite qu'un cheval creva. Dans ce cas le Gouvernement paye 250 R. au propriétaire, mais je pense qu'une grande partie de cet argent reste entre les mains de ceux qui sont chargés de le délivrer. Les feldjäger ne reçoivent que 600 R. d'appointement par an et un habit complet. Comme ils sont continuellement en voyage, l'argent de poste pour un cheval qu'ils gardent, fait au bout de l'année une somme considérable. Ceux que j'ai vus sont en général très polis.

Nous entrâmes dans Pétersbourg le 11 à 8 heures du soir*).

A la barrière on nous donna un cosaque qui nous escorta jusqu'au logement du général de service. En entrant dans sa Chancellerie je vis le général Fon-Viesen ²⁹⁾ qui me montra Danzass ¹¹⁾ endormi sur une chaise. Le général Patapoff ⁸⁵⁾ étoit à la forteresse; on nous pria d'attendre. Nous fîmes chercher à l'auberge du thé; mais au moment où nous voulions le prendre, on vint chercher Danzass. Je m'endormis un moment sur un sofa. En m'éveillant je vis le Prince Ouroussoff ⁸⁶⁾, aide-de-camp du général Kisseleff, qui venoit d'amener un aide-de-camp Chichkoff ⁸⁷⁾. Quelques instants après on nous ordonna de partir. Je fis mes adieux à Fon-Viesen et je suivis mon conducteur et Ouroussoff avec son prison-

---

*) Je n'ai pas besoin de dire que je n'ai pas fait mon voyage très commodément. A chaque poste j'obtenois, il est vrai, un traîneau couvert; mais ordinairement l'ouverture en étoit si étroite et si basse, que nous ne pouvions pas rester couchés tous les deux, et mon conducteur se tenoit debout; cela m'incommodoit beaucoup. Quand le kibitka lui permettoit de se coucher à côté de moi, autre désagrément: il puoit horriblement l'eau de vie et j'étois obligé de respirer dans cette atmosphère spiritueuse. Pour éviter cette odeur je finis par prendre un traîneau découvert. — Danzass avoit un bon kibitka du Prince Galitzine ¹⁴⁾, Fon-Visen étoit en traîneau découvert. Pendant les deux nuits que j'ai été en route, j'ai à peine dormi 2 heures. En passant par la *Тороховая*, je vis de la lumière chez Andrieux ³⁴⁾.

nier d'abord dans la chancellerie du commandant et ensuite dans le grand Corps de garde au Palais. Je crus que la chambre des officiers étoit celle qu'on m'avoit destinée. Je fus fâché de ne pas y voir d'autres détenus. Je m'établis sur un mauvais divan, sur lequel je croyois passer la nuit et je me disposois à allumer ma pipe, lorsque le colonel de service me dit qu'il étoit défendu de fumer et que je serais de suite transféré dans une autre chambre. Il me dit qu'on alloit enlever tous mes effets et mon argent et me conseilla de changer de linge. Je profitais de son conseil et je passais dans une petite chambre, où je mis du linge propre. Je tirais 100 R. de mon portefeuille et je les plaçais entre l'étoffe et la doublure de mon gilet, pensant que cet argent pourroit peut-être me devenir utile. Ensuite on me prit ma montre, mon argent etc. On voulut faire une liste de tout ce que contenoit mon portemanteau, mais j'obtins la grâce de le faire simplement ficeler et cacheter; l'autre opération auroit sans doute duré une heure.

Aussitôt après un officier me conduisit à travers un vestibule dans une grande chambre, éclairée par une seule chandelle. Un bas-officier me conduisit auprès d'une chaise et me dit de me mettre là et de me coucher par terre si je voulois dormir. Il me défendit de parler avec qui que cela soit. Je vis sur un divan un fort bel homme endormi, dont je n'ai pas pu savoir le nom*).

Tous les meubles de cette chambre consistoient en ce mauvais divan sans coussin, une table et une chaise. Je fus donc obligé de coucher par terre sur ma pelisse. Comme j'étois horriblement fatigué de la route, je dormis un peu. Le lendemain matin je trouvois mon compagnon d'infortune éveillé. Il paroissoit très gai; nous fîmes quelques gestes qui ne furent pas compris ni par l'un, ni par l'autre.

---

*) Потомъ приписано: „Podgio cadet.“ 88).

Cette chambre se trouve dans le palais, au rez-de-chaussé, vis-à-vis l'Amirauté. Elle est à deux fenêtres de deux vitres chacune. Devant chaque fenêtre se trouvoit une sentinelle qui ne permettoit pas d'en approcher. Il y avoit deux sentinelles à la porte.

A midi on vint prendre mon compagnon, et je ne l'ai plus revu; j'ai seulement appris que c'étoit un colonel, probablement en retraite, car il portoit l'habit bourgeois. Resté seul je me hazardois à parler avec les sentinelles. L'une d'elle me dit que les premiers jours ceux qu'on mettoit dans cette chambre étoient obligés de rester tout le temps assis sur une chaise sans se lever.

A 2 heures on m'apporta à manger une assiette d'assez bon *um*, du beuf grillé découpé en petits morceaux et deux morceaux de pain,—l'un blanc, l'autre bis. Il n'y avoit ni couteau, ni fourchette.

Toutes les fois que je voulois aller dans les latrines, deux sentinelles,—l'une devant, l'autre derrière moi m'accompagnoient le sabre nu. Vingt personnes à la fois font leur besoin dans des ouvertures pratiqués dans une longue planche. C'étoit fort plaisant et fort sale.

Enfin vers les 9 heures un feldjäger vint me prendre et me conduisit dans son traîneau chez l'Empereur dans l'Hermitage. J'arrivois d'abord dans une petite antichambre, où l'on m'offrit une chaise. Plusieurs valets en habits de deuil s'entretenoient debout. Un seul habillé à la militaire s'asseyoit de temps en temps en me lançant des regards de mépris. Au bout d'une demi-heure on m'appela dans la chambre à côté où je trouvois le général Levacheff⁸⁹) qui me fit entrer dans une grande salle remplie de tableaux. Il s'assit à une petite table couverte de papiers et me dit de prendre place. Il me dit:

„Vos liaisons intimes avec les plus zélés membres de la société secrète et bien plus que cela—les dépositions

faites contre vous prouvent que vous êtes vous-même membre de cette société; ainsi je vous prie de me dire tout ce que vous savez à ce sujet.“

Je lui répondis que je n'avois jamais appartenu à aucune société secrète.

„Et pouvez-vous“, me dit-il, „soutenir une confrontation avec vos accusateurs, par exemple avec Pouchchine ⁴⁰⁾, Kolochine ⁶⁾, Semenoff ⁷⁾, Kachkine ¹²⁾?“

Je lui répondis que oui et lui fis la déposition suivante qu'il mit par écrit:

„L'année 1817 ou 1818 je ne m'en souviens pas précisément, le Prince Théodore Chakofskoye ⁴¹⁾ me proposa d'entrer dans une société dont je ne sais pas le nom“.

— Où se trouve actuellement ce personnage? me demanda le Général*).

„Dans ses terres — lui répondis-je: il me semble qu'il a été aide-de-camp du Général Dépreradovitch. Autant que je m'en souviens, c'étoit une société purement littéraire et nullement contraire au Gouvernement“.

— Aux lois, — dit le Général d'un air qui sembloit dire: „ce qui est contraire au gouvernement, est controiire aux lois“.

„On avoit le projet de traduire en russe de bons ouvrages français et l'on pouvoit apporter aux séances des morceaux littéraires en prose ou en vers. Un des articles portoit, que les membres riches devoient donner la dixième partie de leur revenu pour secourir les membres pauvres“ (le général écrivit simplement „les pauvres“) „et payer des

---

*) Cette question me fit beaucoup de peine: elle me prouva que Chakofskoye n'étoit pas pris; je pensais que grâce à moi on alloit le faire chercher. Il a été aide-de-camp du général Paskévitch ⁴²⁾ et non de Dépreradovitch ⁴³⁾. A Moscou j'avois entendu dire positivement qu'il avoit été pris. Depuis que ce mémoire a été écrit j'ai appris qu'en effet le Prince Chakofskoye avoit été pris avant moi.

amendes chaque fois qu'ils n'apportoient pas de composition*). Cela me décida à ne pas entrer dans cette société. L'année 1820 j'ai fréquenté à Pétersbourg les loges maçonniques dans lesquelles j'ai même occupé un grade élevé, mais depuis qu'elles sont fermées je n'ai plus été dans aucune loge, et j'ignore s'il y en a depuis cette époque. Je n'ai jamais appartenu à aucune autre société secrète et je n'ai jamais eu connoissance d'aucune société pareille. Je n'ai appris l'événement du 14 Décembre que le jour de l'arrivée à Moscou du Comte Komarovsky¹⁾, par la voix publique. " Je signai cette déposition **).

---

*) Далѣе зачеркнуто: „Depuis l'année 1817 je n'ai plus entendu parler de cette société“.

***) Здѣсь находится слѣдующая, написанная на лѣвой сторонѣ тетради,

Note sur les portraits.

Quelques mois avant la mort de l'Empereur Alexandre je proposais à tous mes amis de faire lithographier nos portraits afin que chacun put avoir ceux de tous; nous pensions qu'il seroit curieux et agréable de les posséder, surtout après quelques années, lorsque la position de chacun seroit changée. Ma proposition fut acceptée et M-r Sobolevsky⁴⁴⁾ fit un très joli groupe au crayon; je proposai de l'envoyer lithographier à Paris, mais comme vers l'époque où ce dessin fut achevé Pouchchine⁴⁵⁾ se dispoisoit à partir pour Pétersbourg, nous nous décidâmes à le lui confier pour le faire lithographier dans cette ville. Le groupe étoit composé de Pouchchine, Kolochine⁶⁾, Bacounine⁴⁶⁾, Paltchikoff⁴⁷⁾, Danzass¹¹⁾, Gorstkine⁴⁸⁾, Tcherkasky⁴⁹⁾ et moi. Quand il fut achevé, on le mit sous verre et comme il avoit le mérite de la ressemblance et d'une jolie composition, on le montra à toutes les personnes qui voulurent le voir et entr'autres au Général-Gouverneur⁵⁰⁾. Enfin comme ces portraits avoient été faits sans aucune arrière-pensée, on n'en avoit fait aucun mystère. Pouchchine les emporta à Pétersbourg. Après l'événement du 14 Décembre on commença à dire à Moscou que ce dessin représentoit les membres de la conspiration, qu'il y avoit dans le ciel une étoile avec autant de rayons que la société renfermoit de membres, qu'enfin autour de l'étoile il y avoit écrit „Les amis réunis.“—Lorsqu'on commença à nous enlever, à Moscou ces bavardages devinrent encore plus forts⁵¹⁾. A Pétersbourg même quand j'ai été relâché on m'en a parlé, surtout de l'inscription. Le fait est que le Comité d'enquête n'a pas eu connoissance de ce dessin, ou au moins n'en a pas parlé. Et, en effet, quoi de plus bête que tous ces bavardages! Après mon arrestation on a dit à Moscou que j'étois représenté dans ce dessin avec une étoile sur le front; que je m'occupais d'entomologie uniquement pour masquer mes autres occupations

Le général me dit d'attendre et alla avec chez l'Empereur. Je profitai de son absence pour reconnoître la salle dans laquelle je me trouvois. C'est celle où se trouve la grande pendule de Minin et Pojarsky; au milieu sont placés de grands vases en marbre et des pupitres avec des tableaux. J'entendis l'Impératrice qui parloit avec ses enfants dans la chambre à côté. Je m'approchais de la porte vitrée qui sépare cette salle de la première chambre où le Général m'avoit reçu avant de m'introduire dans la Salle et je vis Danzass⁵²⁾; je voulus lui parler, mais mon feldjäger m'imposa silence. Au bout d'une demi-heure le Général Levacheff⁵³⁾ rentra. Il me fit sortir de la salle et parla d'abord à Danzass. Ensuite, après l'avoir congédié, il s'approcha de moi et, me prenant par le bras, me dit: „Sa Majesté a ordonné de vous faire mettre à la forteresse; vous y serez interrogé et si vous prouvez votre innocence vous serez libéré dans deux ou trois jours ou un peu plus. Si vous avez besoin de quelque chose, vous pouvez vous adresser à moi,—vous pourrez m'écrire“ *).

Je lui fis un salut et comme j'étois sûr d'être bientôt relâché, je ne lui demandais pas à être bien logé, je ne lui dis pas même que j'étois malade; d'ailleurs je croyois être logé très bien, au moins c'est ce que tout le monde pensoit à Moscou. En mettant ma pelisse dans l'antichambre je vis Danzass; je lui dis qu'on me conduisoit à la forteresse

---

qui consistoient à composer tous les papiers nécessaires à la conspiration, que j'étois représenté faisant prêter serment à mes amis, que lorsque j'avois été amené devant l'Empereur, on m'avoit deshabillé, que j'avois pâli et qu'on m'avoit trouvé une marque sur le corps!!!!

*) Je ne conçois pas pourquoi je fus mis à la forteresse sur un soupçon très vague, comme on verra par la suite. Toutchkoff⁵³⁾, ainsi que je l'ai appris ensuite, a été mis à l'Etat-Major dans un appartement composé de 3 chambres avec le général Calm⁵⁴⁾, N. Voeikoff⁵⁵⁾ et M-r Liprandi⁵⁶⁾. Ils étoient très commodément et très proprement logés et faisoient chercher leur diner chez A. Voeikoff⁵⁷⁾; le soir ils jouaient au boston. Cependant Toutchkoff a avoué qu'il avoit été de la Société de 1817.

et je n'eus pas le temps d'entendre sa réponse, car nous descendîmes des escaliers différents.

Arrivé dans la rue, mon conducteur me mit dans son traîneau et nous arrivâmes devant les portes de la forteresse qui de suite s'ouvrirent avec un grand fracas pour nous donner passage.

Je fus d'abord introduit dans une jolie chambre que je crus bonnement être celle qu'on me destinoit. Je restois là pendant une bonne heure à bavarder gaîment avec mon feldjäger. Enfin on me conduisit en haut chez le commandant⁵⁸). J'entrais dans son cabinet. Il sourit très gracieusement et me fit asseoir à côté de lui.

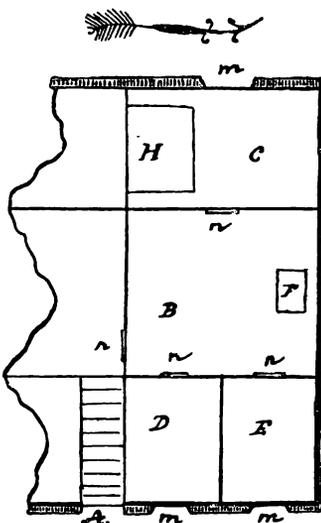
„Je viens, me dit-il, de recevoir de Sa Majesté l'ordre de Vous loger à la forteresse“⁵⁹).

Il me remit entre les mains du Major de Place*) qui m'ordonna de le suivre. Il me mit à côté de lui dans son traîneau; un aide-de camp de place se mit derrière et nous partîmes. Nous entrâmes dans une cour séparée de la grande place par un mur dans lequel est percé un arc. Au fond de cette cour je distinguai un bâtiment avec une porte basse, devant laquelle nous nous arrêtâmes. Un escalier en pierre très sombre nous conduisit dans une espèce de chambre, où se trouvoient plusieurs soldats. Elle étoit éclairée par une lanterne suspendue au plafond. A gauche se trouvoit une porte qu'on ouvrit; nous entrâmes par cette porte dans une autre espèce de chambre occupée en grande partie par un énorme poêle russe. Elle avoit un aspect si triste que je suppliais le Major de Place de m'en donner une autre, plus petite que j'avois remarquée en entrant à droite, vis-à-vis celle-là. Il y consentit, et me laissa avec l'aide-de-camp de place. Nous entrâmes donc dans cette petite chambre. L'aide-de-camp me

---

*) Егоръ Михайловичъ Подушкинъ⁶⁰); il paraît que c'est un bien *brave* homme.

- A. Escalier*
B. Chambre d'entrée sombre
F. Poêle en fer de fonte.
C. Casemate de J.....
H. Poêle russe.
D. ma casemate N° 20.
B. Salle de B.....
m. Fenêtres.
n. portes.
o. La Néva.

Vue de la Casemate N° 20.

- 1) Планъ части Петропавловской крѣпости. 2) Внутренній видъ каземата.

demandai si j'avois sur moi des bijoux ou de l'argent. Je lui répondis qu'on m'avoit tout enlevé au corps de garde. Il me dit que selon la règle il devoit me déshabiller; mais il se contenta de fouiller dans toutes mes poches. Quand il arriva à celle de mon gilet et que j'entendis le froissement des 100 R. qui se trouvoient entre l'étoffe et la doublure, je fus sur le point de les lui remettre; heureusement il retira la main. Il prit ensuite note de mes gens à Moscou jusqu'à la nourrisse et la bonne de mon enfant⁶¹),—je ne sais pourquoi. Je me hasardais à lui demander s'il y avoit des prisons meilleures que la mienne. „Oui, me dit-il, y en a d'un peu meilleures, mais aussi il y en a de plus mauvaises.

— Oui, lui dis-je, les cazemattes.

„Mais vous êtes dans une cazematte“, me répondit-il.

Il fit mettre une lampe sur la fenêtre et me dit en s'en allant que si je voulois écrire à Sa Majesté ou au commandant ou enfin à qui que ce soit, je n'avois qu'à demander de l'encre, du papier et des plumes, qu'on ne refusoit cela à personne. Il me quitta. J'entendis fermer ma porte à clef et ensuite tirer une barre de fer que l'on ferma encore avec un cadenas.

J'étendis ma pelisse sur mon lit et me jettai dessus; comme depuis trois nuits je n'avois pas dormi, j'eus le bonheur de m'endormir. Je fus souvent reveillé par le bruit que faisoient les soldats dans la première chambre. Comme ils dorment une partie de la journée, ils veillent et bavardent une partie de la nuit.

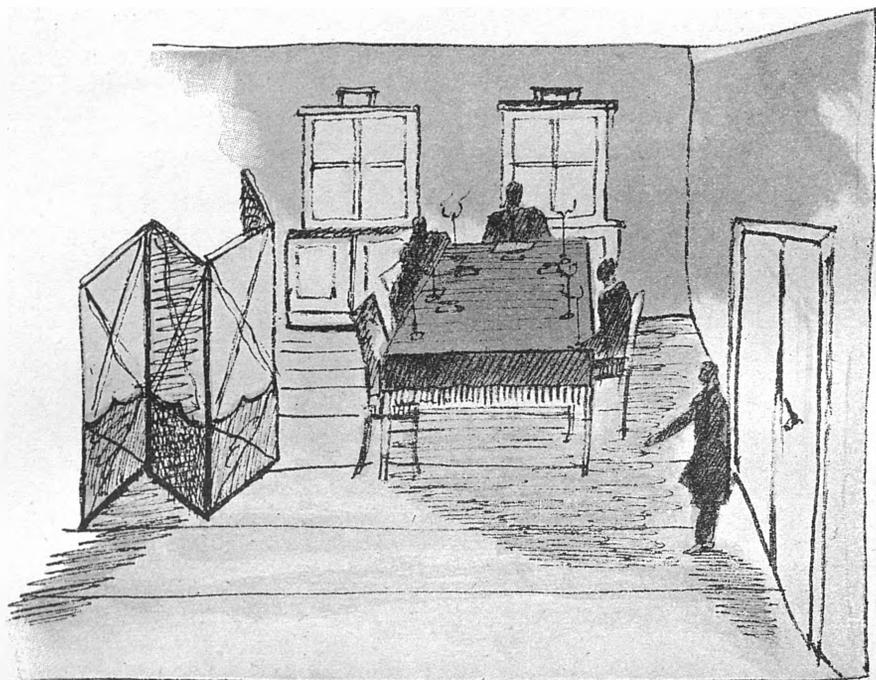
Je m'éveillai à 8 heures. Je me levai et commençai à examiner mon appartement. C'étoit une chambre de 6 pas de long et de 5 pas de large. La porte d'entrée étoit pratiquée dans une cloison en poutres verticales qui me séparoit de la première chambre d'entrée; le mur à gauche étoit aussi une cloison. Vis-à-vis la porte étoit le mur extérieur en pierre avec une fenêtre donnant dans la cour et le mur à droite

morceaux du pain,—l'un noir, l'autre bis, et une assiette de mauvais gruau avec du beurre rance*). Je mangeai fort peu.

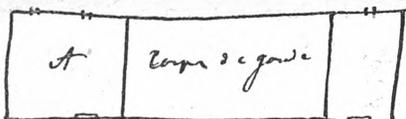
Dès qu'il fit sombre, on alluma ma lampe et je distinguai alors les milliers de blattes qui courroient sur les murs. Je délayai de la mèche dans de l'huile et j'en formai une couleur noire. A l'aide d'un petit morceau de bâton je dessinai mon chiffre sur l'embrasure de la fenêtre. Avec un autre morceau de bois je parvins en grattant la voûte à y faire un B et un Z. Enfin l'ennui commençoit à me gagner, quand on m'apporta encore du thé avec les mêmes accessoires que le matin. A 7 heures l'officier d'artillerie vint me faire encore une visite. A 8 heures on m'apporta à souper des *uu* assez bon avec un morceau de pain noir. Un moment après arriva le Major de Place qui m'ordonna de m'habiller pour aller au Comité. Je mis ma pelisse, mon bonnet et nous descendîmes l'escalier de pierre par lequel on m'avoit introduit dans ce bâtiment. J'étois fort content, car je me rappelai les paroles du général Levacheff et j'étois persuadé que je ne rentrerai plus dans mon cachot. En chemin le Major me couvrit la figure avec une espèce de voile en toile. Nous arrivâmes. Le Major me prit par la main et sans m'ôter ma grosse pelisse et mon bonnet il m'introduisit, après avoir traversé une grande chambre, dans une autre chambre très éclairée. Je pus deviner qu'on me fit passer derrière un paravent; là on m'ordonna de m'asseoir. Je n'entendis que quelques feldjâgers qui parloient à côté de moi, mais je ne pus distinguer ce qu'ils disoient. J'entendis encore un bruit de tasses et je jugeai que l'on prenoit le thé. Un quart d'heure après le Major de Place vint me prendre par la main: il me fit ôter ma pelisse et

---

*) Danzasse outre cela a eu tous les jours du boeuf grillé. Tous les mets sont fort mal accommodés, mais comme on voit le gouvernement a l'intention de très bien nourrir les prisonniers et je suis sûr que l'entretien coûte beaucoup, mais je pense qu'une partie de l'argent passe dans les poches des fournisseurs⁸³).

Le comité.

*A. chambre où j'ai été pendant quelques
jours.*

*Plan des chambres de
la maison du commandant
qui occupait le comité.*

- 1) Комната для заседаний Комитета. 2) Комната в Зимнем Дворце. 3) План комнат в квартире коменданта Петропавловской крепости: а) Комитетъ, б) канцелярія, в) зала, г) передняя.

mon bonnet et me conduisit dans une chambre très éclairée, où j'entendis un bruit d'éperons, et enfin de là dans une autre chambre. Là on m'ordonna d'ôter mon voile. Je l'ôtai et je vis devant moi une longue table couverte de drap rouge avec quantité de chandeliers en argent avec des bougies allumées. Il y avoit trois membres seulement: le ministre Tatischeff⁶⁴), le général Tchernicheff⁶⁵) et le général Benkendorff⁶⁶). Ce dernier que je pris d'abord pour le Grand Duc⁶⁷) avant d'avoir remarqué son aiguillette, commença à m'interroger.

„Vos liaisons intimes avec Pouchchine, Kolochine, Semenoff et Kachkine, et surtout les dépositions faites contre vous, prouvent à n'en pouvoir douter que vous êtes membre de la société secrète, ainsi avouez tout franchement. Si vous avouez vous pouvez espérer d'être pardonné, l'Empereur est clément. Si vous niez, vous serez perdu pour toujours. Eh bien, avez-vous été dans cette société?“

— Mon général, je n'ai jamais été dans aucune société secrète et je n'ai jamais eu connoissance d'aucune société secrète. J'ai été maçon jusqu'à l'année où les loges ont été fermées.

„Mais n'oubliez pas que la société dont je vous parle, n'est pas comme la franc-maçonnerie, il n'y a là ni signes, ni mots sacrés; si seulement vous vous êtes rencontré dans vos idées avec un des membres, vous en êtes déjà. Vous êtes jeune; je conçois que vous avez pu avoir été entraîné.“

Je répétai ma première réponse.

„Ah, vous persistez à nier. Hé bien, nous vous confronterons avec vos amis, vos accusateurs, nous verrons ce que vous direz alors; vous courez à votre perte; elle sera inévitable.“

—Je suis étonné que ceux que vous nommez, aient pu me dénoncer, c. à d. me calomnier; je les ai toujours connus pour des hommes d'honneur. Je repète encore une fois que

je n'ai jamais eu connoissance d'aucune société secrète et n'ai jamais été membre d'aucune pareille société. Je demande à être confronté avec mes accusateurs. Il est possible que d'autres personnes m'aient nommé pour grossir le nombre des coupables. Si ces personnes persistent à prétendre que je suis membre de leur société?

„Oh, nous verrons alors qui de vous deux aura raison. Vous ne devez pas douter de l'équité du Comité. Mais je vous le répète—ce sont vos chers amis qui vous accusent. Enfin vous n'oserez pas dire que vous n'avez jamais entendu ces messieurs parler entr'eux de leurs projets?“

—Jamais!“

„Entendez-vous, général, dit-il, en s'adressant au ministre de la guerre, il prétend qu'il n'a pas entendu leurs conversations politiques, et c'est leur ami! — Allez, voilà des questions par écrit. Réfléchissez mûrement à tout ce que je vous ai dit. L'espérance du pardon, ou une perte inévitable: choisissez. Répondez à ces questions par écrit. Vous serez confronté avec vos amis.“

Je le saluai, on me mit de nouveau le voile, et le Major de Place me reconduisit dans ma cazematte⁶⁸).

Je m'y attendoi si peu que le sang me monta à la tête et je faillis me trouver mal. Une demi-heure après le Major de Place m'apporta le papier contenant les questions du Comité; il étoit conçu ainsi:

„Le Comité secret, créé par ordre de Sa Majesté a adressé au Conseiller Honoraire Zoubkoff les questions suivantes.

„Vos liaisons intimes avec les plus zélés membres de la société secrète et bien plus les dépositions faites contre vous prouvent que vous avez appartenu à cette société; ainsi sans attendre qu'on vous montre des preuves convaincantes et qu'on vous confronte avec vos accusateurs, répondez à ce qui suit:

1° Quand avez-vous été reçu dans la société secrète et par qui?

2° Qui avez-vous reçu vous-même dans cette société?

3° Quels étoient les moyens que la société vouloit employer pour parvenir à son but?

4° Qu'est ce qui s'est passé à la grande assemblée de cette société l'année 1820 et 1821?

5° Quels sont les membres de cette société à vous connus?

6° Connoissiez-vous le projet d'agir en même temps à Pétersbourg, à Moscou et dans la 2-de armée?

7° Connoissiez-vous le projet d'attenter aux jours du défunt Empereur?

8° D'où la société tiroit-elle les fonds nécessaires à son entreprise?

9° Connoissiez-vous le projet d'agir comme on a fait le 14 Décembre en engageant les soldats à ne pas prêter serment à l'Empereur?

10° Outre des réponses à ces questions, dites tout ce que vous savez par rapport à cette société.

Le Major de Place me remit une feuille de papier, une plume et de l'encre et me pria d'écrire vite ma réponse. Je lui dis qu'elle seroit bientôt prête *). La voici:

„Je n'ai qu'une seule réponse à faire à toutes les questions qui me sont faites par le Comité secret, c'est que jamais je n'ai été dans aucune société secrète et jamais je n'ai eu connoissance d'une pareille société (ensuite je répétai ce que j'avois dit au général Levacheff au sujet de la société du Prince Chakoffskoye et des loges maçonniques).

„Quant à mes liaisons avec plusieurs membres de la so-

---

*) J'écrivis tout ce qui me passa par la tête. Il y eut plusieurs ratures, mais j'eus soins de les faire en sorte qu'on put lire ce qui avoit été écrit. Ces réponses n'ont aucune suite, au moins elles n'ont pas été préparées.

ciété secrète, il est vrai que j'ai été lié avec Kolochine, Kachkine, Pouchchine et Semenoff. Je fis la connoissance de Kolochine en 1822*) et l'ai fréquenté très peu jusqu'à l'époque de son mariage⁶⁹); jamais je n'ai eu avec lui de conversation politique et jamais je ne lui ai entendu dire qu'il ait appartenu à une société secrète. Je ne l'ai appris qu'après son arrestation. Nous parlions ordinairement de nos affaires, du Bureau des renseignements que nous avons établi à Moscou⁷⁰) et de notre service.

J'ai fait la connoissance de Pouchchine en 1823 lorsqu'il est venu servir à Moscou. Il ne m'a jamais dit qu'il ait été dans une société secrète et jamais ne m'a confié ses projets. Quelquefois il parloit des avantages qui résulteroient de la libération des paysans et ordinairement il parloit des affaires de son tribunal⁷¹) et se plaignoit de l'imperfection de notre procédure criminelle. Je n'ai jamais remarqué qu'il s'occupat de politique et je suis persuadé qu'il a quitté Moscou sans aucune mauvaise intention, et que c'est ici qu'il aura été entraîné. Son départ ne me parut pas extraordinaire, car l'année passée il étoit allé à Pétersbourg à la même époque pour voir ses parents⁷²). Il nous promit de revenir pour le 15 Janvier et même nous résolûmes d'aller à sa rencontre, — tant nous étions persuadés de le revoir.

Je ne connois Semenoff que depuis quelques mois; il est venu chez moi quatre fois et je ne suis jamais allé chez lui. Il paroît être un homme très éclairé, mais ses opinions me sont inconnues. Il ne m'a jamais parlé d'aucune société secrète.

Je connois Kachkine depuis 1820**). Il s'occupoit alors de la politique françoise. J'arrivois à cette époque de l'étranger, la tête remplie des beaux discours de plusieurs députés, aussi parlions nous continuellement de la Chambre des députés,

---

*) Въ подл. показ. (л. 4 об.) прибавлено: въ Москвѣ

**) Въ подл. показ. (л. 40 б.): съ 1821 г.

des Jury etc. Mais bientôt je cessai de m'occuper de politique, je fus ennuyé de m'occuper des affaires d'autrui; ma fortune étoit dérangée, je devois penser aux miennes, et je fermai Delolme⁷³), Say⁷⁴) et Sismondi⁷⁵). D'ailleurs, depuis mon mariage je m'occupe exclusivement d'histoire naturelle. Jamais Kachkine ne m'a parlé d'une société secrète. Après l'arrestation de Kolochine il m'a dit qu'il n'avoit jamais appartenu à cette société.

„Ordinairement nous nous réunissions chez Kolochine le soir; on commençoit à parler des affaires de tribunaux et dès que quatre personnes se trouvoient réunies, on se mettoit à jouer au wist jusqu'au souper. Comme je ne connois pas le wist, je me retirois souvent avant la fin de la partie. Quelquefois nous étions dans l'appartement de Kolochine pëndant que Pouchchine recevoit chez lui ses connoissances dont plusieurs n'étoient même pas connues avec Kolochine. Semenoff ne venoit presque jamais à ces soirées: il étoit trop occupé par sa place⁷⁶).

„Kachkine est connu avec Kolochine depuis fort peu de temps. J'ai appris l'événement du 14 Décembre le jour de l'arrivée du Comte Komarovsky par les bruits publics.

„Je finis par répéter que je n'ai jamais appartenu à aucune société secrète et je n'ai jamais eu connoissance d'aucune société pareille. S'il y a des personnes qui m'accusent du contraire, je supplie de me confronter avec elles.— Le Conseiller de cour Danzass peut attester la vérité de tout ce que je dis“ *).

---

*) При настоящемъ дневникѣ имѣется черновикъ отвѣта Зубкова Комитету, на русскомъ языкѣ, писанный въ крѣпости; вотъ онъ:

„На всѣ заданные мнѣ Тайнымъ Комитетомъ вопросные пункты имѣю честь объяснить слѣдующее. Я никогда ни въ какомъ тайномъ обществѣ не былъ и о существованіи такихъ обществъ извѣстенъ не былъ. Въ 1817 году Князь Ѡ. Шаховской, бывшій адъютантъ генерала Депрерадовича, а тогда служившій въ армейскомъ полку, предложилъ мнѣ вступить въ какое-то общество, коего названіе мнѣ неизвѣстно; но оно, вѣроятно,

J'avois à peine écrit cette réponse que l'officier d'artillerie vint m'apporter de la cire à cacheter et un cachet.

было литературное, по крайней мѣрѣ въ постановленіи не было ничего законопротивнаго Члены обязаны были вносить $\frac{1}{10}$ часть доходовъ, платить штрафы всякой разъ, когда не приносили какого-нибудь сочиненія или перевода. Сіи причины и отчасти лѣны побудили меня отказаться отъ вступленія въ это общество. Главное упражненіе членовъ состояло въ переводѣ хорошихъ историческихъ книгъ и въ сочиненіяхъ въ стихахъ и прозѣ. Вотъ все, что я могу припомнить объ этомъ обществѣ, которое и тогда сдѣлало на меня весьма малое впечатлѣніе. Въ 1820 году я находился въ Массонскихъ ложахъ до самаго ихъ закрытія.

Насчетъ моихъ связей съ Колошинымъ, Пушцинымъ, Семеновымъ и Кашкинымъ имѣю честь объяснить слѣдующее. Я познакомился съ Колошинымъ въ 1822 году, а подружился съ нимъ уже послѣ его женитьбы, никогда не имѣлъ съ нимъ политическаго разговора и никогда не слышалъ отъ него о тайномъ обществѣ и чтобъ былъ членомъ сего общества. Я узналъ объ этомъ послѣ его ареста. Я обыкновенно съ нимъ говорилъ объ устройствѣ нашихъ дѣлъ, о заведенной нами Справочной Конторѣ и о судебныхъ дѣлахъ. Съ Пушцинымъ я познакомился по пріѣздѣ его въ Москву. Хотя отъ него тоже не слышалъ никогда о тайномъ обществѣ и о томъ, что онъ членъ онаго, но помню, что онъ иногда говорилъ о пользѣ, могущей произойти отъ освобожденія крестьянъ, а болѣе слышалъ отъ него жалобы на наше судопроизводство. Я всегда его зналъ за человека веселаго и привыкъ слышать отъ него однѣ шутки, такъ что мнѣ обыкновенно бывало смѣшно, когда онъ говорилъ о какихъ-нибудь важныхъ предметахъ. Я увѣренъ, что онъ выѣхалъ изъ Москвы безъ всякой дурной цѣли, но что его здѣсь завели. Отъѣздъ его мнѣ совсѣмъ не показался удивительнымъ, потому что онъ всякой годъ въ это же время уѣзжалъ въ Петербургъ для свиданія съ родственниками. Мы всѣ ожидали его возвращенія, по его словамъ, къ 15 Января и собирались ѣхать къ нему на встрѣчу. — Съ Семеновымъ я знакомъ только нѣсколько мѣсяцевъ, онъ у меня былъ раза 4, а я у него — ни разу. Кажется, онъ человекъ образованный, но, впрочемъ, его мыслей не знаю. Отъ него тоже о тайномъ обществѣ ничего не слышалъ. Съ Кашкинымъ я знакомъ съ 1820 года. Онъ тогда еще занимался французскою политикою. По пріѣздѣ моемъ изъ-за границы, мы весьма часто говорили о французскомъ правленіи, о депутатахъ и проч. Но мнѣ скоро наскучило заниматься чужими дѣлами, я закрылъ Сея и Сисмонди и совершенно пересталъ заниматься политикою. Съ тѣхъ поръ почти единственное мое занятіе было — Естественная Исторія. Съ Кашкинымъ я часто говорилъ о улучшеніяхъ въ судопроизводствѣ, объ адвокатахъ, о присяжныхъ и проч., но о тайномъ обществѣ отъ него ничего не слышалъ; послѣ взытія Колошина онъ мнѣ говорилъ, что никогда ни въ какомъ обществѣ не былъ.

Мы обыкновенно сѣзжались всѣ у Колошина по вечерамъ, сперва говорили о своихъ дѣлахъ и курили трубки, но, какъ скоро сѣдуются

En écrivant, j'avois répandu de l'huile sur mon papier: il me dit que cela ne faisoit rien; ainsi je fis un paquet dans lequel je mis la réponse et les demandes et après avoir cacheté le tout et avoir mis sur l'enveloppe: „Réponse du Conseiller Honoraire Zoubkoff“, je le donnai à l'officier.

Comme je me sentois la tête embarrassée, je priai l'officier de m'envoyer le lendemain un médecin et le suppliai d'ordonner aux soldats de ne pas faire de bruit la nuit. Il les chassa tous et ne laissa que la sentinelle. Il étoit déjà près de minuit. Le lendemain matin de nouveau du thé à 9 heures et tout de suite après—la visite de l'officier.

J'avois dans le carreau d'en haut de la fenêtre un ventilateur en fer blanc à étoile tournante. Afin que l'air passât mieux, je cassai cette étoile et m'amusai à faire avec les rayons différents dessins en les mettant les uns à côté des autres. Je résolus de les employer à marquer le nombre de jours que je serais à la forteresse. Au commencement de chaque journée j'en enfonçais un dans une fente de la cloison; il y avoit en tout 23 rayons; j'espérois qu'ils me suffiroient. Je pensois continuellement à l'effet que produiroit ma réponse et je me décidai à envoyer encore un supplément. J'envoyai chercher du papier et le soir je remis à l'officier d'artillerie un supplément ainsi conçu.

---

4 человекъ, то сейчасъ садутъ играть въ вистъ; я въ вистъ не играю, а потому очень часто, не дожидаясь ужина, уѣзжалъ домой. Пущинъ иногда въ это время принималъ у себя своихъ знакомыхъ, которые, сколько я могъ замѣтить, къ Колошину никогда не ходили. Семеновъ почти никогда не бывалъ на этихъ вечерахъ: онъ всегда занимался службою. Кашкинъ познакомился съ Колошинымъ очень недавно. О происшествіи 14 Декабря я узналъ въ залѣ Благороднаго Собранія по городскимъ слухамъ, въ день выборовъ, послѣ приѣзда генераль-адъютанта.

Имѣю честь повторить, что я никогда ни въ какомъ тайномъ обществѣ членомъ не былъ, ни о существованіи такого общества извѣстенъ не былъ. Буде есть противу меня показанія, то прошу дать мнѣ съ моими обвинителями очныя ставки. Во всемъ вышеписанномъ ссылаюсь на находящагося здѣсь надв. сов. Данзаса.

„Je trouve nécessaire d'ajouter à ma réponse d'hier, que quelques membres de la société secrète ont pu me regarder comme faisant partie de leur société parceque quand je suis revenu de l'étranger, je me suis occupé de politique et que mes opinions n'étoient pas aussi modérées qu'elles le sont actuellement. Mais, je le répète, depuis longtemps je ne m'occupe plus de politique. Nous ne pouvions pas ne pas être connus et liés: nous servions tous sous le même chef, nous avions tous les mêmes principes d'honneur et de probité, le même but, celui de remplir aussi bien que possible nos emplois et, grâce à Dieu, nous avons tous atteints ce but. Ces messieurs étoient si éloignés de parler politique, que plusieurs fois je leur ai reproché de ne pas causer au lieu de jouer au wist. Je n'ai jamais pensé à la libération des paysans; il n'y a pas longtemps que j'ai cherché à acheter un bien. J'avoue que lorsque j'ai appris que Pouchchine avoit été mis à la forteresse, je l'ai beaucoup plaint. J'avoue encore que lorsque nous avons appris la mort de l'Empereur Alexandre, j'ai cru aux bruits publics qui prédisaient une guerre civile.

„Je soutiens décidément que je n'ai jamais appartenu à aucune société et que jamais je ne me suis concerté avec personne pour faire des changements dans le gouvernement. Je demande une confrontation avec celui qui osera dire le contraire. Je pense que lorsque des changements sont nécessaires dans un état, ils doivent être faits par le pouvoir suprême, mais que nul autre que lui n'a le droit de les faire.

„Il est probable qu'aussitôt que j'aurai été reconnu innocent je serai libéré; mais je ne m'en contenterai pas; je prendrai la liberté de supplier Sa Majesté l'Empereur de rendre ma justification publique, afin que je puisse recouvrer l'estime de mes compatriotes, que peut-être j'ai perdu par mon emprisonnement. Je conçois que pour obtenir cette grâce,

je dois montrer mon innocence dans tout son éclat et pour y parvenir je supplie le Comité de me confronter avec Pouchchine au sujet de l'événement du 14 et avec Kolochine au sujet de la société secrète“*).

J'envoyai cette réponse au Comité par l'officier. Je me mis à marcher et à penser au plaisir et en même temps à la douleur que j'aurai de revoir Pouchchine. J'étois fermement persuadé

---

*) Вот черновикъ этого показанія по-русски:

„Въ дополненіе къ посланному мною вчерашняго числа отвѣту, имѣю честь объяснить слѣдующее. Члены тайнаго общества могли считать на меня потому, что, по приѣздѣ моемъ изъ-за границы, я занимался политикою и восхищался французскими постановленіями и краснорѣчіемъ французскихъ депутатовъ; но повторяю, что со времени моей жевидьбы я пересталъ заниматься политикою. Мы всѣ служили подъ начальствомъ Князя Голицына, занимая всѣ ровныя мѣста, имѣли одну цѣль быть честными и со всевозможной дѣятельностью исполнить нашу должность и въ этомъ смыслѣ успѣли. Главными нашими разговорами были наши судебныя дѣла. Столъ постоянно по вечерамъ играли въ вистъ, что я даже, помню, у себя запретилъ игру въ карты, утверждая, что люди образованные могутъ найти другое занятіе. На всѣхъ ссылаюсь въ томъ, что я никогда не желалъ освобожденія крестьянъ: доказательствомъ къ тому можетъ служить то, что я еще недавно искалъ случая купить имѣніе [„и даже торговалъ деревню генерала Чичерина“ — подл. показ., л. 6 об.]. Признаюсь, что я очень жалѣлъ о Пущинѣ, когда узналъ, что онъ посаженъ въ крѣпость. Я вѣрилъ глупымъ слухамъ о могущей произойти междоусобной войнѣ послѣ кончины Императора Александра Павловича. Рѣшительно повторяю, что я никогда ни въ какомъ тайномъ обществѣ не былъ, о существованіи тайнаго общества никогда извѣстенъ не былъ и никогда ни съ кѣмъ не сговаривался перемѣнить образъ правленія въ Россіи. Пускай найдется человекъ, который покажетъ противное. Я полагаю, что ежели какія перемѣны могутъ быть полезны въ государствѣ, то ихъ должно ожидать отъ Верховной Власти, но что никто, кромѣ нея, не въ правѣ ихъ дѣлать.

За моимъ оправданіемъ послѣдуетъ, вѣроятно, мое освобожденіе, но этого для меня не достаточно: я осмѣлюсь всеподданнѣйше просить Государя Императора о томъ, чтобы сдѣлать мое оправданіе гласнымъ, дабы возвратитъ мнѣ уваженіе моихъ соотечественниковъ, моимъ заключеніемъ, можетъ быть, потерянное. Я чувствую, что, дабы сдѣлаться достойнымъ такой милости, я долженъ совершенно быть оправденъ, а для сего вижу одно средство—очныя ставки, почему осмѣливаюсь настоятельно просить Тайный Комитетъ дать мнѣ очныя ставки съ Пущиннымъ и Колошиннымъ“.

que personne ne m'avoit dénoncé, car qui de ces messieurs auroit voulu devenir un lâche calomniateur et à quel but? Je commençai à m'ennuyer horriblement; on a bientôt épuisé tous les genres de distractions quand on est en prison, sans livres, sans pipe, enfin sans aucune espèce d'occupation. La lampe répand une odeur détestable; fort heureusement on a une chandelle pour deux jours, ensorte que la lampe ne brûle que la nuit et elle doit être allumée la nuit; si elle s'éteint, la sentinelle doit la rallumer; mais ordinairement la sentinelle s'endort. J'avois partagé la mèche en filets très minces dont un seul étoit allumé, ensorte que je me débarrassai de l'odeur que produisait la grosse mèche. Rien de plus lugubre que le carillon de la grande horloge de l'église; il dure au moins 5 minutes à chaque heure! J'avois pour chauffer ma cazematte un conduit de chaleur en fer qui la traversoit en long et aboutissoit dans la chambre d'entrée à un poêle en fer de fonte. Toutes les fois qu'on chauffoit il y avoit de la fumée et la chaleur étoit effroyable. Une heure après il faisoit froid à cause de l'humidité de la voûte. Je ne me déshabillai jamais pour dormir car je n'avois pas de couverture et le drap de lit étoit trop sale *).

Le jour suivant, le 14, je reçus la visite du Major de Place et d'un médecin qui promit de m'envoyer une mixture pour la bile et du salep. La Major de Place me dit en me quittant qu'il espéroit que le soir je serais libéré. Je n'en pouvois plus de joie et cependant cette nouvelle m'a fait un grand mal, car depuis ce moment toutes les fois que quelqu'un entroit dans la grande chambre, ou qu'on ouvroit ma porte,

---

*) Outre les habits que j'avois sur moi, j'avois la pelisse d'ours de Tcherkasky et mes bottes chaudes. J'étendois la pelisse sur le lit et je dormois dessus, en faisant avec mes bottes chaudes et mon bonnet une espèce de coussin. J'avois deux mouchoirs de poche, qui au bout de 4 jours devinrent si sales que je fus ensuite obligé de me moucher avec les doigts.

je croyois qu'on venoit pour me libérer et toujours j'étois trompé. Je ne puis dire la sensation que j'éprouvois chaque fois. Lorsque les sentinelles se relevoient, la nouvelle venoit toujours examiner l'état dans lequel se trouvoit le cadenas de la porte, et je croyois que la porte alloit s'ouvrir et qu'on me relâcherait.

Le 15 je fus presque au désespoir à cause de l'ennui: je crois que ma maladie entroit pour beaucoup dans ma position morale. J'allai jusqu'à me donner de la tête contre la voûte; heureusement je ne me fis pas de mal. On m'apporta du salep et ma médecine; on m'en donna une cuillerée et le bas officier la remporta en me disant qu'il étoit défendu de laisser chez moi toute la fiole, mais que toutes les 2 heures il viendrait me l'apporter. Je ne l'ai plus revue depuis*). Le médecin m'avoit prescrit un bouillon aulieu du manger ordinaire, mais je ne pus obtenir qu'une soupe au poisson assez bonne, mais qui me fit encore plus de mal à cause de la grande quantité de poivre qu'on y avoit mis.

En regardant par la fenêtre, je reconnus dans la cour le Obergutenfervalter Daniloff ⁷⁸⁾ avec lequel j'avois fait une enquête en 1823 à Moscou et qui étoit venu diner chez moi. Outre les rayons en fer blanc que je fichois dans le mur, je fis des boulettes de pain noir, avec lesquelles je marquois aussi les journées. J'en mis 30, l'une au dessous de l'autre, en les écrasant contre la cloison. J'étois décidé, si après 30 jours le Comité ne me faisait aucune réponse, à écrire à l'Empereur et à le supplier d'ordonner de hâter mon jugement.

---

*) Si j'étois tombé malade plus sérieusement, j'aurais été transféré dans un hôpital. J'ai vu Fournier ⁷⁷⁾ qui y a été et qui en fait le plus grand éloge. J'ai appris depuis que M. Fon Viesen avoit fait deux maladies au cachôt. Cela peut-il être vrai? je le demande.—Le Major de Place, voyant ma prison remplie de fumée ordonna de laisser pendant quelque temps la porte ouverte. C'est une drôle de sensation que celle qu'on éprouve dans une prison dont la porte est ouverte et dont on ne peut cependant pas sortir.

J'aurois consenti alors à être fastigé, à être dégradé, pourvu qu'on me rendit la liberté. Les inventeurs de la potence et de la décapitation sont des bienfaiteurs de l'humanité; celui qui a inventé le secret est un infâme scélérat; ce n'est pas une punition corporelle, — c'est une punition morale. Ceux qui n'ont jamais été mis au secret ne peuvent pas comprendre ce que c'est. Et encore je voyois du monde dans la cour, le soir j'avois de la lumière... Dans cette même forteresse la plupart des fenêtres sont peintes avec de la croie à l'extérieur, excepté les deux carreaux du haut. Il y a encore des sacs (мѣшки); ce sont des trous carrés qui sont si étroits et si peu profonds qu'on ne peut y rester ni debout, ni couché. Ce trou est fermé par une dalle avec un trou pour donner passage à l'air, et on n'y voit goutte. Je priois Dieu souvent et c'est la seule consolation qu'on puisse trouver. Après chaque prière j'étois beaucoup plus tranquille et je puisois un nouveau courage. Je pensois encore qu'on feroit peut être chercher le Prince Théodore Chakofskoye pour lui demander s'il étoit vrai que je n'aye pas voulu entrer dans sa société; cela m'embarrassoit et je calculois qu'avant quinze jours il ne pourroit pas être arrivé. A minuit le bas-officier de service visitoit les serrures et emportoit les clefs qu'il remettoit au Major de Place. Si le feu avoit pris au bâtiment dans lequel j'étois, j'aurois été grillé avant qu'on ait eu le temps d'apporter les clefs: aussi défendis-je aux soldats de faire du feu pendant la nuit. On rapportoit les clefs à 8 heures de matin. Les soldats qui apportent les repas sont extrêmement silencieux: on ne peut en tirer une parole; une seule fois l'un d'eux m'a dit qu'à côté de la grande chambre à gauche il y avoit un corridor dans lequel il y a plusieurs cazemattes pleines de monde et que dans l'une il y a 3 frères.

On ne donne ni fourchette, ni couteau, mais une cuillère de bois: la mienne n'étoit qu'une moitié de cuillère fort sale, avec laquelle j'avois toutes les peines du monde à pêcher

le peu de viande qu'il y avoit dans la soupe. Je suis assuré que le gouvernement paye beaucoup pour l'entretien des prisonniers, mais des misérables ne manquent pas de mettre une partie de l'argent dans leurs poches. Quelquefois j'avois si faim, que je prenois un peu de pain sec chez les soldats et je le mangeois avec beaucoup d'appétit. Mon linge étoit d'une saleté affreuse; j'aurois donné mes 100 Roubles pour un peu de tabac et une pipe. Je me décidai à écrire au Général Levacheff. Je le priai d'ordonner de me restituer mon portemanteau afin que je puisse changer de linge, — chose indispensable pour un malade; d'ailleurs, lui écrivois-je, dans ce portemanteau se trouvent des poudres que je prenois encore le jour où j'ai été saisi et qui sont indispensables pour ma maladie. Quelques jours après un aide-de-camp de place me rapporta ma lettre et me montra quelques lignes écrites dessus avec un crayon par le Général: il disoit que Sa Majesté avoit permis de me faire restituer mon portemanteau. Cependant je ne l'ai eu qu'après mon élargissement. Je suis resté au cachot pendant 9 jours avec le même linge; au bout de ce temps je me suis décidé à demander du linge destiné aux prisonniers. On m'apporta une chemise et un caleçon humides que je conserve encore. On avoit oublié de m'enlever l'écritoire et la plume; le soir je m'amusai à barbouiller sur un petit morceau de papier qui étoit resté de la feuille avec laquelle j'avois fait un paquet pour la lettre du Général Levacheff, mais l'officier d'artillerie m'ôtâ tout et me dit que cela étoit défendu. J'avois réservé deux des rayons en fer blanc pour moucher ma chandelle, mais les ayant aperçu, il les emporta, craignant probablement que je ne m'en servisse pour me couper la gorge. C'étoit aussi un homme très discret; je n'ai pu jamais rien apprendre de lui: il ne vouloit même pas causer, il se contentoit de parler un peu du beau temps et de la pluie. En prenant le thé je mettois de côté chaque fois un petit morceau de sucre pour avoir de

quoi faire passer le goût du dîner et ce sucre avec une tasse d'eau étoit délicieux. Mon lit avoit été premièrement placé contre la voûte, mais comme je craignois l'humidité, je le plaçai contre la cloison. Un invalide qui chauffoit le poêle m'apporta une planche de la même épaisseur que l'une de celles sur lesquelles reposoit mon matelas ensorte que je fus un peu mieux couché.

Le 15 au soir le Major de Place vint dans la grande chambre et ordonna de nettoyer la cazematte qui étoit vis-à-vis la mienne, celle où se trouvoit le grand poêle, et une autre séparée de la mienne par la cloison, contre laquelle étoit mon lit; je devinai qu'on alloit me donner des compagnons. En effet, une heure après il revint; j'entendis beaucoup de bruit, on entra dans la cazematte vis-à-vis la mienne et bientôt on tira les verroux et le Major de Place s'en alla. J'ai oublié de dire que dans la porte de chaque cachot se trouve un petit trou carré avec une vitre afin que la sentinelle puisse voir ce que fait le prisonnier. Ordinairement il y a un morceau de toile derrière ce verre ensorte que le détenu ne voit rien à travers; il n'y en avoit pas au trou de ma porte. Le prisonnier nouvellement arrivé en passant par la grande chambre avoit probablement vu de la lumière chez moi, car après quelques instants de silence il me dit d'une voix très forte et très dure: „Il faut absolument que nous nous parlions en françois“. Je lui répondis que oui et lui demandai son nom.

„Je suis, me dit-il, Jakoubowitch⁷⁹⁾, capitaine des chasseurs; je suis aux fers (et il secoua terriblement ses chaînes) et bientôt je serai décapité“.

Qu'on se figure ma terreur. Il me demanda qui j'étois. Je lui dis mon nom, il me dit qu'il ne me connoissoit pas (не разслыхалъ).

— Je consens, lui dis-je, à causer, mais ne parlons pas, -chantons!

Et depuis nous nous sommes toujours expliqués ainsi. Comme il est un peu sourd d'oreille, j'étois obligé de crier pour me faire entendre, aussi parlai-je très peu et pour éviter toutes ses questions je lui dis que depuis longtemps avant mon départ j'étois malade et que par conséquent je ne savois pas tout ce qui s'étoit dit et fait depuis le 14. Il finit par entendre mon nom, se rappeler qu'il avoit passé une soirée avec moi chez Netchaëff⁸⁰). Il m'engagea à ne rien cacher en disant que le Comité sait tout. Il prétend que c'est pour n'avoir pas tout avoué qu'on l'a mis aux fers, qu' Alexandre Bestougeff⁸⁰) l'a dénoncé comme ayant eu le projet d'assassiner le défunt Empereur. Avant son arrivée à St.-Pétersbourg il n'a appartenu, dit-il, à aucune société. Là étant allé un jour se promener avec Bestougeff et parlant du gouvernement, celui-ci lui confia qu'ils avoient une société dont le but étoit de changer la forme du gouvernement, et lui proposa d'en être. Il y consentit, et ce fut alors qu'il dit à Bestougeff en l'air à ce qu'il prétend, que depuis longtemps il vouloit assassiner l'Empereur Alexandre. Il me conta que le 13*) les conspirateurs lui ont dit que plus de 9000 hommes seroient à leurs ordres et que Troubetzkoye⁸¹) assura que toute la 2-de armée se révolteroit, qu'enfin on le pria de commander deux régiments, mais que le 14 étant venu dans ces régiments et ayant vu que les officiers ne vouloient pas lui obéir et vouloient du sang, il se retira et se rendit auprès de l'Empereur. Tout ce récit est, je crois, faux, au moins cet homme s'est conduit le 14 comme un misérable. Il m'a fait le plus grand éloge du Grand Duc Michel, disant que c'étoit lui qui d'un mauvais cachot l'avoit fait transférer dans cette cazemate. Il me dit que dans le Comité derrière un paravant que j'ai en effet remarqué se trouve un sténographe qui écrit ce que vous dites, afin de

---

*) г. е. наванунъ возстанія. Б. М.

comparer vos paroles avec la réponse que vous envoyez par écrit.

Ses fers consistent en deux bracelets en fer unis par une barre de fer. Il dit que ces bracelets lui ont rongé la chair; je ne le crois pas, car je suis sûr qu'on les lui auroit ôtés. Un soldat lui a dit que plusieurs personnes avoient des fers aux pieds. Il prétend qu'on l'a beaucoup questionné au sujet d'une soit disante société en Georgie et m'a juré qu'il n'y en avoit pas. *) Ce qui a pu le faire penser e'est que l'année dernière, pendant qu'il se trouvoit aux eaux du Caucase, le Prince Buchna Volkonsky ⁸²⁾ y vint aussi et l'engagea à entrer dans sa société. Ne voulant pas faire partie d'une société où se trouvoit un tel imbécile, il lui dit, pour se débarrasser de lui, qu'ils avoient une société en Georgie, et il prétend que Buchna a dit cela dans sa déposition ⁸³⁾.

Je crois qu'il a encore quelque espoir de ne pas être mis à mort, car il me dit qu'il craignoit beaucoup qu'on ne l'envoyât aux mines. Il souhaiteroit être fait soldat, afin, dit-il, de trouver la mort dans une bataille. Enfin il désireroit que l'Empereur les envoyât tous avec les soldats qui se sont révoltés au Caucase, pour s'emparer de Chiva. Quelquefois il étoit assez gai; je l'ai entendu se moucher souvent, - probablement il pleuroit. Toutes les fois que ses fers faisoient du bruit, je tressaillois. Il me pria de dire au Sénateur Kouchnikoff ⁸⁴⁾ et à Denis Davidoff ⁸⁵⁾ qu'il mouroit comme un vrai Russe pour sa patrie et pour sa liberté. Un jour on lui apporta l'Evangile en français: il avoit demandé un livre à lire. Il me dit qu'il trouvoit là de grandes consolations. Quelque temps avant le 14 il faisoit l'athée ou l'étoit. Il me dit après une lecture que c'étoit l'amour propre et l'ambi-

---

*) Le compagnon d'infortune qu'on nous donna, comme on le verra, quelques jours après, m'a dit qu'il savoit qu'il existoit une société au Caucase. Voilà comme ces messieurs étoient au point de tout! Impayable!!

tion qui l'avoient perdu, qu'il espéroit le 14 dicter des lois au Sénat avec la pointe de son sabre. Il n'étoit fâché contre le défunt Empereur que parcequ'on l'avoit chassé des gardes.

„Eh bien, dit-il, figurez vous que j'ai appris ici que l'Empereur Alexandre avoit déjà donné l'ordre de me passer de nouveau avec le rang que j'ai aux lanciers de la garde. J'aurois été capitaine aux gardes à 30 ans; mon père⁸⁶) venoit de me donner 400 paysans; aimé, considéré de tout le monde, n'aurois-je pas été heureux et actuellement... je suis obligé de faire ma cour au bas-officier Gorbounoff (c'est celui qui envoie à manger), je suis dans les fers!“

Ces regrets me firent plaindre ce malheureux et en effet, comme il paroît, que c'est l'amour propre qui l'a perdu, si au lieu d'être à l'armée il avoit été aux gardes il n'auroit pas trempé dans la conspiration. Il me dit qu'il avoit eu auprès de lui le fils de sa nourrice, qu'il aimoit beaucoup et qui lui étoit très attaché. Que le 13 au soir revenant de chez Riléeff⁸⁷) où tout avoit été arrangé pour le lendemain, cet enfant se jeta en pleurant à ses pieds, et comme il lui demanda ce qu'il avoit, il lui raconta un songe qu'il venoit d'avoir eu, dans lequel il l'avoit vu tout couvert de sang, ce qui lui avoit causé tant d'effroi, qu'il s'étoit réveillé; c'étoit au moment que lui, Jakoubowitch, rentroit. Il m'a dit qu'en prison il avoit écrit une lettre à l'Empereur Nicolas dans laquelle il lui dépeignoit tous les abus qui se commettent en Russie.

Jakoubowitch m'a dit qu'on l'avoit beaucoup interrogé au sujet de Yermoloff⁸⁸), que ce général lui avoit écrit plusieurs lettres dans lesquelles il se moquoit des allemands; que ces lettres étoient entre les mains des membres du Comité et que c'étoit peut être une des raisons pour lesquelles on avoit tant d'acharnement contre lui. Il m'a assuré qu'on l'avoit torturé deux fois: la première fois on lui donna fort peu à manger pendant deux jours et le soir du second

on lui apporta à manger du jambon et de la viande salée, et toute la journée suivante il n'eut pas une goutte d'eau à boire. Comme c'est un infâme fanfaron, je suis sûr que tout cela sont des mensonges. D'ailleurs le gouvernement est trop humain et trop noble pour recourir à de pareils moyens. C'est pour se rendre intéressant qu'il m'a conté cela⁸⁸).

Ce n'est pas en un seul jour que Jakoubowitch m'a dit tout cela: c'est pendant tout le temps que j'ai été détenu, car nous ne nous parlions que lorsque la sentinelle étoit seule; dès que quelqu'un entroit, nous nous taisions et il y a des jours où nous ne nous sommes dit que deux ou trois phrases.

Le 17 au soir on amena un autre prisonnier qui fut placé dans la cazemate à côté de la mienne, mais il nous fut impossible de lui arracher une parole; enfin le 18 au soir il me pria en françois de demander je ne sais plus quoi à Jakoubowitch. Je lui demandai d'abord d'où il étoit, il me dit qu'il venoit de Toulchine et qu'il étoit aide-de-camp. Comme j'avois rémarqué qu'il étoit bègue, je devinai de suite que c'étoit le Prince Bariatensky⁸⁹). Nous fîmes les mêmes conventions avec lui que j'avois faites avec Jakoubowitch. Ce dernier perdit beaucoup à cette arrivée, car comme nous pouvions avec Bariatensky nous entendre sans crier trop fort, nous ne parlâmes plus que rarement avec lui. D'ailleurs vers les derniers jours il n'entendoit presque rien: il dit que c'étoit parceque sa blessure le faisait souffrir.

Bariatensky me dit qu'il étoit l'ami de Pestel⁹⁰), qu'il avoit été dans la société et qu'ils avoient eu un projet en l'air d'enlever le défunt Empereur. Il me dit que le Gouvernement savoit tout. Tant que je me suis trouvé là, on ne l'a pas conduit au Comité. Il s'attend à être puni fortement; il plaint beaucoup son vieux père⁹¹). Il m'a foit souvent rire par ses saillies. Je lui disois, ou plutôt je lui

chantois que cette affaire durerait encore longtemps et que je ne serois probablement pas élargi avant la fin... „du monde“, me répondit il. Cela me fit beaucoup rire. Je lui dis qu'on nous avoit fait passer par l'alambic avant de nous mettre ici, faisant allusions aux différents endroits où on nous avoit mis avant de nous enfermer dans la forteresse.

„Oui, me dit-il, avec cette différence que l'eau-de-vie quand elle passe par l'alambic devient plus forte et que nous, nous devenons plus faibles de jour en jour“.

Un jour il pria Jakoubowitch de lui raconter les événements du 14. Celui-ci commença à chanter, mais peu-à-peu il finit tout bonnement par parler en criant et il disoit: „Les uns criaient „Ура! Константинъ!“ Je fus obligé de l'interrompre et de le supplier de recommencer à chanter et de ne pas prononcer des mots russes. Il rit beaucoup de ma peur. Pour éviter autant que possible de dire des mots inutiles, nous réglâmes que toutes les fois qu'on n'entendrait pas la personne qui parleroit, pour la foire répéter, on donneroit deux coups avec le doigt. Pour dire *oui*, il falloit éternuer, pour dire *non* — tousser. Comme je me tenois souvent à la fenêtre, je pouvois voir arriver l'officier ou le Major de Place, d'ailleurs j'étois à côté de la porte; ainsi c'étoit moi qui imposois silence, je disois *Silenzio* sur l'air „*Doctor Bartolo*“. A l'instant tout rentroit dans le silence. Pour écarter tout soupçon, nous chantions quelquefois des airs russes *).

---

*) Je n'ai parlé de ma conversation avec ces messieurs qu'à... qui a eu l'imprudence de le raconter je ne sais à qui, ensorte que plusieurs personnes l'ont su à Pétersbourg. Heureusement cela ne s'est pas trop répandu et à l'arrivée du corps du défunt Empereur on n'en a plus parlé. On m'a cependant rapporté que quelqu'un avoit dit qu'il n'étoit pas étonnant que j'aie été si tôt libéré, qu'on m'avoit exprès mis à côté de ces messieurs pour leur tirer les vers du nez et que grâce au rôle d'espion que j'avois joué j'avois recouvré ma liberté!!

Lorsqu'on chauffoit ma chambre, je ne voyois rien par la fenêtre, les vitres du dehors étant couvertes d'humidité. Je cassai un petit coin d'un carreau intérieur et à l'aide d'une plume sur laquelle j'entortillois mon mouchoir, je nettoyois la vitre extérieure, ensorte que les derniers jours je pouvois toujours voir ce qui se passoit dans la cour.

Depuis que j'avois deux voisins je m'ennuyois un peu moins: je n'étois plus absolument au secret. Nous nous parlions, il est vrai, rarement, mais au moins je sentois près de moi des êtres comme moi. La cloison qui me séparoit de Bariatensky étoit très épaisse et pas une fente pour se parler à voix basse *).

Ordinairement le matin nous nous souhaitions tous le bonjour et chaque fois qu'il s'agissoit de chauffer, comme c'étoit le même poêle qui chauffoit les trois cazemattes, chacun renvoyoit l'invalidé à ses compagnons pour savoir s'ils désiroient qu'on chauffât. Nous riions beaucoup de ces politesses. Le cachot de Jakoubowitch donnoit sur la Néva, mais comme le grillage est très serré, il voyoit mal. Il avoit un talent particulier pour tirer les vers du nez aux soldats. Il parloit fort souvent avec la sentinelle; mais jamais nous n'avons appris rien d'intéressant. Son manger étoit absolument le même que le nôtre. Il avoit l'habillement de la couronne, consistant en un surtout de drap et des souliers sans bas. Pour le faire aller au Comité, on lui

---

*) Nous essayâmes pourtant de nous parler en appliquant nos bouches contre la cloison et nous pouvions nous entendre en parlant à voix basse. Cependant comme nous craignons d'être entendus par la sentinelle nous renonçâmes à ce procédé et continuâmes à chanter. A force de regarder nous nous aperçûmes que le mur de pierre n'adhéroit pas parfaitement à la cloison, mais cette fente n'avoit pas plus d'une ligne de large. Bariatensky essaya vainement de me passer par cette fente la lettre de son père et une lettre qu'il venoit d'écrire à Levacheff; comme il avoit plié le papier par la diagonale et que je n'en vis pas le bout quoiqu'il le glissa en entier, nous jugeâmes que la cloison étoit très épaisse.

avoit toujours mis son uniforme. Il s'étoit procuré un petit miroir. Il nous dit qu'il avoit une barbe énorme et que sa figure étoit effrayante.

Un jour je vis le Major de Place s'arrêter devant ma fenêtre, car la porte d'entrée du bâtiment étoit audessous d'une fenêtre à côté de la mienne. Quelques instants après il mit dans son traîneau un officier voilé. Je crus reconnoître Michel Narichkine⁸⁾ et je restai plus d'une heure pour le voir revenir. Ce personnage fut ramené par un aide-de-camp de place; il ôta son voile et je vis un officier d'armée que je ne connois pas. Souvent en regardant par mon petit trou je voyois les soldats du corps de garde au fond de la place se mettre sous les armes; cela signifioit que le Major de Place passoit, en effet je le vis plusieurs fois avec des détenus voilés dans son traîneau.

Malgré la petite distraction que me causoient mes voisins, je m'ennuyois à mourir. L'attente continuelle de ma libération me minoit, pour ainsi dire. La saleté de mon linge me causoit une demangeaison qui m'empêchoit de me rendormir, si je m'éveillois pendant la nuit; d'ailleurs les soldats faisoient toujours beaucoup de tapage. Depuis quelques jours je ne voyois plus le Major de Place; je pensai que ce qu'il m'avoit dit au sujet de mon élargissement étoit simplement une phrase de consolation. Je lui écrivis pour le prier d'ordonner de me faire rendre mon linge. Il me promit que bientôt je l'aurois. Après diner nous marchions ordinairement avec Bariatensky pendant une heure. J'avois fait des boulettes avec du pain et chaque fois que j'arrivois à la fenêtre j'en jetai une dans ma tasse. Notre promenade finie je comptois les boulettes et comme nos cazemattes avoient 6 pas de long, nous savions, combien nous avions marché de verstes. Je m'endormois ordinairement à 8 $\frac{1}{2}$ heures, tout de suite après le souper. Le temps le plus désagréable étoit le matin depuis le moment du réveil jusqu'au

thé et l'après-dîner jusqu'à ce qu'on donnât de la lumière. Comme je croyois être relâché le soir et que le Comité se rassemble à 7 heures, depuis le thé jusqu'à ce que je fus endormi, chaque bruit me faisoit tressaillir. Je ne puis pas rendre tout le mal que me faisoit cette sensation. Je crois que la faiblesse de mes nerfs m'a fait souffrir plus que d'autres.

Le dimanche on ajoute un plat au dîner: ce sont de petits morceaux de boeuf grillé.

Le 20 un barbier vint me raser. Je crus d'abord que c'étoit un bon signe, mais il me dit que depuis 5 heures du matin il faisoit la barbe aux détenus. Bariatensky fut rasé aussi. Je ne savois pas si on avoit rasé Jakoubowitch; j'eus l'imprudence de le lui demander.

„Non, me répondit-il, on ne rase pas ceux qu'on a condamné à mort!“

Je vois que ma question lui avoit fait beaucoup de peine.

J'aurois donné bien cher pour savoir ce qui se passoit avec Danzass¹¹); je n'étois pas sûr qu'il fût à la forteresse, je le pensois cependant, car je n'étois pas plus coupable que lui. Si j'avois su dans quelle position il se trouvoit, je me serois toujours attendu à la même chose, soit que cette position fut meilleure ou plus mauvaise que la mienne. Un jour je me hasardai de parler de lui à l'officier d'artillerie, mais il me dit qu'il étoit étonné de ma question, qu'ayant servi moi-même je devois connoître le service et que son devoir étoit non seulement de ne me donner aucunes nouvelles de qui que ce soit, mais même d'ignorer mon nom. Je ne savois trop à qui je ferois mieux d'écrire—à l'Empereur, au Grand Duc ou au Comité pour hâter mon jugement, dans tous les cas j'étois décidé à le faire, si un mois se passoit sans qu'on m'ait déclaré si j'étois reconnu coupable ou innocent*).

---

*) Le cinquième jour de ma détention je suppliai un invalide qui chauffoit notre poêle et qui venoit le matin balayer ma cazematte de me procurer

Le 22 je résolus d'écrire à Moscou; je demandai du papier et j'écrivis deux lettres—à ma mère et à ma femme. Je voulus les envoyer le lendemain. J'écrivais lentement, pour que cette occupation durât plus longtemps. Depuis 3 jours j'avois très bon appétit et j'avois fini par trouver bon jusqu'au gruyau avec le beurre rance. Comme j'avois été trompé bien des fois par l'espoir d'être libéré, les entrées dans la grande chambre et l'ouverture de la mienne ne me causoient plus le même sentiment pénible d'attente qu'autrefois.

Le 22 au soir après mon souper j'ôtai mes bottes et mon pantalon pour la nuit. Je faisais cela depuis quelques jours. Comme il m'est fort souvent arrivé le contraire de ce que je pensois, j'avoue que quelquefois, quand j'ai envie d'une chose, quand j'espère quelque chose, je me dis à moi-même le contraire en espérant qu'elle arrivera. Par exemple, quand je pensois rester 30 jours au moins à la forteresse, je me le disois à moi-même, mais j'espérois que le contraire arriveroit. C'est fort plaisant de chercher à se tromper ainsi soi-même. Ainsi quand je me déshabillois en me couchant, c'est comme si je me disois: „il est sûr qu'aujourd'hui le Major de Place ne viendra plus me libérer, car il est 8 heures et la fois qu'il m'a conduit au Comité il est venu me prendre à 7 heures; ainsi je puis me déshabiller“, et, en même temps, j'espérois que ce seroit peut-être précisément ce jour-là que je serais libéré. Le 22 je ne sais comment, je m'endormis à 10 heures et j'étois fermement persuadé que le Major de Place ne viendrait plus. A 11 heures je fus réveillé par le tapage des soldats et comme je leurs dis qu'ils me fissent le plaisir de parler un peu plus bas, ils me parlèrent très grossièrement et firent plus de bruit que jamais. Une demi-heure après je les entendis se lever avec

---

un peu de savon. Je lui promis de le récompenser, quand je serois libéré; il m'apporta un petit morceau de savon et j'eus le plaisir de me dégraisser. Je n'ai plus revu ce brave homme.

précipitation et j'entendis la voix du Major de Place. Il ouvrit mon cachot et me pria de le suivre.

„Oui, lui dis-je, dans quelque cachot plus mauvais que celui-là, — et pourquoi, s'il vous plaît?

— Non, me répondit-il, Vous êtes libre, venez entendre cela dans le Comité.

Vite je m'habillai et sans pouvoir dire adieu à mes compagnons, qui dormoient, je le suivis, déjà sans voile. En entrant dans la grande salle de la maison du commandant deux aides-de-camp — celui du ministre de la guerre M-r Sabouoff⁹³), et celui du Grand Duc-M-r Ouchakoff⁹⁴)—me félicitèrent avec ma liberté. Le premier s'étoit beaucoup intéressé à mon sort. Un moment après je vis sortir du Comité, l'un après l'autre, voilés, Alexandre Bestougeff, très bien mis en uniforme, mais sans épaulettes, Pouchchine le Pionnier⁹⁶) et le colonel des ponts et chaussées Batenkoff⁹⁷), en épaulettes tous les deux. Le commandant⁹⁸) me félicita aussi; il a l'air d'un bien digne homme; il me dit que je n'aurois pas ce soir mon attestat et qu'ainsi je devrois encore coucher à la forteresse; il m'offrit une chambre chez lui et me demanda si je voulois souper. Je lui répondis que ne m'attendant pas à être libéré j'avois eu la sottise de souper dans ma cazematte. Quelques moments après le Général Potapoff⁹⁵) vint me demander des nouvelles de ma soeur⁹⁸). Enfin un aide-de-camp de l'Empereur me pria d'entrer dans le Comité. Là je trouvois le Grand Duc⁹⁹) debout avec les autres membres derrière lui. Son Altesse Impériale me dit que le Comité ayant reconnu que non seulement je n'avois jamais appartenu à aucune société secrète, mais que même je n'avois eu connoissance d'aucune société pareille, en avoit fait son rapport à l'Empereur, qui avoit ordonné de m'élargir. Il m'engagea à vouer ma vie au service de Sa Majesté. Je lui répondis que c'étoit mon intention. Il me dit que comme on devoit apposer à mon attestat de cachet de l'Empereur, je ne pour-

rois pas l'obtenir ce soir, mais que je l'aurois le lendemain matin, — et il ordonna de me le faire voir. Je lui fis un grand salut et m'en allois dans la chambre que le commandant m'avoit fait donner *). Là on avoit mis un drap de lit et des coussins sur un excellent divan. Enfin on eut pour moi toutes les attentions possibles. J'eus de la peine à m'endormir, tant j'étois bouleversé; je ne dormis cette nuit que deux heures. Le lendemain matin — politesse sur politesse: thé, café, déjeuner et la visite d'un aide-de-camp de place pour savoir, comment je me portois et si j'étois bien servi. J'avoue que dans ma cazemate j'étois tellement habitué à regarder tout le monde au-dessus de moi et à n'entendre que des bruits de soldats, que j'étois confus des politesses du domestique qui me servoit.

Enfin à 11 heures j'allai dans la grande salle. Là je trouvois un Comte Boulgari¹⁰¹⁾ saisi à Karkoff. Il avoit la permission de sortir le jour, mais devoit coucher à l'hôpital où on l'avoit fait transférer de sa cazemate comme malade. Il m'a paru avoir tout l'air d'un mouchard. On m'assura que probablement je n'aurais mon attestat que le soir. Je suppliai le chef de la chancellerie Borovkoff¹⁰²⁾ d'ordonner de me rendre mes effets, car je pouvois sortir de la forteresse et je brûlois d'envie de me laver et de m'habiller proprement. On me donna un employé du Commissariat, avec lequel nous allâmes au Commissariat. Là il me rendit tous mes effets et mon argent sous quittance. J'y ai vu une caisse pleine de bijoux et 70000 ass. appartenant aux détenus. Il me dit qu'il y avoit plus que cela d'argent, mais qu'on l'avoit mis au

---

*) Voilà exactement tout ce qui s'est passé entre nous deux. Eh bien Monseigneur a dit au Prince Dmitri¹⁰⁰⁾ qu'il avoit été fort mécontent de moi, que j'avois reçu mon attestat avec un air impertinent et que j'avois parlé avec ironie et que j'avois paru plaisanter là-dessus! Cela a été dit 8 mois après. Je suis bien malheureux d'avoir eu des ennemis qui m'ont ainsi calomnié auprès de Monseigneur. Je jure que je ne pensois en ce moment comme actuellement qu'à continuer à servir Sa Majesté.

lombard, afin qu'on ne perdit pas les intérêts. Pendant qu'il déballoit mes effets, je fumois une pipe de son tabac. Il me parut délicieux.

De là je vins prendre une chambre chez Andrieux. Pétersbourg me paroissoit magnifique. En effet j'étois là comme transporté par une magie: j'étois entré de nuit et pendant 13 jours je n'avois vu que des prisons.

Je ne parlerai pas du plaisir que j'eus à revoir toutes mes anciennes connoissances et je fus bien sensible à l'intérêt que tous mes amis m'avoient témoigné pendant mon emprisonnement.

Samedi soir j'allois à la forteresse, où on me donna mon attestat*). Je me reposai le dimanche et je trouvai une occasion pour Moscou: un M-r Jakovleff partoît le surlendemain et consentoit à me prendre.

Dimanche soir j'allai chez M-me Apraxin¹⁰⁸) où je passai la soirée avec ma belle soeur Sophie¹⁰⁴) et mon excellent beau frère¹⁰⁵) qui m'a bien prouvé, combien il m'aime. Il me dit que le Prince Tcherkasky¹⁰⁶) étoit amené; je l'avois entendu dire à dîner par Tutcheff¹⁰⁷). Je me souvins de la mystification que nous lui avons faite à Moscou au sujet d'une soit disante conspiration parmi laquelle nous plaçâmes Ermoloff⁸⁸), Alexis Orloff¹⁰⁸), le Prince Menchikoff¹⁰⁹) et le Général Saratchinsky¹¹⁰); je me souvins aussi de sa poltronerie et en général de son moral. Je me montai la tête et

---

*) Къ дневнику Зубковъ приложилъ переводъ этого документа:

„Attestat. Par ordre de Sa Majesté l'Empereur le Comité chargé de découvrir la Société malintentionnée certifie que le Conseiller de la Chambre civile de Moscou Conseiller Honoraire Zoubkoff ainsi qu'il a été constaté par l'enquête non seulement n'a pas été membre de cette société, mais n'en a pas même eu connoissance. St. Pétersbourg 22 Janvier 1826. № 174. “ Далѣе - подписи военнаго министра Татищева, генераль-фельдцейхмейстера Михаила, князя Александра Голицына, генераль-адъютантовъ Голенищева-Кутузова, Бенкендорфа, Левашева и Потапова и начальника Канцеляріи Боровкова.

revenu à la maison je m'endormis avec la certitude presque d'être de nouveau arrêté.

Le lendemain matin je me lavois la figure quand un maître de police entra chez moi pour me prier de passer chez le Général-Gouverneur. Je ne doutois plus que ce ne fut pour m'arrêter encore. Je m'habillai à la hâte et nous allâmes chez le Général Koutousoff¹¹¹). Il me reçut tout de suite et me prit mon attestat, en me disant qu'on avoit omis quelque chose et que dès qu'on l'auroit corrigé on me le rendroit. Il me demanda quand et comment je comptois partir. Je lui répondis que je voulois partir le lendemain par une occasion.

„Je pense, me dit-il, que vous ne voudrez pas partir sans votre attestat, ainsi attendez encore quelques jours“.

Je m'en retournai chez moi fort peu content. Un moment après arriva mon frère¹⁰⁵) qui savoit qu'on m'avoit fait chercher, car le maître de Police étoit venu la nuit chez lui, croyant que nous logions ensemble. J'étois fermement persuadé que c'étoit la sottise et la crédulité du nouvel arrivé qui me procuroient ce nouveau désagrément. Je résolu sans attendre qu'on me mit à la forteresse d'aller dire tout au Général Levacheff⁵³). Je pris le traîneau de mon frère et j'arrivai chez le Général. Je me fis annoncer. Je ne puis exprimer dans quelle inquiétude je me trouvois. Enfin au bout d'une heure le Général sortit et s'approcha de moi. Je le priai de m'accorder un moment d'audience particulière. Il me fit de suite entrer dans sa bibliothèque; là je lui dis que j'avois une déposition à faire; alors il me conduisit dans son cabinet, s'assit et me fit asseoir à vis-à-vis de lui. Je lui dis comment on m'avoit repris mon attestat et j'ajoutai qu'ayant appris l'arrivée du Prince Tcherkasky¹⁰⁶), c'étoit à sa déposition que j'attribuois le désagrément qui m'arrivoit. Je lui dis que Tcherkasky avoit été toujours le plastron de notre société et que je lui avois persuadé un jour pour me

moquer ensuite de lui qu'il y avoit une conspiration; je me suis même permis de nommer parmi les conspirateurs des personnes dont le dévouement à l'Empereur est connu. Je voulois continuer quand le Général qui pendant tout ce temps paroissoit, pour ainsi dire, ne pas vouloir m'écouter, me dit enfin:

„Mon cher Monsieur, je veux bien croire à tout ce que vous me dites, mais le Prince Tcherkasky n'a pas parlé de cela et ce n'est pas à cause de lui qu'on vous a repris votre attestat. C'est le Prince Obolensky¹¹²⁾, qui vient de faire une déposition supplémentaire dans laquelle il dit que la société se partageoit en plusieurs classes, que vous avez appartenu à l'une de ces classes, celle dont faisoient partie beaucoup de gens mariés, dont le but étoit de travailler à propager les lumières. Quoique cette classe ne soit pas aussi blâmable que les autres, mais y étant vous avez dû avoir connoissance des autres et par conséquent de toute la société“.

Je lui demandai si on me mettroit encore à la forteresse; il me répondit qu'il ne le savoit pas et m'engagea à ne pas parler de cette nouvelle aventure.

J'allai de suite chez M-me Apraxine¹⁰⁸⁾, occupé de la sottise que je venois d'avoir eue de parler de Tcherkasky. Je ne doutois plus qu'outre l'accusation d'Obolensky j'aurois encore à me laver de celle de Tcherkasky qui probablement alloit être questionné sur ce que j'avois dit au Général. Heureusement M-me Apraxine m'apprit qu'on venoit de recevoir de Iermoloff le rapport qui constatoit que lui et son corps avoient prêtés serment à l'Empereur. Je pensai qu'il me seroit bien facile de faire comprendre que ce que j'avois dit à Tcherkasky étoit une mystification.

Je revins dîner à la maison. Là nous restâmes avec mon beau-frère, les coudes appuyés sur une table depuis 3 heures jusqu'à 1 heure du matin, moi—me retournant toutes les fois qu'on ouvroit ma porte ou courant à la fenêtre dès

qu'un traîneau s'arrêtoit à la porte, car je m'attendois continuellement à voir entrer un feldjäger qui me conduiroit à la forteresse. J'étois si persuadé que j'y serais mis que je fis avec mon beau-frère mes arrangements pour avoir à la forteresse quelques livres, une pipe et du tabac. Je dormis la nuit assez mal. Enfin je fus dans cette inquiétude mortelle pendant trois jours. Au bout de ce temps un officier de Police vint me prier de me rendre de suite chez le Général-Gouverneur. Je ne savois trop à quoi m'attendre. Je fus reçu de suite. Le Général Koutousoff me rendit mon attestat en disant qu'on avoit changé d'idée et qu'on ne vouloit plus rien y ajouter; il me permit de partir.

Depuis j'ai appris qu'Obolensky n'ayant pas prouvé son accusation, on n'avoit pas voulu m'arrêter plus longtemps.

Quoique je suis enfin tout-à-fait libre, je ne suis pas sans inquiétude, car qui me répond qu'une dénonciation aussi fausse que celle d'Obolensky ne soit la cause d'une troisième arrestation. Chat echaudé craint eau froide.

Il faut s'être trouvé dans la même position que moi pour concevoir ce que c'est que 12 jours de cachot; à toute autre personne mes doléances paroîtroient ridicules. J'ai envie de faire la relation de tout ce qui s'est passé depuis la mort de l'Empereur jusqu'à la fin du procès; j'attendrai pour cela cette fin.

C'est pour vous, mes chers enfants, que j'ai fait ce récit. Votre bonne mère et bonne grand-maman¹¹³) l'on lu. Lisez-le, plaignez les malheureux dont les idées fausses et exaltées ont causé la perte. Votre père a été entièrement innocent, quoi qu'on en dise dans le monde. Il a souffert uniquement à cause de ses liaisons avec quelquesunes des personnes compromises.

Примѣчанія.

1) Графъ Евграфъ Федотовичъ Комаровскій, генералъ-адъютантъ (р. 1769, ум. 1843), сенаторъ, авторъ „Записокъ“; онъ пріѣхалъ въ Москву 17-го декабря вечеромъ, съ порученіемъ привести Москву къ присягѣ в. к. Николаю Павловичу (См. Записки И. Д. Якушкина, М. 1905, стр. 74 — 75).

2) Михаилъ Федоровичъ Орловъ (р. 25-го марта 1788, ум. 19-го марта 1842 г.), генералъ-маіоръ, женатый на Екатеринѣ Николаевнѣ Раевской (р. 1797, ум. 1885 г.), воспитой Пушкинымъ. По словамъ И. Д. Якушкина, Орловъ былъ первый изъ арестованныхъ въ Москвѣ по дѣлу 14-го декабря (онъ былъ увезенъ въ Петербургъ 21-го декабря и заключенъ въ крѣпость 28-го числа); по окончаніи суда онъ былъ приговоренъ къ аресту на одинъ мѣсяцъ, къ отставкѣ отъ службы безъ права вступленія въ нее и съ приказаніемъ жить въ деревнѣ.

3) Никита Михайловичъ Муравьевъ (р. 1795, ум. 1843 г.), капитанъ Гвардейскаго Генеральнаго Штаба, отнесенъ былъ къ первому разряду государственныхъ преступниковъ, въ 1836 г. былъ освобожденъ отъ каторжныхъ работъ и поселенъ въ сел. Урикѣ, Иркутской губерніи, гдѣ и скончался.

4) Петръ Павловичъ Свиньинъ (р. 14-го февраля 1801, ум. въ Москвѣ 16-го апрѣля 1882 г.) въ 1825 году былъ поручикомъ Кавалергардскаго полка; въ „Алфавитѣ“ декабристовъ о немъ записано: „Принять въ Сѣверное Общество въ 1825 году. Зналъ только то, что цѣль онаго было введеніе конституціи. Въ члены никого не принялъ; на совѣщаніяхъ общества не былъ; въ происшествіи 14-го декабря участія никакого не бралъ и въ сіе время находился внѣ Петербурга. Сознался, что вступилъ въ Общество по безразсудности. Содержался въ крѣпости съ 26 декабря 1825 г. По докладу Коммиссіи, 13-го іюня Высоч. повелѣно выпустить и перевести тѣмъ же чиномъ въ полки 2-й арміи и ежемѣсячно доносить о поведеніи. По Высоч. приказу 7-го іюля переведенъ въ Харьковскій драгунскій полкъ“ (стр. 651).

5) Александръ Лукичъ Кологривовъ, въ 1825 г. полковникъ Кавалергардскаго полка. Въ „Алфавитѣ“ декабристовъ о немъ сказано то-же, что о Свиньинѣ; 13-го іюня его приказано было продержать въ крѣпости

еще 6 мѣсяцевъ, но 7-го іюля онъ былъ переведенъ въ Финляндскій драгунскій полкъ (стр. 302 — 303).

6) Павелъ Ивановичъ Колошинъ (р. 1799, ум. 22-го января 1854 г. въ Москвѣ), равно какъ и братъ его Петръ Ивановичъ (р. 11-го октября 1794, ум. 16-го декабря 1849 г. въ Петербургѣ), оба были членами Тайнаго Общества еще въ 1817 году, но затѣмъ изъ него вышли, почему Комитетомъ и были оправданы. Петръ Ивановичъ, съ 1817 по 1823 г. бывшій преподавателемъ въ Муравьевскомъ Училищѣ для колонновожатыхъ (гдѣ, какъ мы видѣли, учился В. П. Зубковъ) и числившійся по Гвардейскому Генеральному Штабу, въ 1825—1829 г. служилъ въ Департаментѣ Вышней торговли, затѣмъ былъ членомъ въ Департаментѣ Удѣловъ (1830—1832), вице-директоромъ Коммиссаріатскаго Департамента (1832—1841) и, наконецъ, Членомъ Совѣта Министра Государственныхъ Имуществъ¹⁾. Привлекался къ отвѣту, но освобожденъ послѣ предварительнаго допроса. Павелъ Ивановичъ, о которомъ уже въ 1818 г. Бенкендорфъ доносилъ, какъ объ одномъ изъ ревностнѣйшихъ членовъ тайнаго общества, въ 1821 г., по порученію Н. И. Тургенева, пріѣзжалъ въ Москву къ И. Д. Якушкину по дѣламъ общества (И. Д. Якушкинъ, Записки, стр. 64); онъ служилъ сперва въ военной службѣ, а въ 1823 г. былъ совѣтникомъ во 2-мъ Департаментѣ Московской Палаты Гражданскаго Суда; здѣсь (6-го августа 1824 г.) его замѣстилъ В. П. Зубковъ, Колошинъ-же вышелъ въ отставку, женившись, въ апрѣлѣ 1824 года, (Д. Благово, Разказы Бабушки, С.-Пб. 1885, стр. 358 — 359 и 44 — 45) на графинѣ Александрѣ Григорьевнѣ Салтыковой (ум. въ Москвѣ 16-го іюня 1871 г., на 66 г.), отъ брака съ которой имѣлъ, между прочимъ, сына Сергѣя Павловича (род. въ Москвѣ 10-го января 1825 г., ум. во Флоренціи 27-го ноября 1868 г.), довольно извѣстнаго впоследствии литератора; у него и хранилось нѣсколько автографовъ Пушкина, которые онъ, какъ было сказано выше, въ 1866 г. передалъ въ Чертковскую Библиотеку („Русск. Арх.“ 1867, стр. 317). Послѣ возвращенія въ Москву изъ крѣпости, Колошинъ поселился въ своемъ имѣніи, с. Смольномъ, гдѣ и прожилъ безвыѣздно болѣе 10 лѣтъ (Разказы Бабушки, стр. 289). О немъ въ „Алфавитѣ“ декабристовъ значится слѣдующее: „Вступилъ въ Союзъ Благоденствія въ 1817 году. Былъ въ совѣщаніяхъ Коренной Думы въ 1820 году, гдѣ разсуждали начетъ образа правленія, а равно и въ другихъ собраніяхъ, но при немъ ни вопроса, ни предложенія объ Августнѣйшихъ особахъ не было. О намѣреніи Якушкина покуситься на жизнь

1) О немъ см.: Н. Шильдеръ, Имп. Александръ I, т. IV; Записки кн. С. Г. Волконскаго; Донесеніе Слѣдственной Коммиссіи; Н. В. Путяга, Биографія Н. Н. Муравьева, С.-Пб. 1852, стр. 14, 15, 34, 36; В. Семеновскій, В. Бочугарскій и П. Щеголевъ, Обществ. движенія въ Россіи, т. I, стр. 14, 22, 26 и 30; Д. Кропотковъ, Биографія гр. М. Н. Муравьева, стр. 95, 97, 211, 212, 213, 214, 215, 216; Записки кн. С. П. Трубецкаго; Записки И. Д. Якушкина; Д. Благово, Разказы Бабушки, С.-Пб. 1885; „Русск. Стар.“, т. VII, стр. 660, т. 118, стр. 26, 27, 242; Г. Геннади, Словарь, т. II, стр. 152; Н. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. I, стр. 212; „Старина и Новизна“, кн. VII; онъ былъ сорудникомъ „Журнала древней и новой словесности“ 1818 г., „Сына Отечества“ 1818 г., ч. 48 и 50 и „Соревнователя“ 1824 г.

покойнаго Государя услышалъ уже въ Генварѣ 1818 г. По разрушеніи Союза Благоденствія, въ 1821 году, онъ считалъ себя свободнымъ. Хотя зналъ о продолженіи Общества, но никакого участія въ ономъ не бралъ и съ членами его не сближался. Въ 1824 году Пущинъ показывалъ ему проектъ Общества Соединенныхъ; прочитавъ его, онъ отвѣчалъ, что ему до этого дѣла нѣтъ. — Противу показанія Кашкина, что онъ видѣлъ его въ Москвѣ на совѣщаніи, бывшемъ въ 1825 году у Оболенскаго, гдѣ положено было въ выборѣ членовъ сохранять болѣе осторожности, Колошинъ отвѣчалъ, что совѣщанія сего не помнить, но впрочемъ не смѣетъ отъ сего отрицаться и что если былъ на ономъ, но какъ знакомый только, оставаясь впрочемъ безгласнымъ. Содержался въ крѣпости съ 2-го генваря. По докладу о семъ Коммиссіи, Высоч. повелѣно 13-го іюня: продержавъ еще мѣсяцъ въ крѣпости, выпустить, запретивъ въѣзду въ столицу, не опредѣлять въ службу и доносить о поведеніи его“ (стр. 305—307).

7) Степанъ Михайловичъ Семеновъ (р. 27-го декабря 1789 г.), съ которымъ Зубковъ, по его показанію, познакомился лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до ареста (т. е. когда Семеновъ былъ назначенъ въ Москву экспедиторомъ въ Канцелярію князя Д. В. Голицына), одинъ изъ даровитѣйшихъ декабристовъ, воспитывался въ Орловской Духовной Семинаріи, откуда поступилъ въ Московскій Университетъ, въ 1814 г. окончилъ курсъ кандидатомъ, а въ 1817 году получилъ степень магистра этико-политическихъ наукъ. Оставленный при Университетѣ, онъ одно время читалъ лекціи студентамъ, а въ 1819 г. перешелъ въ Департаментъ Духовныхъ Дѣлъ Министерства Просвѣщенія и занималъ здѣсь мѣсто столоначальника. 1822—1824 гг. онъ проработалъ въ секретной командировкѣ по дѣлу объ убійствѣ въ Курской губерніи, вернувшись изъ которой, былъ, въ августѣ 1825 г., назначенъ экспедиторомъ въ Гражданскую Канцелярію Московскаго Генераль-губернатора князя Д. В. Голицына. Хорошо знакомый съ Семеновымъ въ Университетѣ и затѣмъ въ Петербургѣ Д. Н. Свербеевъ въ Запискахъ своихъ пишетъ про него слѣдующее: „Онъ замѣчателенъ былъ, кромѣ познаній, строгою діалектикою и неумолимымъ анализомъ всѣхъ, по его мнѣнію, предрасудковъ, обладалъ классическою латынью и не чуждъ былъ древней филозофіи. Онъ всею душою преданъ былъ энциклопедистамъ XVIII вѣка; Спиноза и Гоббесъ были любимыми его писателями. Лѣтъ семь-восемь послѣ этого Семеновъ сдѣлался душою тайнаго политическаго общества, подготовившаго мятежъ декабристовъ. Онъ содержался въ крѣпости и былъ подъ слѣдствіемъ, какъ секретарь общества, но отвѣты его передъ слѣдователями были до того преисполнены осторожной, хитрой и при всемъ томъ строго честной и юридической мудрости, что, какъ ни хотѣли предать его суду, вмѣстѣ съ прочими, исполнить этого не могли, и онъ безъ суда, вмѣсто всѣхъ другихъ наказаній, подвергся отправленію на службу въ Томскую, а потомъ въ Тобольскую губернію, гдѣ и кончилъ жизнь“ (Записки Д. Н. Свербеева, т. I, М. 1899, стр. 105—106). Далѣе Свербеевъ пишетъ про Семенова: „На основаніи почерпнутыхъ имъ изъ книгъ свѣдѣній о политическихъ утопіяхъ, увлекаемый всеми наглядными обольщеніями представительныхъ правленій, такъ еще недавно введенныхъ во Франціи и вводимыхъ, не безъ крови, въ Испаніи, Германіи и

Италии, онъ стремился къ одной задушевной мысли — учредить какимъ бы то ни было путемъ, мирнымъ или кровавымъ, представительное правленіе и у насъ въ Россіи; сошелся со всѣми тогдашними заговорщиками противъ самодержавія и старался болѣе многихъ изъ нихъ приобрести новыхъ членовъ тайному обществу... Въ 1818 году Семеновъ жилъ въ домѣ..... графа Серг. Павл. Потемкина, женатаго на.... Елиз. Петр. Подчаской. Онъ былъ наставникомъ меньшого ея брата, князя Никиты, коротко познакомился съ старшимъ ея братомъ, княземъ Сергѣемъ Петровичемъ [декабристомъ] и, вѣроятно, черезъ него — со всѣми находившимися тогда въ Петербургѣ членами тайнаго ихъ общества... Семеновъ въ это время служилъ въ Департаментѣ Духовныхъ Дѣлъ, коего директоромъ былъ Александръ Ивановичъ Тургеневъ, и былъ очень коротко знакомъ съ братомъ его Николаемъ“ (тамъ-же, стр. 275 — 276). Въ 1819 г. Семеновъ вступилъ въ члены Союза Благоденствія и вскорѣ Коренною Думою былъ избранъ въ секретари ея, а въ 1825 г. принятъ въ члены Общества, основаннаго Пушцинымъ (Алфавитъ декабристовъ).—По окончаніи суда надъ декабристами Семеновъ былъ продержанъ 4 мѣсяца въ крѣпости, а затѣмъ сосланъ, безъ лишенія чиновъ и званія, въ Сибирь, „для употребленія на службу“. Прибывъ въ Омскъ 30-го ноября 1826 г., онъ былъ назначенъ въ канцелярію Омскаго областного управленія, въ февралѣ 1827 г. опредѣленъ Усть-Каменогорскимъ окружнымъ судьей, а черезъ годъ — столоначальникомъ мѣстнаго окружного управленія. Въ 1829 году Семеновъ сопровождалъ по Омской области А. Гумбольдта. Лестный отзывъ о Семеновѣ, данный Николаю I знаменитымъ путешественникомъ, имѣлъ результатомъ высочайшее повелѣніе: „употребить Семенова... на службу въ отдаленномъ мѣстѣ безъ права выѣзда“... Вслѣдствіе этого, Семеновъ попалъ (1830) канцелярскимъ служителемъ въ Туринскій окружной судъ и только въ октябрѣ 1833 г. былъ переведенъ столоначальникомъ въ Канцелярію Главнаго управленія Западной Сибири. Назначенный затѣмъ, въ іюнѣ 1841 г., совѣтникомъ въ Пограничное управленіе Сибирскихъ киргизовъ, онъ въ 1843 г. былъ опредѣленъ, совѣтникомъ-же, въ Тобольское Губернское правленіе. Прослуживъ здѣсь 10 лѣтъ, онъ умеръ 10-го іюня 1852 г. и оставилъ по себѣ самыя лучшія воспоминанія, какъ человѣкъ большихъ дарованій и познаній, стойкихъ, независимыхъ и честныхъ убѣжденій, которыми онъ никогда и ни передъ тѣмъ не поступался (А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ. Декабристы въ Западной Сибири, изд. 2, С.-Пб. 1905). Любопытныя подробности о Семеновѣ см. въ „Воспоминаніяхъ“ М. И. Муравьева-Апостола („Русск. Стар.“ 1886 г., т. LI, стр. 545—548), въ „Запискахъ“ Н. И. Лорера („Русск. Архивъ“ 1874 г., кн. I, стр. 364 — 366), въ „Запискахъ“ вн. С. П. Трубецкого („Записки Декабристовъ“, Лонд. 1863, вып. II — III, стр. 30 — 31) и др.

8) Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ (род. 4-го февраля 1795 г.), полковникъ квартировавшаго въ Москвѣ Тарутинскаго полка, съ 1818 г. членъ Союза Благоденствія. Верховнымъ уголовнымъ судомъ былъ причисленъ къ четвертому разряду государственныхъ преступниковъ и сосланъ въ каторжныя работы на 8 лѣтъ, но въ 1832 г. былъ „обращенъ на поселеніе“ въ Сибирь и жилъ въ Курганѣ, а въ 1837 г. переведенъ ря-

довымъ на Кавказъ. Онъ дожилъ до общей амнистіи декабристовъ, проживалъ одно время въ Москвѣ и здѣсь умеръ 2-го января 1863 г. Въ скитаніяхъ Нарышкина по Сибири и на Кавказѣ ему сопутствовала жена его, Елизавета Петровна, рожд. графиня Коновницына, скончавшаяся въ 1867 г. О Нарышкинѣ см. Записки бар. А. Е. Розена, Лейпц. 1870, стр. 297, Записки И. Д. Якушкина, М. 1905, книгу А. И. Дмитриева-Мамонова „Декабристы въ Западной Сибири“, изд. 2-ое, С.-Пб. 1905 и Записки А. И. Копелева (Берлинъ. 1884, стр. 13, 14 и 16); по словамъ послѣдняго, въ началѣ 1825 г. у Нарышкина собирались кн. Оболенскій, Рылѣевъ, Пущинъ и др. У Нарышкина-же собирались декабристы въ періодъ послѣ 14-го декабря и до арестовъ, такъ какъ у него „сосредоточивались все доходившіе до Москвы слухи и извѣстія изъ Петербурга“.

9) Баронъ Владиміръ Ивановичъ Штейнгель (род. 1788, ум. въ Петербургѣ 20-го сентября 1862 г.), отставной полковникъ, декабристъ 3-го разряда; арестованный 3-го января 1826 года въ Москвѣ, онъ былъ сосланъ въ каторжныя работы, затѣмъ жилъ на поселеніи въ Ишимѣ, Тобольскѣ, Тарѣ и снова въ Тобольскѣ, откуда и возвратился въ Россію въ 1856 году. До выхода въ отставку Штейнгель былъ адъютантомъ главнокомандующаго въ Москвѣ гр. Тормасова. Человѣкъ большого ума и съ недюжинными способностями, онъ издалъ нѣсколько книгъ по исторіи и оставилъ послѣ себя весьма любопытныя и цѣнныя „Записки“, которыя изданы полностью въ книгѣ: „Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка“, т. I, С.-Пб. 1905 (здѣсь-же и біографія Штейнгеля и его портретъ).

10) Не генералъ Н. Н. Раевскій, а его два сына — Александръ и Николай Николаевичи были арестованы по этому дѣлу, но оба вскорѣ-же были освобождены.

11) Борисъ Карловичъ Данзасъ (род. 9-го октября 1799, ум. 18-го октября 1868 г.), близкій пріятель В. П. Зубкова и родной братъ товарища и секунданта Пушкина, воспитывался въ Лицеѣ, откуда выпущенъ былъ съ серебряною медалью въ 1820 году; причислившись (7-го іюля 1820 г.) къ Коммиссіи погашенія долговъ, Данзасъ 26-го апрѣля 1821 г. перешелъ чиновникомъ особыхъ порученій къ Московскому военному генерал-губернатору князю Д. В. Голицыну, 27-го ноября 1822 г. опредѣленъ былъ совѣтникомъ въ Московское Губернское Правленіе. Въ это время онъ, вмѣстѣ съ Зубковымъ, былъ арестованъ и привезенъ въ Петербургъ. Данзасъ пользовался большимъ расположеніемъ князя Голицына; сообщая брату объ его арестѣ, А. Я. Булгаковъ писалъ 11-го января 1826 г.: „Изъ служащихъ при князѣ Дмитріи Владиміровичѣ взяты еще Кашкинъ молодой, Зубковъ и Данзасъ; этотъ послѣдній былъ при князѣ, какъ родной сынъ“ („Русск. Арх.“ 1901 г., кн. II, стр. 343). Заключенный, какъ и Зубковъ, въ Петропавловскую крѣпость, Данзасъ былъ оправданъ Комитетомъ, но, по повелѣнію Николая I отъ 23-го января, продержанъ мѣсяцъ на гауптвахтѣ („Алфавитъ“ декабристовъ, стр. 215). Уволившись отъ службы 26-го апрѣля 1828 г., Данзасъ 24-го октября слѣдующаго года снова поступилъ къ князю Голицыну „для особыхъ порученій“, принималъ участіе въ борьбѣ съ холерою въ Москвѣ, а 11-го мая 1835 г. опредѣленъ за оберъ-прокурорскій столъ въ 1-е отдѣленіе 5-го Департамента

Сената, въ 1838 г. назначенъ оберъ-прокуроромъ 2-го Департамента, въ 1839 году директоромъ Департамента Министерства Юстиціи (при графѣ В. Н. Панинѣ), куда вице-директоромъ вскорѣ былъ опредѣленъ его товарищъ В. П. Пальчиковъ. Назначенный въ 1843 г. оберъ-прокуроромъ 1-го Департамента Сената, Данвасъ въ 1851 пожалованъ былъ въ званіе сенатора; скончался въ званіи первоприсутствующаго въ Уголовномъ Кассационномъ Департаментѣ Сената и въ чинѣ д. тайн. совѣтника. Портретъ его находится въ „Альбомѣ Пушкинской юбилейной выставки въ Имп. Академіи Наукъ“ (С.-Пб. 1899).

12) Одинъ изъ ближайшихъ друзей Зубкова, больше его пострадавшій за прикосновенность къ дѣлу декабристовъ, Сергѣй Николаевичъ Кашкинъ былъ сыномъ Московскаго сенатора т. сов. Николая Евгеньевича Кашкина и жены его Анны Гавриловны, рожд. Бахметевой (съ любовью и уваженіемъ упоминаемой въ письмахъ Карамзина), родился 17-го апрѣля 1799 г. въ Москвѣ, въ домѣ отца, въ приходѣ Покрова въ Кудринѣ, и воспитывался дома; зачисленный въ Углицкій полкъ подпрапорщикомъ 20-го мая 1817 г., онъ 1-го октября произведенъ былъ въ портупей-прапорщики, черезъ мѣсяцъ переведенъ въ 38-й егерскій полкъ, но вскорѣ (21-го фѣвраля 1818 г.), съ производствомъ въ прапорщики, вернулся въ Углицкій полкъ и въ маѣ 1819 г. получилъ чинъ подпоручика, съ которымъ 20-го сентября 1820 г. переведенъ былъ въ л.-гв. Павловскій полкъ; здѣсь онъ служилъ и жилъ вмѣстѣ со своимъ двоюроднымъ братомъ по отцу — княземъ Евгениемъ Петровичемъ Оболенскимъ, впослѣдствіи декабристомъ 1-го разряда (см. ниже, прим. 112). Выйдя въ отставку, въ чинѣ поручика, 24-го сентября 1820 года, Кашкинъ 3-го ноября 1824 года опредѣлился засѣдателемъ въ 1-й департаментъ Московскаго Надворнаго суда, гдѣ явился сослуживцемъ И. И. Пуцина, бывшаго въ томъ-же Департаментѣ судьбою. Съ Зубковымъ онъ познакомился въ 1820 году, когда переселился въ Москву и, живя въ отставкѣ, „занимался французскою политикою“ (см. выше, стр. 188). Привлеченный къ слѣдствію по дѣлу о декабристахъ, Кашкинъ былъ вызванъ въ Петербургъ и 11-го января 1826 г. заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Въ протоколѣ засѣданія Комиссіи Верховнаго Уголовнаго Суда 11-го іюня 1826 г. рукою А. И. Чернышева противъ его имени отмѣчено: „Продержать шесть мѣсяцевъ въ крѣпости и запретить потомъ въѣздъ въ столицы“, но въ спискѣ декабристовъ, принадлежавшемъ императору Николаю I, читается объ немъ (стр. 289), между прочимъ: „Высочайше повелѣно 15-го іюля: продержавъ еще 4 мѣсяца въ крѣпости, отправить на службу въ Архангельскъ и ежемѣсячно доносить о поведеніи“. — Поступивъ въ канцелярію генераль-губернатора Архангельскаго, Олонцака и Вологодскаго (7-го фѣвраля 1827 г.), Кашкинъ 20-го іюля того же года былъ прощенъ и, за кончиною отца (18-го мая 1827 г.), получилъ разрѣшеніе жить, „для устройства дѣлъ по имѣніямъ“, въ Калужской и Тульской губерніяхъ, безъ права въѣзда въ столицы.

Поселившись въ приданомъ имѣніи матери (умершей еще 30-го января 1825 г.), селѣ Нижнихъ Прыскахъ, Козельскаго уѣзда Калужской губерніи, онъ въ имѣніи Охотниковыхъ селѣ Татаринцахъ, того же уѣзда, познакомился съ дочерью выходца изъ Саксоніи колл. асс. Ивана Федо-

ровича Миллера и жены его Юліаніи Григорьевны, рожд. фонъ-Гагенъ, Екатериною Ивановною (род. 1-го мая 1806 г.), съ которой и обвѣнчался въ Прысковской церкви 30-го апрѣля 1828 г. (она умерла въ Калугѣ 18-го октября 1879 года; погребена въ Прыскахъ; братъ ея Николай Ивановичъ Миллеръ былъ директоромъ Имп. Александровскаго Лицея, потомъ почетнымъ опекуномъ, генераломъ-отъ-инфантеріи и ум. въ Петербургѣ 30-го декабря 1889 года).

Всю послѣдующую жизнь С. Н. Кашкинъ занимался исключительно, ревностно и успѣшно сельскимъ хозяйствомъ. Для воспитанія дѣтей онъ исклопоталъ право вѣзда въ Москву (около 1835 г.) и Петербургъ (около 1842 г.) и большинство зимъ сталъ проводить въ этихъ городахъ. Имѣніе его раздѣлилось между его 4 сыновьями (изъ которыхъ одинъ, Николай Сергѣевичъ, пострадалъ по дѣлу Петрашевскаго) и дочерью. С. Н. Кашкинъ умеръ 7-го ноября 1868 г. въ с. Н. Прыскахъ, гдѣ и погребенъ. (Сообщ. Н. Н. Кашкинъ).

13) Аннѣ Ѳедоровнѣ, рожд. Пушкиной (род. 25-го іюля 1803, ум. 15-го марта 1889 г.).

14) Княгиня Татьяна Васильевна Голицына, рожд. Васильчикова (р. 1781, ум. 1841 г.), жена Московскаго генераль-губернатора князя Дмитрія Владиміровича Голицына.

15) т. е. Б. К. Данзаса (см. выше, примѣч. 11-е).

16) Князь Черкасскій, Петръ Дмитріевичъ (род. 22-го февраля 1799 г.), въ 1825 г. служилъ при князѣ Д. В. Голицынѣ, а въ 1827 — 1834 г. былъ совѣтникомъ въ 1-мъ Департаментѣ Московской Гражданской Палаты (послѣ Зубкова); затѣмъ былъ Симбирскимъ гражданскимъ губернаторомъ и умеръ въ чинѣ д. с. совѣтника 3-го декабря 1852 г.

17) Петръ Александровичъ Мухановъ (род. въ 1798 г.), „одинъ изъ благороднѣйшихъ и образованныхъ людей того времени“ („Русск. Стар.“, т. III, стр. 521), воспитанникъ Муравьевскаго училища для колонновожатыхъ (вып. 1816 г.), въ 1819—1823 г. офицеръ л.-гв. Сапернаго баталіона и адъютантъ П. В. Голенищева-Кутузова, а затѣмъ — штабсъ-капитанъ л.-гв. Измайловскаго полка, куда былъ переведенъ 9-го марта 1821, въ 1825 году былъ адъютантомъ при генералѣ Н. Н. Раевскомъ (съ 15-го апрѣля 1823 г.). Связанный узами дружбы съ Рылѣвымъ („Русск. Стар.“ 1871 г., т. III, стр. 521; Сочиненія и переписка К. Ѳ. Рылѣва, изд. 1874 г., стр. 305 — 307 и „Русск. Стар.“ 1888, т. LX, стр. 325 — 327, 533 — 534, 536, 539 — 592, гдѣ приведены письма Муханова 1824 — 1825 г. къ Рылѣву, А. О. Корлонивичу и Ѳ. В. Булгарину), Мухановъ былъ знакомъ на югѣ съ М. Ѳ. Орловымъ, съ Пушкинымъ (въ Одессѣ), А. Бестужевымъ и другими писателями и самъ былъ не чуждъ литературы: такъ, онъ въ 1822 г. написалъ, съ П. Н. Араповымъ, либретто къ оперѣ „Лунная ночь, или домовые“, съ музыкой А. А. Алябьева, своего пріятеля (П. Араповъ, Лѣтопись Русскаго театра, С.-Пб. 1866, стр. 320), въ 1825 г. напечаталъ двѣ статьи о Грузіи въ „Моск. Телеграфѣ“ (ч. XIX и XXI), а въ „Ураніи“ Погодина помѣстилъ одинъ изъ ряда очерковъ Московской жизни: „Свѣтлая недѣля въ Москвѣ“ („Русск. Стар.“ 1872 г., т. V, стр. 335 — 336). Близкаго участія въ тайномъ обществѣ онъ не принималъ, хотя въ 1819 г. и былъ принятъ въ Союзъ Благоденствія; онъ

хорошо зналъ многихъ его членовъ и послѣ 14-го декабря выражалъ горячее участіе къ ихъ судьбѣ (Записки И. Д. Якушкина, М. 1905, стр. 75—77). Привлеченный къ слѣдствію, онъ былъ обвиненъ въ томъ, что „принесли дерзостныя слова въ частномъ разговорѣ, означающія мгновенный порывъ на царубійство, и принадлежалъ къ тайному обществу, хотя безъ полнаго понятія о сокровенной цѣли относительно бунта“, былъ за это выдержанъ въ Выборгской крѣпости, а затѣмъ сосланъ въ каторжную работу, въ Читу (гдѣ, между прочимъ, на товарищескихъ лекціяхъ, читалъ курсъ русской исторіи), а въ 1835 году поселенъ въ Усть-Кудѣ; здѣсь у него бралъ уроки ариеметики Н. А. Бѣлоголовый, по словамъ котораго Мухановъ „былъ человекъ могучаго сложенія, широкоплечій и тучный, съ большими рыжими усами и нѣсколько суровый въ обращеніи“ (Воспоминанія Н. А. Бѣлоголоваго, изд. 3-е, М. 1898, стр. 47). Поселившись затѣмъ въ Иркутскѣ, онъ собирался вступить въ бракъ съ начальницей Иркутскаго Института М. А. Дороховой (тамъ-же), но внезапно умеръ — 12-го февраля 1854 г. (Записки бар. А. Е. Розена, Лейпц. 1870).

18) Дмитрій Ивановичъ Шульгинъ 2-й, замѣнившій въ юлѣ 1825 г. Александра Сергѣевича Шульгина 1-го (переведеннаго въ Петербургъ на ту же должность)—Московский оберъ-полицеймейстеръ, генераль-майоръ, впоследствии С.-Петербургскій военный генераль-губернаторъ, членъ Государственнаго Совѣта (ум. 20-го декабря 1854 г.).

19) Князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ (см. выше, примѣч. 19-е).

20) См. выше, примѣч. 7-е.

21) Василій Александровичъ Обресковъ (ум. 13-го іюня 1834 г., на 49 г.), Московскій полицеймейстеръ, полковникъ (до 1827), впоследствии камергеръ, ст. сов.

22) Александръ Павловичъ Ровинскій (род. 7-го февраля 1778, ум. 23-го ноября 1838 г.), отецъ извѣстнаго иконографа Д. А. Ровинскаго былъ Московскимъ полицеймейстеромъ до 1-го мая 1830 г., когда былъ произведенъ въ д. с. совѣтники и причисленъ къ Герольдіи (о немъ см. „Русск. Обзор.“ 1895 г., № 10, стр. 803).

23) Вѣроятно, Алексѣй Михайловичъ Зиловъ (род. 21-го августа 1798, ум. въ Москвѣ 3-го іюля 1865 г.), въ 1817 — 1823 гг. офицеръ л-гв. Преображенскаго полка, вышедшій въ отставку гв. штабсъ-капитаномъ и жившій въ Москвѣ, гдѣ былъ членомъ Общества Сельскаго хозяйства. Въ 1831—1833 г. онъ издалъ въ Москвѣ, въ 5 частяхъ „Басни А. Зилова“, въ 1836 г. — „Стихотворенія“ (М., 2 тетради) и въ 1843 г. — „Дневникъ Русскаго путешественника по Европѣ“ (М., 2 части). Въ „Алфавитѣ“ декабристовъ онъ, однако, не значится.

24) Князь Валентинъ Михайловичъ Шаховской, товарищъ Зубкова по выпуску изъ Училища для колонновожатыхъ, служилъ въ это время въ л-гв. Конно-егерьскомъ полку и былъ адъютантомъ при гр. М. С. Воронцовѣ, потомъ въ гражданской службѣ (директоромъ Коммерческаго Банка) и умеръ въ 1851 году въ чинѣ д. с. совѣтника; онъ былъ женатъ въ 1-мъ бракѣ на сестрѣ вышеупомянутаго декабриста П. А. Муханова — Елизаветѣ Александровнѣ.

25) Секундъ-майоръ Петръ Абрамовичъ Зубковъ (род. 14-іюня 1762, ум. 4-го января 1804 г.).

26) Абрамъ Петровичъ Зубковъ (род. въ Москвѣ 4-го ноября 1791, ум. тамъ-же 8-го апрѣля 1856 г.), въ молодости служилъ въ Борисоглѣбскомъ драгунскомъ (1807 — 1812), Московскомъ и Иркутскомъ гусарскихъ (1812) полкахъ, въ 1816 г. вышелъ въ отставку поручикомъ и въ 1830-хъ гг. служилъ по выборамъ дворянства Дмитровскаго уѣзда, гдѣ у него было имѣніе — с. Полдышино (всего въ Ярославской, Тверской и Московской губ. было у него свыше 1000 душъ). Онъ былъ женатъ, съ 6-го фѣвраля 1821 г., на Надеждѣ Петровнѣ Демидовой.

27) Графъ Егоръ Петровичъ Толстой (род. 1802, ум. 3-го апрѣля 1874 г.), пріятель братьевъ Мухановыхъ, съ которыми былъ хорошо знакомъ Пушкинъ въ Москвѣ въ 1826 — 1827 гг., поручикъ л-гв. Егерскаго полка, адъютантъ при ген.-маіорѣ Нейдгардтѣ 2-мъ, при коемъ адъютантомъ-же былъ въ это время Иванъ Федоровичъ Пушкинъ, братъ жены В. П. Зубкова; впоследствии, съ 1862 г., — сенаторъ.

28) Графъ Иванъ Петровичъ Толстой (род. 30-го октября 1810, ум. 18-го мая 1873 г. въ Москвѣ), впоследствии тайный совѣтникъ.

29) Михаилъ Александровичъ Фонвизинъ (род. 20-го августа 1788, ум. 30-го апрѣля 1854 г.), отставной генераль-маіоръ, декабристъ четвертаго разряда, былъ арестованъ въ своемъ имѣніи Крюковѣ подъ Москвой; сосланный въ каторжныя работы, онъ жилъ затѣмъ въ Енисейскѣ, Красноярскѣ и Тобольскѣ (1838 г.), гдѣ занимался писаніемъ своихъ воспоминаній и записокъ по общественнымъ и инымъ вопросамъ. Въ 1853 году Фонвизину съ женой разрѣшено было, по ходатайству его брата Ивана, вернуться въ Россію, — и онъ поселился въ имѣніи послѣдняго, с. Марьянѣ, Бронницкаго уѣзда Московской губерніи, гдѣ и умеръ; погребенъ онъ въ г. Бронницахъ, у собора, рядомъ съ И. И. Пущинимъ, при чемъ на памятникѣ надъ его могилой (видѣнномъ мною въ 1900 году) написано: „бывшій генерал-маіоръ М. А. Фонъ-Визинъ“. Онъ былъ женатъ на Натальѣ Дмитріевнѣ, рожд. Апухтиной, которая раздѣляла съ нимъ всѣ тягости ссылки и, овдовѣвъ, вышла за Ивана Ивановича Пущина, когда онъ вернулся изъ Сибири. О Фонвизинѣ см. у А. И. Дмитріева-Мамонова: „Декабристы въ Западной Сибири“, изд. 2-е, С.-Пб. 1905 и въ книгѣ: „Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка“, т. I, С.-Пб. 1905, гдѣ напечатаны и всѣ Записки его.

30) Александръ Александровичъ Бестужевъ (Марлинскій), извѣстный писатель, сосланный на Кавказъ и убитый горцами 7-го июня 1837 г.

31) Павелъ Христофоровичъ Граббе, полковникъ Сѣверскаго конноегерскаго полка, впоследствии графъ, генераль-адъютантъ, генераль-отъ-кавалеріи и наказной атаманъ войска Донскаго (род. 1789, ум. 15-го іюля 1875 г.); онъ былъ принятъ въ члены тайнаго общества Фонвизинимъ въ 1818 году. „Граббе не былъ судимъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ, но за смѣлые отвѣты въ Комитетѣ послѣ нашего приговора, по волѣ высочайшей власти, онъ содержался нѣкоторое время подъ арестомъ въ Динабургѣ и потомъ отправленъ въ свой полкъ“ (И. Д. Якушкинъ, Записки, М. 1905, стр. 145); въ „Алфавитѣ“ декабристовъ (стр. 201) сказано, что Граббе до 19-го іюля содержался въ Динаминдской крѣпости.

32) Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ (род. въ 1793, ум. 11-го августа 1857 г. въ Москвѣ), декабристъ перваго разряда, приговоренный къ смерт-

ной казни, которая замѣнена ему была вѣчною каторжною работою, былъ арестованъ вечеромъ 10-го января 1826 г., слѣдовательно, днемъ позже Зубкова. И. Д. Якушкинъ оставилъ „Записки“, занимающія, по своему содержанию, первое мѣсто въ ряду мемуаровъ декабристовъ.

33) Упомянутая выше Наталья Дмитриевна Фонвизина, рожд. Апухтина; она осталась въ Москвѣ съ двумя дѣтьми-младенцами: Дмитриемъ (род. 26-го августа 1824) и Михаиломъ (род. 4-го февраля 1825 г.). О Н. Д. Фонвизиной см. статью В. И. Шенрока: „Одна изъ женъ декабристовъ“ — въ „Русскомъ Богатствѣ“ 1894 г., №№ 11 и 12.

34) Извѣстная въ то время Петербургская гостинница и ресторанъ.

35) Алексѣй Николаевичъ Потаповъ (р. 1772, ум. 1847 членомъ Государственного Совѣта), 14-го декабря 1825 г. пожалованный званіемъ генераль-адъютанта, былъ дежурнымъ генераломъ Главнаго Штаба и состоялъ членомъ Верховнаго уголовного суда надъ декабристами.

36) Князь Михаилъ Александровичъ Урусовъ, поручикъ л.-гв. Конноегерскаго полка, адъютантъ начальника штаба 2-й арміи генераль-адъютанта Павла Дмитриевича Киселева, съ 13-го января 1826 г. служилъ въ л.-гв. Уланскомъ полку—до октября 1843 г., когда произведенъ въ генераль-майора Свиты Его Величества; впоследствии генераль-отъ-кавалеріи, сенаторъ; род. въ Москвѣ 1-го октября 1802, ум. тамъ-же 16-го декабря 1883 г.

37) Можетъ быть, Семень Ардальоновичъ Шишковъ (р. 1807 г.), племянникъ министра А. С. Шихова, въ это время корнетъ Сибирскаго уланскаго полка.

38) Александръ Викторовичъ Поджіо (р. 1797, ум. въ с. Воронкахъ, Черниговской губ., имѣни своего друга, декабриста кн. С. Г. Волконскаго, 6-го іюня 1877 г.), отставной подполковникъ, декабристъ перваго разряда, сосланъ въ Читу, въ каторжныя работы, затѣмъ былъ въ Усть-Кудѣ и Иркутскѣ, въ 1856 г. вернулся въ Россію, а потомъ уѣхалъ за-границу, гдѣ провель около 10 лѣтъ. Учившійся у него въ 1840-хъ гг. Н. А. Бѣлоголовый такъ описываетъ наружность Поджіо, въ молодости отличавшагося рѣдкой красотой лица: „Длинные черные волосы, падавшіе густыми прядями на плечи, красивый лобъ, черные выразительные глаза, орлиный носъ, при среднемъ ростѣ и изящной пропорціональности членовъ“, давали Поджіо „привлекательную внѣшность и, вмѣстѣ съ врожденною подвижностію въ движеніяхъ и съ живостию характера, ясно указывали на его южное происхожденіе“. Въ тѣхъ же „Воспоминаніяхъ“ Бѣлоголовый оставилъ цѣнную характеристику этого „идеальнаго альтруиста“, какъ онъ его называетъ. Старшій братъ А. В. Поджіо, Іосифъ Викторовичъ, отставной шт.-капит., извѣстный не столько дѣятельностію въ тайномъ обществѣ (онъ попалъ въ 4-й разрядъ осужденныхъ), сколько своею несчастною судьбою (по прояскамъ тестя своего Бороздина онъ 8 лѣтъ провель въ крѣпости), скончался въ Иркутскѣ 8-го іюня 1848 г.

39) Василій Васильевичъ Левашевъ (ум. въ 1848 г.), генераль-адъютантъ (съ 1817 г.), впоследствии графъ (1833), предсѣдатель Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ. Онъ снималъ первый допросъ со всѣхъ привлеченныхъ къ слѣдствію и былъ членомъ Комиссіи.

40) Иванъ Ивановичъ Пушчинъ (р. 4-го мая 1798, ум. 8-го апрѣля 1859 г.,

погребень въ г. Бронницахъ, Московской губерніи, у городского собора, рядомъ съ М. А. Фонвизинымъ), декабристь перваго разряда, другъ Пушкина, оставившій о немъ цѣннѣйшія воспоминанія, и одинъ изъ ближайшихъ пріятелей Зубкова (см. выше, стр. 94-96). По словамъ М. А. Корфа, Пущинъ въ Лицеѣ былъ „одинъ изъ тѣхъ, которые наиболѣе любимы были товарищами, съ свѣтлымъ умомъ, съ чистою душой... Сперва онъ служилъ въ гвардейской конной артиллеріи, но для пылкой души его, требовавшей безпрестанной пищи, военная служба въ мирное время казалась слишкомъ мертвою и, бросивъ ее, кажется, въ чинѣ штабсъ-капитана, онъ пошелъ служить въ губернскія мѣста, сперва въ Петербургѣ, а потомъ въ Москвѣ, именно, чтобы облагородить и возвысить этотъ родъ службы, гдѣ съ благими намѣреніями можно дѣлать столько частнаго и общественнаго добра... Онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ заговора, вспыхнувшаго 14-го декабря 1825 года, и съ этимъ погибла вся его будущность“ („Русск. Стар.“ 1904 г., т. СХVIII, стр. 553). По свидѣтельству князя Е. П. Оболенскаго, Пущинъ „промѣнялъ мундиръ конно-гвардейской артиллеріи на скромную службу, надѣясь на этомъ поприщѣ оказать существенную пользу и своимъ примѣромъ побудить и другихъ принять на себя обязанности, отъ которыхъ дворянство устранилось, предпочитая блестящіе эпюлеты той пользѣ, которую оно могло бы принести, внося въ низшія судебныя инстанціи тотъ благородный образъ мыслей, тѣ чистыя побужденія, которыя украшаютъ человѣка и въ частной жизни, и на общественномъ поприщѣ“ („Русскій заграничный сборникъ“, ч. IV, тетр. V, Воспоминанія кн. Е. П. Оболенскаго, Лейпцигъ. 1861, стр. 5). Поступокъ Пущина былъ настолько необыченъ, что, по его собственному показанію, князь Н. Б. Юсуповъ, „видя на балѣ Московскаго военнаго генераль-губернатора князя Голицына неизвѣстное ему лицо, танцующее съ его дочерью“, и узнавъ отъ находившагося тутъ же В. П. Зубкова, что это Пущинъ, надворный судья, сказалъ: „Какъ! надворный судья танцуетъ съ дочерью генераль-губернатора? Это вещь небывалая, тутъ кроется что-нибудь необыкновенное“ (Л. Н. Майковъ, „Пушкинъ“, С-Пб. 1899, стр. 76). По словамъ его лицейскаго товарища, свѣтл. князя А. М. Горчакова, кн. Голицынъ былъ очень доволенъ службою Пущина, который въ это время въ Москвѣ „воевалъ противъ взятокъ“ („Русск. Стар.“ 1883 г., т. 40, стр. 164).

41) Князь Федоръ Петровичъ Шаховской, отставной майоръ, сперва офицеръ л.-гв. Семеновскаго, а затѣмъ (1817 г.) — 38-го егерскаго полковъ, отнесенный судомъ къ восьмому разряду преступниковъ, такъ какъ отсталъ отъ общества и жилъ въ „отдаленной деревнѣ“; сосланный, послѣ приговора, на поселеніе въ Енисейскъ, онъ сошелъ съ ума и умеръ въ 1834 году. О немъ см. въ книгѣ А. А. Титова: „Одинъ изъ заключенныхъ въ Суздальской крѣпости“, М. 1904.

42) Иванъ Федоровичъ Паскевичъ, генераль-адъютантъ, впослѣдствіи князь и фельдмаршалъ (р. 1782, ум. 1857 г.).

43) Николай Ивановичъ Депрерадовичъ, генераль-адъютантъ, командиръ 1-го кавалерійскаго корпуса (р. 23-го октября 1767, ум. 16-го декабря 1843 г.), затѣмъ — генераль-отъ-кавалеріи.

44) Вѣроятно, Дмитрій Михайловичъ Соболевскій, живописецъ, учив-

шійся въ Дрезденѣ, въ 1825 году состоявшій учителемъ рисованія въ Московской губернской гимназіи (Мѣсяцесловъ на 1825 г., ч. I, стр. 483).

45) Иванъ Ивановичъ Пущинъ, служившій въ это время въ Москвѣ судьей Надворнаго Суда, приѣхалъ въ Петербургъ съ княземъ А. И. Одоевскимъ (декабристомъ—поэтомъ) 8-го декабря 1825 г.; онъ уѣхалъ изъ Москвы „несмотря на все нежеланіе князя Д. В. Голицына дать ему отпускъ“ („Четырнадцатое декабря“, статья Пущина въ сборникѣ: „Тайное общество и 14 Декабря 1825 г. въ Россіи“, Лейпц., стр. 12), какъ бы для свиданія съ большимъ отцомъ.

46) Александръ Павловичъ Бакунинъ (род. 1-го августа 1797 г.) воспитывался въ Царскоселскомъ Лицеѣ одновременно съ Пушкинымъ, И. И. Пущинымъ и Б. К. Данзасомъ и въ 1817 году былъ оттуда выпущенъ, какъ и Пущинъ, въ военную службу; поступивъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ, онъ состоялъ адъютантомъ генерала Н. Н. Раевского; когда же Семеновскій полкъ былъ раскассированъ (1820 г.), онъ перешелъ въ гражданскую службу и въ 1824—1828 гг., въ званіи камеръ-юнкера, состоялъ при Московскомъ военномъ генераль-губернаторѣ кн. Д. В. Голицынѣ, съ которымъ около этого времени породнился, женившись, 23-го іюля 1824 г. (Щукинскій Сборникъ, т. I, М. 1902, стр. 387), на его племянницѣ Аннѣ Борисовнѣ Зеленой¹⁾, „воспитанницѣ“ его холостого брата князя Бориса Владиміровича Голицына. 21-го октября 1835 г., когда В. П. Зубковъ былъ переведенъ совѣтникомъ изъ 2-го въ 1-й Департаментъ Московской Уголовной Палаты, на его мѣсто опредѣлился Бакунинъ, до того бывшій совѣтникомъ въ Московскомъ Губернскомъ Правленіи (съ этого мѣста въ 1828 г. ушелъ Б. К. Данзасъ). Выйдя затѣмъ въ отставку, Бакунинъ съ апрѣля 1838 по октябрь 1839 г. былъ Новгородскимъ вице-губернаторомъ, затѣмъ — вице-директоромъ 1-го Департамента Министерства Государственныхъ имуществъ, а съ декабря 1842 по октябрь 1857 г. занималъ постъ Тверского гражданскаго губернатора и дослужился до чина тайнаго совѣтника. Онъ умеръ въ Ниццѣ 25-го августа 1862 г.

Имя Бакунина связано съ именемъ Пушкина еще тѣмъ, что поэтъ-лицеистъ былъ влюбленъ въ его сестру, фрейлину Екатерину Павловну (ум. 7-го декабря 1869 г.), въ 1834 г. вышедшую за Александра Александровича Полторацкаго (род. 7-го іюля 1792, ум. 13-го марта 1855 г.), брата того Михаила Александровича Полторацкаго (также, какъ и Зубковъ, воспитанника Муравьевскаго училища для колонновожатыхъ, выпуска 1821 г.), съ которымъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ Пушкинъ еще въ Кишиневѣ („Русск. Арх.“ 1866 г., ст. 1126). Въ своихъ стихотвореніяхъ 1816—1817 г. поэтъ не разъ обращался къ Е. П. Бакуниной, которая возбудила въ немъ, по словамъ С. Д. Комовскаго, „первую платоническую, истинно-поэтическую любовь“, и въ которую одновременно былъ влюбленъ и юноша-Пущинъ (Сочиненія Пушкина, подъ ред. Л. Н. Майкова, т. I). Портретъ Е. П. Бакуниной (1832 г.), равно какъ и ея брата Александра Павловича, еще въ Лицейской формѣ (1813 г.) воспроизведенъ

---

1) Ея сестра была за профессоромъ Степ. Петр. Шевыревымъ (Д. Благово, Разказы Бабушки“, С.-Пб. 1885, стр. 239).

въ „Альбомѣ Пушкинской выставки“ въ Москвѣ (М. 1899, л. 78). Овдовѣвъ послѣ первой жены, А. П. Бакунинъ въ 1838 г. женился на Марьѣ Александровнѣ Щупленниковой. М. А. Корфъ въ дневникѣ своемъ за 1839 г. выразился про своего однокурсника Бакунина, что онъ „человѣкъ съ порядочными формами, съ благороднымъ честолюбіемъ и съ охотою къ дѣлу“ („Русск. Стар.“ 1904 г., т. СХVIII, стр. 551). Къ слѣдствію о декабристахъ Бакунинъ, кажется, привлеченъ не былъ.

47) Владиміръ Петровичъ Пальчиковъ (род. 25-го апрѣля 1804, ум. 27-го апрѣля 1842 г., въ Псковской губерніи), товарищъ по выпуску изъ Лицея Б. К. Данзаса (1820 г.), заставшій тамъ еще Пушкина (послѣдній, въ поясненіе къ именамъ сосѣдей Овѣгина—Дуриной и Мизинчикова—отмѣтилъ въ рукописи: „Дирина“ и „Пальчиковъ“ (Соч. изд. Морозова, т. IV, 1904, стр. 27)), разумѣя надъ послѣднимъ, быть можетъ, Владиміра Петровича или кого-нибудь изъ его родныхъ — помѣщиковъ Псковской губерніи). По окончаніи курса въ Лицеѣ, Пальчиковъ 9-го іюня 1820 г. поступилъ въ Департаментъ государственнаго хозяйства и публичныхъ зданій Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ 13-го марта 1822 г. назначенъ былъ помощникомъ секретаря при директорѣ, но уже 5-го декабря того-же года перешелъ въ число чиновниковъ Московскаго военнаго генераль-губернатора князя Д. В. Голицына (при которомъ, съ марта 1823 г., служилъ и В. П. Зубковъ), а съ 7-го января по 19-е октября 1825 г. былъ засѣдателемъ во 2-мъ Департаментѣ Московскаго Надворнаго Суда (здѣсь, въ 1-мъ Департаментѣ, судьей былъ въ это время Пуцинъ, а засѣдателемъ — С. Н. Кашкинъ), послѣ чего опять состоялъ при князѣ Д. В. Голицынѣ. Въ концѣ 1834 или началѣ 1835 г. Пальчиковъ женился на Софьѣ Алексѣевнѣ Пещуровой, дочери Алексѣя Никитича Пещурова (род. 29-го апрѣля 1779, ум. 2-го сентября 1849 г.), подъ снисходительнымъ надзоромъ котораго, какъ Псковскаго губернскаго предводителя дворянства, находился нѣкоторое время (въ 1824 — 1826 гг.) сосланный въ Михайловское Пушкинъ, и которому впоследствии, уже въ качествѣ Псковскаго губернатора (1829 — 1839), пришлось распоряжаться погребеніемъ поэта. Въ 1840 г. Пальчиковъ, въ чинѣ статскаго совѣтника, былъ уже вице-директоромъ Департамента Министерства Юстиціи, гдѣ директоромъ былъ его товарищъ Б. К. Данзасъ. Въ этой должности Пальчиковъ и скончался. Въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1842 г. (№ 97) былъ напечатанъ краткій некрологъ его, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „Лѣта цвѣтушія, благородство чувствъ, умъ возвышенный и полезная дѣятельность на поприщѣ службы заставляли еще многого ожидать отъ него для отечества, для семейства, для друзей. Преждевременная его кончина пресѣкла сіи надежды, но память о немъ останется живою для всѣхъ тѣхъ, которые умѣли цѣнить его прекрасныя качества и рѣдкія дарованія“.

17-го іюня 1842 г. Б. К. Данзасъ писалъ А. Н. Пещурову изъ Петербурга: „Окончивъ оффиціальную часть письма (предложеніе Пещурову взять на себя сенаторскую ревизію Оренбургской губерніи), я прибавлю нѣсколько словъ, чтобы выразить живое участіе, которое я принималъ въ несчастіи, постигшемъ семейство Ваше; впрочемъ, кончина безцѣннаго Владиміра Петровича поразила меня самого до глубины сердца; по сіе

время, какъ въ первую минуту, не могу привыкнуть къ ужасной мысли, что мы его навсегда лишились. Нѣтъ обстоятельства въ службѣ и вообще по всѣмъ прочимъ свѣтскимъ и семейнымъ отношеніемъ, которое, напоминая о немъ, не возобновляло бы во всей силѣ сердечную грусть. Я въ немъ лишился лучшаго друга и считаю себя съ того времени какъ будто-бы осиротѣвшимъ. Лишившись его, я утѣшаю себя, однако же, мыслью, что Вы сохраните ко мнѣ то же доброе расположеніе, которое внушало Вамъ Владиміръ Петровичъ по добротѣ и дружбѣ ко мнѣ....“ На сестрѣ Пальчикова былъ женатъ 1-мъ бракомъ Мих. Ив. Пущинъ, братъ друга Пушкина (К. Я. Гротъ, „Ист. Вѣст.“ 1905, № 8, стр. 425).

48) Иванъ Николаевичъ Горсткннъ уже въ 1818 г. былъ, по словамъ доноса Бенкендорфа, однимъ изъ ревностнѣйшихъ членовъ тайнаго Общества (Шильдеръ, Имп. Александръ I, т. IV, стр. 210); онъ былъ принятъ въ Союзъ Благоденствія Александромъ Николаевичемъ Муравьевымъ („Русск. Стар.“ 1904, т. CXVIII, стр. 523); въ это время онъ служилъ въ л.-гв. Егерьскомъ полку, гдѣ въ 1820 году былъ подпоручикомъ; затѣмъ онъ жилъ въ Москвѣ, продолжая состоять членомъ тайнаго общества („Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX в.“, т. I, С.-Пб. 1905, стр. 294), въ которое былъ принятъ кн. Е. П. Оболенскимъ, и былъ, въ чинѣ титулярнаго совѣтника, совѣтникомъ Московскаго Губернскаго Правленія. Арестованный послѣ 14-го декабря, онъ сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости и, по окончаніи суда, былъ отправленъ отсюда 12-го іюля 1826 г. въ Вятку, вмѣстѣ съ С. М. Семеновымъ, ѣхавшимъ въ Тобольскъ (Записки Д. Н. Свербеева, т. II, М. 1899, стр. 361 и „Алфавитъ“ декабристовъ, стр. 198). Въ 1850-хъ годахъ онъ жилъ въ Москвѣ. По словамъ Н. С. Кашкина (сына декабриста), Горсткннъ былъ человѣкъ умный, но черствый, и товарищи относились къ нему холодно. Отрывки изъ его показаній приведены въ статьѣ Н. О. Дубровина: „Послѣ Отечественной войны“ въ „Русск. Стар.“ 1904 г., т. CXVIII, стр. 253 — 254. Въ „Алфавитѣ“ декабристовъ о немъ значится слѣдующее: „Въ 1818 г. былъ принятъ въ члены Союза Благоденствія, но въ 1820 году отсталъ отъ оного. Наконецъ въ 1825 г. поступилъ въ члены Управы, изъ старыхъ членовъ составленной въ Москвѣ Пущинымъ и Оболенскимъ, а потомъ въ Союзъ, подъ названіемъ практическаго, который учредилъ Пущинъ, замѣчая недѣятельность членовъ, и котораго цѣль состояла въ освобожденіи отъ подданства дворовыхъ людей, въ теченіе пяти лѣтъ, и въ поощреніи знакомыхъ своихъ послѣдовать сему примѣру, но дѣйствию его въ томъ никакихъ не было. Содержался въ крѣпости съ 24-го Генваря. По докладу Коммисіи 15-го іюня Высочайше повѣлено: продержавъ еще 4 мѣсяца въ крѣпости, отправить на службу въ Вятку, гдѣ и состоять ему подъ бдительнымъ тайнымъ надзоромъ мѣстнаго начальства, и ежемѣсячно доносить о поведеніи. О исполненіи сего писано Управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ“ (стр. 197 — 198).

49) Князь Петръ Дмитріевичъ Черкасскій (см. выше, примѣч. 16-е).

50) Князю Д. В. Голицыну.

51) См. выше, предисловіе, стр. 95-96.

52) Бориса Карловича Данзаса (см. выше, примѣч. 11-е).

53) Алексѣй Алексѣевичъ Тучковъ (род. 26-го декабря 1800, ум. около

1879 г.), племянникъ героя Отечественной войны, воспитывался въ Муравьевскомъ Училищѣ для колонновожатыхъ, а затѣмъ въ Московскомъ Университетѣ („Воспоминанія“ его дочери Н. А. Огаревой-Тучковой, М. 1908, стр. 6). Выйдя въ Генеральный Штабъ, Тучковъ сблизился съ И. И. Пущинымъ, А. А. Бестужевымъ, кн. Е. П. Оболенскимъ, Муравьевыми-Апостолами, М. М. Нарышкинымъ и другими и въ 1818 г. примкнулъ къ Сѣверному Обществу; во время возстанія 14-го декабря находился въ Москвѣ, по службѣ, былъ арестованъ и отвезенъ въ Петербургъ. „Послѣ допроса“, рассказываетъ Н. А. Тучкова-Огарева („Воспоминанія“, стр. 10), „отецъ громко сказалъ: Si vous voulez me mener à la forteresse, vous devrez m'y traîner de force, car je ne marcherai jamais de bon gré. Государь спросилъ, что это за шумъ; узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ приказалъ содержать отца въ Генеральномъ Штабѣ, гдѣ онъ просидѣлъ три или четыре мѣсяца“, послѣ чего вышелъ въ отставку и съ тѣхъ поръ почти безвыѣздно жилъ въ своемъ имѣннѣ Яхонтовѣ, Пензенской губерніи, въ 1830-хъ — 1840-хъ гг. состоя Инсарскимъ предводителемъ дворянства. Его дневникъ за время командировки въ Тульскую губернію, для топографическаго и статистическаго описанія Одоевского и Бѣлевскаго уѣздовъ, напечатанъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1900 г., № 8.

54) Федоръ Григорьевичъ Кальмъ, полковникъ (съ 28-го января 1816 г.), въ 1821 году былъ командиромъ 28-го Егерскаго полка, стоявшаго въ Кишиневѣ и входившаго въ составъ 2-й арміи; затѣмъ онъ командовалъ Одесскимъ полкомъ („Сб. Ист. Общ.“, т. 78), незадолго передъ тѣмъ вступивъ членомъ въ Союзъ благоденствія („Русск. Арх.“ 1866, ст. 1436); активнаго участія въ немъ Кальмъ, повидимому, не принималъ. Произведенный въ генераль-майору 30-го августа 1824 г., онъ былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи, но въ декабрѣ 1825 г. былъ арестованъ и привезенъ въ Петербургъ; по словамъ Д. И. Завалипина („Записки декабриста“, т. II, Мюнхенъ. 1904, стр. 35), послѣ ареста сидѣвшаго въ Зданіи Главнаго Штаба, въ комнатахъ квартиры Ө. К. Толя, тамъ, кромѣ него, собралось нѣсколько арестованныхъ: „полковой командиръ Кончаловъ, Грибоѣдовъ, бригадный генералъ Кальмъ, два брата Раевскіе, Сенявинъ, сынъ адмирала, Машинскій — Подольскій предводитель дворянства — и князь Шаховской. Если бы каждый не былъ занятъ серьезными мыслями, то можно даже бы сказать, что намъ было весело. Офицеръ, бывшій при насъ... сказалъ намъ: „Господа, дайте мнѣ только слово, что вы не уйдете, а то дѣлайте, что хотите“. Онъ самъ водилъ насъ чрезъ ходъ со двора въ кондитерскую Лорета, бывшую рядомъ съ домомъ Главнаго Штаба. Особенно часто водилъ меня.... и Грибоѣдова, игру котораго на фортепіано любилъ слушать. Мы помѣщались всегда, разумѣется, въ отдѣльной комнаткѣ; офицеръ былъ близкій знакомый въ кондитерской, и намъ все подавали изъ внутреннихъ комнатъ хозяевъ“ (см. также брошюру П. Е. Щеголева; „А. С. Грибоѣдовъ и декабристы“, С. Пб. 1904, стр. 23 — 24).

Какъ видно изъ письма П. Д. Киселева къ К. Я. Булгакову отъ 28-го апрѣля 1826 г., Кальмъ въ это время былъ уже освобожденъ (А. П. Заблоцкій-Десятовскій, „Графъ П. Д. Киселевъ и его время“, т. IV, С.-Пб. 1882, стр. 45), но и уволенъ отъ службы. Въ „Алфавитѣ“ декабристовъ о

немъ записано слѣдующее: „Принадлежалъ къ Союзу Благоденствія, но вскорѣ отсталъ и не участвовалъ въ Тайныхъ Обществахъ, возникшихъ съ 1821 года. Онъ подозрѣвался въ знаніи о существованіи Южнаго Общества по тому случаю, что подполк. Хотяницовъ сказалъ, будто бы Кальмъ, въ 1823 году, совѣтовалъ ему уклониться отъ Общества, но Кальмъ отвергъ сіе показаніе, и всѣ главные члены удостовѣрили, что со времени уничтоженія Союза Благоденствія Кальмъ не имѣлъ съ ними по Обществу никакого сношенія. Съ 14-го Генваря содержался подъ надзоромъ Дежурнаго Генерала. Высоч. приказомъ 18-го апрѣля 1826 г., по прошенію его, прежде 1-го Генваря поданному, уволенъ отъ службы за ранами, съ мундиромъ и пенсіономъ полного жалованія“ (стр. 276 — 277).

55) Николай Павловичъ Воейковъ, штабсъ-капитанъ л.-в. Московскаго полка, адъютантъ А. П. Ермолова, въ іюлѣ 1825 г. бывшій въ Петербургѣ („Русск. Стар.“ 1872 г., т. VI, стр. 521), по отзыву Ермолова — чело-вѣкъ „благороднѣйшихъ свойствъ“ (тамъ-же). На Кавказѣ онъ былъ со-служивцемъ декабриста А. И. Якубовича; нѣсколько писемъ его (1822—1823 г.) съ Кавказа къ А. А. Муханову напечатаны въ „Сборникѣ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ Музеѣ П. И. Щукина“ (ч. X, М. 1902, стр. 307 — 313). Воейковъ умеръ, будучи Медынскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, въ декабрѣ 1871 г. и оставилъ записки о своей службѣ на Кавказѣ, гдѣ онъ былъ съ 1816 г., и объ Ермоловѣ („Русск. Арх.“ 1873 г., кн. II, ст. 1484). Въ „Алфавитѣ“ декабристовъ о немъ отмѣчено слѣдующее: „Былъ взятъ по подозрѣнію о участіи въ мятежѣ 14 декабря и о принадлежности къ Кавказскому Тайному Обществу, о существованіи коего было сдѣлано показаніе княземъ Волконскимъ, со словъ Якубовича, съ которымъ онъ видѣлся на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ. По изслѣдованію оказалось, что въ Кавказскомъ корпусѣ тайнаго общества не существовало, и самъ Якубовичъ впоследствии объяснилъ, что онъ Волконскому говорилъ объ ономъ ложно, и спрошенные о Воейковѣ главные члены Сѣвернаго и Южнаго Обществъ отозвались, что онъ ни къ первому, ни къ послѣднему, а равно ни къ Союзу Благоденствія не принадлежалъ и въ мятежѣ не только не принималъ участія, но и не зналъ о предположеніи онаго. Содержался въ Главномъ Штабѣ. По Докладу комиссіи, по Высоч. повелѣнію освобожденъ 20 Февраля съ аттестатомъ“ (стр. 131—132).

56) Иванъ Петровичъ Липранди (род. 17-го іюля 1790, ум. въ Петербургѣ 9-го мая 1880 г., погребенъ на Волковомъ кладбищѣ), авторъ пѣнныхъ воспоминаній о Пушкинѣ и сочиненій по военной исторіи, участникъ войнъ 1806 — 1807 г. со шведами, 1812 и 1815 г. съ французами и 1828 — 1829 гг. съ турками; началъ службу въ 1807 г. колонновожатымъ въ свитѣ Е. В. по квартирмейстерской части, съ 1820 г., уже въ чинѣ полковника, служилъ въ Камчатскомъ, съ 1821 — въ Якутскомъ и съ апрѣля по ноябрь 1822 — въ 38-мъ егерьскомъ полкахъ, послѣ чего вышелъ въ отставку полковникомъ и состоялъ при гр. М. С. Воронцовѣ, а въ октябрѣ 1825 г. снова поступилъ въ квартирмейстерскую часть подполковникомъ (формуляръ). Въ 1820 — 1823 г. Липранди встрѣчался съ Пушкинымъ въ Кишиневѣ, гдѣ затѣмъ, несмотря на то, что состоялъ правительственнымъ тайнымъ агентомъ, былъ арестованъ — 11-го января 1826 г. (Записки Ф. Ф. Вигеля, ч. VII, М. 1893, стр. 82), однако Комитетомъ

былъ не только оправданъ, но 11-го мая 1826 г. получилъ Всемилостивѣйшее пожалованіе въ 2000 р. (формуляръ) и въ декабрѣ за отличіе произведенъ въ полковники. Прослуживъ до 1832 г., онъ былъ уволенъ генераль-маіоромъ, въ 1840 г. причисленъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, въ 1848 г. пожалованъ въ д. с. совѣтники, а съ 1856 г. по 1861 г. былъ причисленъ къ Департаменту удѣловъ, послѣ чего вышелъ въ отставку и въ 1864 г. переименованъ снова въ генераль-маіоры.

57) Александръ Павловичъ Воейковъ, до 1825 года служившій, какъ и его младшій братъ Николай (см. выше), въ л.-гв. Московскомъ, а затѣмъ — въ Измайловскомъ полку. Онъ подозрѣвался въ участіи въ заговорѣ, но, послѣ предварительнаго допроса, Николаемъ I былъ освобожденъ („Алфавитъ“ декабристовъ, стр. 130 — 131). У Зубкова былъ товарищъ по Училищу колонновожатыхъ Воейковъ, но который изъ братьевъ, неизвѣстно.

58) Комендантомъ Петропавловской крѣпости былъ въ это время Александръ Яковлевичъ Сукинъ (р. 1765, ум. 1887). Отъѣзды декабристовъ не въ пользу коменданта.

59) Зубковъ былъ помѣщенъ въ крѣпость по приказанію императора Николая, сдѣланному въ запискѣ къ Сукину отъ 21-го января: „Присылаемыхъ к. Шишкова, и г. Данзаса и Зубкова содержать подъ арестомъ такъ, какъ содержится Орловъ, но чтобъ отнюдь они другъ друга не видѣли“ (ж. „Былое“ 1906 г., № 5, май, стр. 204).

60) Е. М. Подушкинъ (род. въ 1774) былъ крѣпостнымъ плацъ-маіоромъ уже въ 1818 г., въ чинѣ маіора, а въ 1825 г. былъ полковникомъ. По словамъ одного изъ декабристовъ, „вся наружность его чрезвычайно какъ походила на того палача, разъ мною видѣннаго рано утромъ, когда я стоялъ въ караулѣ на Сѣнной площади, проѣхавшаго мимо на роспускахъ на конную площадь съ своею жертвою и съ однимъ будочникомъ. Подушкинъ, всегда поддержанный порядочно дозою водки, имѣлъ всегда красное лицо, всегда звѣриное. Онъ всегда готовъ былъ воспользоваться чужою собственностію, считая арестантовъ, какъ отпѣтыхъ, и злоупотребленіямъ его не было конца, чему могъ свидѣтельствовать столь нашъ, наисквернѣйшій, какой только могъ быть“. Черезъ нѣсколько лѣтъ Подушкинъ, за крупную взятку съ одного заключеннаго, былъ удаленъ со службы въ крѣпости („Воспоминанія о Кронверкской куртінѣ. Изъ записокъ декабриста“ въ книгѣ: „Тайное общество и 14 Декабря 1825 г. въ Россіи“, изд. 2-е, Лейпц., стр. 289 — 290).

61) Ольга Васильевна Зубкова, родившаяся 25-го марта 1825 года; въ послѣдствіи была за Вячеславомъ Дмитріевичемъ Евреиновымъ.

62) Для „увѣщаній“ декабристовъ Комитетъ пользовался услугами двухъ священниковъ: протоіерея Петропавловскаго крѣпостнаго собора о. Стахія и священника Казанскаго собора Петра Николаевича Мысловскаго. Къ Зубкову приходилъ, конечно, не Мысловскій, которому въ это время было 47 лѣтъ, а о. Стахій, по словамъ И. Д. Якушкина, человекъ „старый и бѣлый, какъ лунь“. Бесѣда его съ Якушкинымъ была также, какъ и съ Зубковымъ, безрезультатна и ни той, ни другой сторонѣ не доставила удовлетворенія („Записки И. Д. Якушкина“, М. 1906, стр. 87 — 88).

63) О томъ-же свидѣтельствуется и Н. В. Басаргинъ въ своихъ „Запискахъ“ („Деятнадцатый Вѣкъ“, кн. II).

64) Александръ Ивановичъ Татищевъ (род. 8-го августа 1768, ум. 17-го июня 1833 г.), военный министръ съ 12-го декабря 1824 по 27-е августа 1827 г., предсѣдатель Слѣдственной комиссіи, за участіе въ ней возведенный, въ день коронаціи Николая I, въ графское достоинство.

65) Александръ Ивановичъ Чернышевъ (род. 1786, ум. 1857), членъ Слѣдственной Комиссіи, за труды въ ней возведенный, въ день коронаціи Николая I, въ графское достоинство, затѣмъ — князь (1841), свѣтлѣйшій князь (1849), военный министръ, предсѣдатель Государственного Совѣта.

66) Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ (р. 1783, ум. 1844), генераль-адъютантъ, съ іюля 1826 г. шефъ жандармовъ, съ 1832 г. — графъ, достаточно извѣстный своими отношеніями къ Пушкину. Онъ отличился во время подавленія возстанія 14-го декабря и получилъ рядъ наградъ: орденъ Александра Невскаго (25-го декабря 1825 г.), табакерку съ портретомъ Николая I и званіе сенатора (1826).

67) В. К. Михайлъ Павловичъ, членъ Комиссіи.

68) По словамъ Д. И. Завалишина („Записка“, Мюнхенъ. 1904, т. I, стр. 368), Бенкендорфъ и Чернышевъ были „главными дѣйствовавшими лицами въ Комитетѣ“ и, проявляя особенную ревность и усердіе въ допросахъ, „дѣйствовали совершенно недобросовѣстно и обращались вообще грубо“. Другой декабристъ, баронъ В. И. Штейнгель, по поводу процедуры суда и всей его обстановки, писалъ въ своихъ Запискахъ: „Слуги новаго властителя всегда бываютъ чрезмѣрно усердны въ угодность порывамъ гнѣва его: и рвать готовы. Въ XIX вѣкѣ Комитетъ генераль-адъютантовъ, вмѣщавшій царскаго брата, принялъ обряды инквизиціи! Присутствіе въ домѣ коменданта открывалось ночью. Къ допросамъ водили подъ покрываломъ, накидывая на лицо платокъ. По приводѣ въ передній залъ сажали за ширмы, поставленныя въ двухъ углахъ, со словами: „можете теперь открыться“. Въ этомъ ожиданіи за ширмами было слышно, какъ расхаживали по залу плацъ-адъютанты, жандармы, аудиторы, вообще — вся военная субалтерія; стучали шпорами, рассказывали анекдоты дня, театральныя замѣчанія и хототами, показывая полное безучастіе къ страдальцамъ. Можетъ быть, такъ было и приказано; а никакой приказъ подобными людьми такъ хорошо не исполняется. — Пишущій это черезъ 27 лѣтъ съ трепетнымъ сердцемъ вспоминаетъ, какъ въ одинъ изъ такихъ сеансовъ могъ видѣть чрезъ замѣченную въ ширмахъ дырочку, что изъ-за другихъ ширмъ вывели за руку товарища страданія, съ завязанными назадъ руками и съ ножнымъ желѣзнымъ пруткомъ, такъ что онъ могъ едва двигаться. Едва-ли то былъ не Рылѣевъ. — Когда надобно было вестъ въ присутствіе, плацъ-маіоръ опять накидывалъ платокъ на голову и вводилъ за руку, какъ слѣпого! При этомъ царствовала глубокая тишина. Когда введеннаго останавливали, раздавался басъ: „откройте!“ — и приведенный видѣлъ себя предъ самымъ столомъ этого ареопага. — Думали поражать важностью засѣдающаго сонма и производили впечатлѣніе, совсѣмъ тому противное“ („Обществ. движенія въ Россіи въ первую половину XIX в.“, стр. 450). Та-же система

запугиванія, издѣвательства и вообще недобросовѣстности, которую при-мѣняли Бенкендорфъ, напр., къ кн. С. П. Трубецкому („Записки декабристовъ“, в. II и III, Лонд. 1868, стр. 29), видна и въ допросѣ В. П. Зубова, переданномъ имъ со стенографическою точностью.

69) Пав. Ив. Колошинъ, какъ сказано было выше (примѣч. 6-е), женился въ апрѣлѣ 1824 г. на графинѣ Александрѣ Григорьевнѣ Салтыковой.

70) Намъ ничего не извѣстно объ этой Справочной конторѣ.

71) Т. е. Надворнаго Суда.

72) Родители И. И. Пущина были: Иванъ Петровичъ (ум. 7-го октября 1842 г., на 88 году, въ чинѣ генераль-лейтенанта и званіи сенатора) и Александра Михайловна, рожд. Рябинина (ум. въ 1841 г.; К. Я. Гротъ, „Ист. Вѣст.“ 1906, № 8, стр. 425), у которыхъ было еще три сына и шесть дочерей.

73) Жанъ-Луи Делольмъ (р. 1740, ум. 1806 г.), швейцарскій публицистъ, долго проживавшій въ Англіи, авторъ многихъ работъ по вопросамъ государственнаго права, среди которыхъ главное мѣсто занимаетъ его сочиненіе „Constitution de l'Angleterre“, много разъ переиздававшееся и переведенное на англійскій и нѣмецкій языки.

74) Жанъ-Батистъ Сэй (р. 1767, ум. 1832), французскій экономистъ, послѣдователь идей А. Смита, оставилъ много сочиненій по политической экономіи.

75) Сисмонди (р. 1773, ум. 1842), историкъ и наследователь социаль-ныхъ и политико-экономическихъ вопросовъ, авторъ сочиненія „Nouveaux principes de l'économie politique, ou de la richesse dans ses rapports avec la population“.

76) Экспедитора Гражданской канцеляріи Московскаго Генераль-губернатора.

77) Липо, намъ неизвѣстное.

78) Вѣроятно, Василій Ивановичъ Даниловъ, служившій въ это время на С.-Петербургскомъ Монетномъ Дворѣ смотрителемъ по плавлѣ мѣди и лаборантомъ въ лабораторіи раздѣленія золота отъ серебра; но онъ въ 1824—1827 гг. былъ уже оберъ-бергмейстеромъ 7-го класса, а не оберъ-гиттенфервальтеромъ (Мѣсяцесловъ). Онъ умеръ 23-го іюня 1848 г., на 63 г., въ чинѣ генераль-маіора Корпуса Горныхъ инженеровъ.

79) Александръ Ивановичъ Якубовичъ, декабристъ перваго разряда. Началъ службу въ л.-гв. Уланскомъ полку юнкеромъ и 20-го декабря 1816 г. произведенъ въ корнеты, но въ 1818 г., 20-го января, „за неприличный поступокъ“ (какъ значитса въ приказѣ) переведенъ былъ прапорщикомъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ (П. О. Бобровскій, Исторія Л. гв. Уланскаго полка, прил. ко 2-му тому, С.-Пб. 1903, стр. 306). Неприличный поступокъ Якубовича состоялъ въ участіи его въ дуэли гр. А. П. Завадовскаго съ В. А. Шереметевымъ (1817 г.), на которой послѣдній былъ убитъ; замѣшанный въ это дѣло Грибоѣдовъ вызвалъ Якубовича, и дуэль ихъ состоялась позже, въ Тифлисѣ, въ октябрѣ 1818 г., при чемъ Грибоѣдовъ былъ раненъ въ лѣвую ладонь. „На Кавказѣ, говорить И. И. Пущинъ, онъ служилъ отлично; Ермоловъ не разъ давалъ ему очень важныя и весьма опасныя порученія. Онъ тамъ прославился смѣлыми своими набѣгами на горцевъ. Спусти 12 лѣтъ Розень, одинъ

изъ нашихъ (Андрей Евгеневичъ)... переведенный... на Кавказъ, писалъ оттуда, что многіе линейные казаки еще помнятъ Якубовича и рассказываютъ про его удалые подвиги“ (И. И. Пущинъ, „Четырнадцатое декабря“ въ книгѣ: „Тайное общество и 14 декабря 1825 г.“, изд. 2-е, Лейпц., стр. 16). Во время одного изъ такихъ набѣговъ, въ августѣ 1823 г., Якубовичъ былъ раненъ въ голову („Сборн. Старинныхъ бумагъ, хранящихся въ Музеѣ П. И. Щукина“, ч. X, М. 1902 г. стр. 11 и 12), почему съ тѣхъ поръ всегда носилъ повязку. Приѣхавъ лѣтомъ 1825 г. въ Петербургъ, онъ, не вступая, собственно, въ общество, предложилъ членамъ его свои услуги, такъ какъ питалъ личную ненависть и неудовольствіе къ Александру I (за переводъ изъ гвардіи) „и въ 17-ти дневный періодъ (между царствія) члены тайнаго общества убѣждены были, что при возможности онъ себя покажетъ“ („Записки барона В. И. Штейнгеля“, стр. 448). Но, какъ дѣятель, Якубовичъ не внушалъ довѣрія: по словамъ Пущина, онъ „былъ великій хвастунъ и при всякомъ случаѣ отпускалъ самыя отчаянныя фразы, не имѣя при томъ никакого политическаго убѣжденія“ („Тайное общество и 14 декабря 1825 г.“, стр. 16). Во время возстанія 14-го декабря онъ велъ себя весьма странно: привелъ на Сенатскую площадь Московскій полкъ, Якубовичъ сказалъ А. А. Бестужеву, что „чувствуетъ сильную головную боль и исчезъ съ площади... Потомъ онъ стоялъ въ толпѣ около императора, съ какою цѣлью — никому не извѣстно“ (тамъ же, стр. 17). По приговору Суда онъ былъ обвиненъ въ томъ, что „умышлялъ на царевѣйство съ вызовомъ на лишеніе жизни покойнаго государя и сверхъ того предложилъ бросить жребій на убіеніе нынѣ царствующаго императора; былъ на совѣщаніяхъ общества и зналъ его тайны относительно бунта, хотя и не былъ принятъ въ оное, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ“ и т. д. Приговоренный къ смертной казни, онъ былъ сосланъ въ Нерчинскіе рудники, а затѣмъ жилъ около Иркутска; въ 1842 г. его видѣлъ Н. А. Бѣлоголовый, по словамъ котораго Якубовичъ „былъ высокій, худощавый и очень смуглый человекъ, съ живыми черными глазами и большими усами; всѣ движенія его были полны живости и энергіи“ („Воспоминанія“, изд. 3-е, М. 1898, стр. 4-5). Онъ умеръ въ Енисейскѣ 10-го сентября 1845 г. („Записки А. Е. Розена“, Лейпц. 1870). Якубовичъ оставилъ записки, но онѣ до сихъ поръ не изданы и не извѣстно, гдѣ находятся (газета „Россія“ 1901 г., № 870).

80) Степанъ Дмитріевичъ Нечаевъ (род. 18-іюля 1792, ум. 5-го сентября 1860), въ 1824 г. (9-го января) изъ директоровъ училищъ Тульской губерніи былъ переведенъ въ Канцелярію Московскаго Военнаго генераль-губернатора „для особыхъ порученій“, гдѣ въ это время въ томъ-же званіи былъ и Зубковъ. Нечаевъ былъ женатъ на Софьѣ Сергѣевнѣ Мальпдовой; въ молодости, въ 1820-хъ гг., онъ сотрудничалъ въ различныхъ журналахъ и альманахахъ и былъ членомъ Общества любителей Россійской словесности; впоследствии оберъ-прокуроръ Синода, сенаторъ и д. тайн. совѣтникъ.

81) Князь Сергѣй Петровичъ Трубецкой (ум. въ Москвѣ 22-го ноября 1860 г.), полковникъ л-гв. Преображенскаго полка, дежурный штабъ-офицеръ 4-го пѣхотнаго корпуса, декабристъ перваго разряда; управлялъ дѣлами Сѣвернаго Общества (вмѣстѣ съ Никитою Муравьевымъ и кн.

Е. П. Оболенскимъ). На собраніи декабристовъ у Рылѣва 12-го декабря было рѣшено на время возстанія „ввѣрить начальство надъ войскомъ князю Трубецкому, если къ тому времени не прибудеть изъ Москвы М. Ѳ. Орловъ“ (Записки бар. А. Е. Розена, стр. 86). Однако, Трубецкой не рѣшился взять на себя командованіе въ критическій моментъ: „узнавши, что Московскій полкъ пришелъ на сборное мѣсто, диктаторъ совершенно потерялся и, присягнувши въ штабъ Николаю Павловичу, онъ потомъ стоялъ съ его свитой“ (И. И. Пущинъ, Четырнадцатое декабря, стр. 28—29). Отнесенный къ первому разряду декабристовъ, онъ былъ сосланъ въ каторжныя работы въ Нерчинскіе рудники; за нимъ, первая изъ женъ декабристовъ, послѣдовала его жена, Наталья Ивановна, рожд. гр. Лаваль. Кн. С. П. Трубецкой оставилъ записки, вошедшія въ серію „Записокъ декабристовъ“ (вып. II—III, Лондонъ, 1863).

82) Князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій (род. 1788, ум. 28-го ноября 1868 г.), декабристъ перваго разряда, авторъ извѣстныхъ „Записокъ“.

83) Слѣдственная Коммиссія съ особою тщательностью разслѣдовала этотъ вопросъ, надѣясь найти поводъ къ сверженію нелюбимаго Николаемъ I Алексѣя Петровича Ермолова, главнокомандующаго въ Грузіи. См. выше, стр. 177, въ примѣч. 55-мъ.

84) Сергѣй Сергѣевичъ Кушниковъ (р. 1765, ум. 1839 г.), родной, по матери, племянникъ исторіографа Карамзина, съ 1807 г. сенаторъ, съ 1-го іюня 1826 г. — членъ Верховнаго уголовного суда надъ декабристами. По словамъ Карамзина, „Россія можетъ гордиться такимъ сенаторомъ, а человѣчество — такимъ человѣкомъ“. Кушниковъ умеръ въ званіи предсѣдателя одного изъ департаментовъ Государственнаго Совѣта; о немъ см. „Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ“, т. II.

85) Денисъ Васильевичъ Давыдовъ (р. 1784, ум. 1839), извѣстный партизанъ, поэтъ и военный писатель; въ „Сочиненіяхъ Д. В. Давыдова“, изд. 1893 г., т. III, стр. 156—160, напечатано четыре письма Давыдова къ Якубовичу (1824—1825 гг.).

86) О родителяхъ Якубовича мы не могли отыскать никакихъ указаній.

87) Собраніе декабристовъ происходило у Рылѣва и Оболенскаго 12-го декабря, утромъ и вечеромъ, и 13-го декабря вечеромъ, снова у Рылѣва, въ домѣ Россійско-Американской Компаніи.

88) Есть, однако, противоположное указаніе одного изъ декабристовъ („Воспоминанія о Кронверкской куртинѣ“ въ книгѣ „Тайное общество и 14 декабря 1825 г. въ Россіи“, изд. 2-е, Лейпц., стр. 293); по его словамъ, Пестель передъ казнью „говорилъ очень тихо: онъ былъ послѣ болѣзни, испытавши всѣ возможныя истязанія и пытки временъ перваго христіанства. Два кровавые рубца на головѣ были свидѣтелями этихъ пытокъ. Полагать должно, что желѣзный обручъ, крѣпко свинченный на головѣ, съ двумя вдавленными глубокими жолобами, оставилъ на головѣ его свои глубокіе два кровавые рубца“. Другой декабристъ, баронъ В. И. Штейнгель, говоря, въ своихъ „Запискахъ“, что *пытокъ* при допросахъ не употребляли, пишетъ, что слѣдователи „дозволяли себѣ для вынужденія сознанія налагать желѣза на руки и на ноги и опредѣлять въ діету хлѣбъ

и воду; какъ будто это не то же. Прибавьте къ этому содержаніе въ смраднѣхъ, нечистѣхъ „номерахъ“, наполненныхъ всякаго рода насѣкомыми. Въ нихъ страдальца отдѣляла одна брусовая, со сквозными пазами, перегородка, отъ инвалидовъ, на ночь тоже запираемыхъ.... и скажите, что это—не пытка“ (Записки Бар. В. И. Штейнгеля въ изд. „Обществ. движенія“ и т. д., т. I, стр. 450 — 451).

89) Князь Александръ Петровичъ Барятинскій (р. 1798 г.), штабсъ-ротмистръ л.-гв. Гусарскаго полка, адъютантъ главнокомандующаго 2-ю арміей гр. Витгенштейна, былъ членомъ Южнаго общества и, отнесенный къ 1-му разряду декабристовъ, былъ заключенъ въ Кексгольмскую крѣпость, потомъ сосланъ въ каторжные работы, а затѣмъ поселенъ (1840 г.) въ Тобольскѣ, гдѣ и умеръ 19-го августа 1844 года (см. А. И. Дмитриевъ-Мамоновъ, Декабристы въ Западной Сибири, изд. 2-е, С.-Пб. 1905).

90) Павелъ Ивановичъ Пестель, глава заговора декабристовъ, казненный 13-го іюля 1826 г.

91) Князь Петръ Николаевичъ Барятинскій, титулярный совѣтникъ, умеръ въ концѣ 1827 или въ началѣ 1828 г., оставивъ дочерей: Варвару, дѣвицу, и Екатерину, бывшую въ замужествѣ за подпоручикомъ Мануковымъ („Моск. Вѣд.“ 1828 г., № 16, стр. 695).

93) Андрей Ивановичъ Сабуровъ (род. 30-го іюля 1797, ум. 13-го февраля 1866 г.), впоследствии директоръ театровъ, оберъ-гофмаршалъ; адъютантъ военнаго министра А. И. Татищева (съ 11-го декабря 1823 до 8-го ноября 1827 г., когда былъ переведенъ полковникомъ въ Елизаветградскій гусарскій полкъ), штабсъ-ротмистръ л.-гв. Гусарскаго полка.

94) Алексѣй Павловичъ Ушаковъ (р. 1795, ум. въ іюлѣ 1882 г.), капитанъ л.-гв. Егерскаго полка, адъютантъ В. К. Михаила Павловича (1819 — 1827), съ 1828 г. въ д. шталмейстера двора Великаго Князя, впоследствии тайн. сов., шталмейстеръ Высочайшаго Двора.

96) Михайлъ Ивановичъ Пущинъ (р. 1800, ум. 25-го мая 1869 г.), родной братъ И. И. Пущина, началъ службу въ 1-мъ саперномъ батальонѣ, изъ котораго былъ переведенъ (1818) въ л.-гв. саперный батальонъ, а затѣмъ (11-го февраля 1819 г.) — въ л.-гв. конно-піонерный эскадронъ („Исторія л.-гв. Сапернаго батальона“, С.-Пб. 1897) и въ 1824 г. былъ уже капитаномъ. По приговору Верховнаго уголовного суда, былъ отнесенъ къ десятому разряду и за то, что „зналъ о приготовленіи къ мятежу, но не донесъ“, былъ лишенъ чиновъ и дворянства и написанъ въ солдаты до выслуги. Сосланный въ Сибирь, онъ былъ потомъ переведенъ на Кавказъ, гдѣ отличался своими выдающимися способностями, знаніями и храбростью во время войны въ Азіатской Турціи въ 1828 и 1829 гг. Здѣсь, въ лагерѣ Паскевича, Пущинъ встрѣтилъ у Н. Н. Раевского только-что пріѣхавшаго Пушкина, о свиданіи и жизни котораго онъ оставилъ любопытную и цѣнную записку, напечатанную Л. Н. Майковымъ (см. его книгу „Пушкинъ“, С.-Пб. 1899, стр. 385 — 396). Объ этомъ же свиданіи находимъ указаніе въ письмѣ М. И. Пущина къ брату Ивану Ивановичу изъ Кисловодска отъ 25-го августа 1829 г.: „Время здѣсь провожу довольно пріятно“, писалъ онъ. „Лицейской твоей товарищъ Пушкинъ, который съ пикой въ рукахъ слѣдилъ Турокъ передъ Арzurомъ, по взятіи онаго возвратился отъ туда и пріѣхалъ ко мнѣ на воды — мы

вмѣстѣ пьемъ по нѣсколько стакановъ кислой воды и по двѣ ванны принимаемъ въ день — разумѣется часто о тебѣ вспоминаемъ — онъ любитъ тебя постарому и надѣется, что и ты сохраняешь къ нему то-же чувство“ („Шукинскій Сборникъ“, вып. III, М. 1904, стр. 324). Впослѣдствіи Пущинъ былъ д. с. совѣтникомъ, а затѣмъ генераль-маіоромъ и комендантомъ Бобруйской крѣпости. Съ 1831—1834 г. Пущинъ былъ женатъ (1-мъ бракомъ) на С. П. Пальчиковой, сестрѣ друга Зубкова, В. П. Пальчикова (см. выше, стр. 175) (К. Я. Гротъ, „Ист. Вѣстн.“ 1905, № 8, стр. 425 и сл., гдѣ приведены выдержки изъ Записокъ М. И. Пущина).

97) Гавріиль Степановичъ Батенковъ (р. въ Томскѣ 25-го марта 1793, ум. 29-го октября 1863 г. въ Калугѣ и погребенъ въ имѣніи помѣщичицы Елагинной), одинъ изъ даровитѣйшихъ людей своего времени, сотрудникъ Сперанскаго по его дѣятельности въ Сибири, гдѣ онъ управлялъ X округомъ путей сообщенія; подполковникъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, членъ Сѣвернаго общества, декабристъ третьяго разряда, былъ приговоренъ къ каторжной работѣ на 20 лѣтъ, но вмѣсто этого, по особому повелѣнію Николая I, былъ продержанъ эти 20 лѣтъ въ одиночномъ заключеніи въ форгѣ Свартгольмѣ, на Аландскихъ островахъ, а затѣмъ—въ Алексѣевскомъ рavelинѣ, послѣ чего, уже въ 1846 г. сосланъ въ Томскъ на поселеніе. „Одиночество сильно на него подѣйствовало, но здоровье выдержало это тяжелое испытаніе, — онъ и мыслію теперь начинаетъ освѣжаться“, писалъ И. И. Пущинъ Д. И. Завалишину 24-го апрѣля 1848 г. („Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ Музеѣ П. И. Шукина, ч. X, М. 1902, стр. 291). Въ Томскѣ Батенковъ прожилъ до амнистіи декабристовъ въ 1856 году, а затѣмъ выѣхалъ въ Россію. О Батенковѣ см. „Русскій Архивъ“ 1881 г., кн. 2, „Русск. Стар.“ 1889 г., т. LXIII и книгу А. И. Дмитріева-Мамонова: „Декабристы въ Западной Сибири“, изд. 2-е, С.-Пб. 1905.

98) Евдокія Петровна Алмазова, жена Николая Петровича (р. 1783, ум. 1864 г.), мать поэта-юмориста Бориса Николаевича Алмазова (р. 1827, ум. 1876 г.); о ней нѣкоторыя свѣдѣнія находятся въ біографіи ея сына (см. Сочиненія Б. Н. Алмазова, т. I, М. 1892).

99) В. К. Михайлъ Павловичъ.

100) Князю Д. В. Голицыну, Московскому Военному генераль-губернатору.

101) Въ Харьковѣ, по доносу Шервуда, были арестованы два члена тайнаго общества: графъ Яковъ и племянникъ его графъ Андрей Булгари, а также графъ Николай Булгари, поручикъ лейбъ-кирасирскаго полка („Русск. Стар.“ 1897 г., т. LXXXIX, стр. 203—211); послѣдній былъ, дѣйствительно, членомъ Южнаго общества, отнесенъ былъ къ седьмому разряду преступниковъ и, по молодости его лѣтъ, приговоренъ къ крѣпостной работѣ на два года, а затѣмъ переведенъ на Кавказъ. Одного изъ первыхъ, вѣроятно и видѣлъ В. П. Зубковъ.

102) Александръ Дмитріевичъ Боровковъ (род. 10-го іюня 1788, ум. 21-го ноября 1856 г.), писатель, одинъ изъ основателей Общества любителей россійской словесности (1817 г.), составитель проекта образованія Слѣдственной Коммиссіи для изысканія о злоумышленныхъ обществахъ и правитель ея дѣль. Его біографія, а также весьма цѣнные Записки, въ

которыхъ много говорится и о декабристахъ, напечатаны въ „Русской Старинѣ“ 1898 г., № 9 — 12.

103) Екатерина Владиміровна Апраксина, рожд. кн. Голицына, воспитательница свояченицы В. П. Зубкова, С. Ѳ. Пушкиной, впоследствии Паниной; о ней см. въ предисловіи.

104) Софья Ѳедоровна Пушкина, воспитанница Е. В. Апраксиной, въ 1827 г. вышедшая за-мужъ за Валеріана Александровича Панина; см. выше, стр. 104 — 107.

105) Иванъ Ѳедоровичъ Пушкинъ (род. въ 1799, ум. 8-го іюня 1834 г.), шуринъ В. П. Зубкова; воспитывался съ 1812 г. въ Пажескомъ корпусѣ, откуда выпущенъ былъ въ 1818 г. прапорщикомъ въ Бородинскій пѣхотный полкъ, а въ 1821 году переведенъ былъ въ л.-гв. Павловскій полкъ съ назначеніемъ адъютантомъ къ начальнику штаба гвардейскаго корпуса генераль-адъютанту Нейдгардту; въ 1826 г. Иванъ Ѳедоровичъ былъ переведенъ въ Семеновскій полкъ и, оставаясь при Нейдгардтѣ, въ 1828—1829 г. былъ въ Турецкой кампаніи и находился при осадѣ и взятіи Варны. 14-го декабря 1825 г. Пушкинъ былъ, въ рядахъ Павловскаго полка, на Дворцовой и Исаакіевской площадяхъ и 15-го декабря, въ числѣ прочихъ, получилъ Высочайшую признательность „за примѣрный порядокъ, усердіе и точность въ исполненіи Высочайшихъ повелѣній“. Произведенный въ 1831 г. въ штабсъ-капитаны, онъ въ 1832 г. назначенъ состоять по арміи, затѣмъ находился въ Коммиссаріатскомъ штатѣ и умеръ въ чинѣ маіора въ Москвѣ, гдѣ и погребенъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, недалеко отъ могилъ С. Ѳ. и В. А. Паниныхъ. По словамъ А. Я. Булгакова, П. былъ женатъ на Боборыкиной („Русск. Арх.“ 1906, № 7, стр. 420).

106) Вѣроятно, князь Александръ Борисовичъ Черкасскій (ум. 3-го іюля 1830), въ 1823 — 1829 гг. служившій, въ званіи камеръ-юнкера, при Московскомъ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ; двоюродный братъ князя П. Д. Черкаскаго (см. примѣч. 16-е). Въ „Алфавитѣ“ декабристовъ его нѣтъ.

107) Здѣсь разумѣется, вѣроятно, Иванъ Николаевичъ Тютчевъ (ум. 1846 г.), отецъ поэта Ѳ. И. Тютчева и Николая Ивановича Тютчева (род. 9-го іюня 1801, ум. 8-го декабря 1870), товарища В. П. Зубкова по выпуску изъ училища колонновожатыхъ, гдѣ одновременно съ ними окончилъ курсъ и родной племянникъ Ивана Николаевича — Алексѣй Васильевичъ Шереметевъ (р. 1800, ум. 1857), на сестрѣ котораго, Анастасіи Васильевнѣ (р. 1806, ум. 1846), былъ женатъ Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ.

108) Графъ (съ 1825 г.) Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ (р. 1787, ум. 1862), впоследствии князь, братъ Михаила Ѳедоровича Орлова (см. примѣч. 2-е), съ 1820 г. — генераль-адъютантъ, съ 1835 г. — членъ и съ 1856 г. предсѣдатель Государственнаго Совѣта; въ 1844 г. послѣ смерти Бенкендорфа, назначенъ начальникомъ III отдѣленія и шефомъ жандармовъ.

109) Князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ (р. 1787, ум. 1869), въ это время генераль-маіоръ Свиты Его Величества по квартирмейстерской части, впоследствии (съ 1828) морской министръ, начальникъ Главнаго Морского штаба, главнокомандующій въ Крыму (1853 — 1855), членъ Государственнаго Совѣта.

110) Илья Степанович Сарачинскій (р. 1786, ум. 1845 г.)—въ это время уже отставной генераль-маіоръ, жившій въ Москвѣ; онъ былъ женатъ на дочери фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго—Екатерины Михайловнѣ (р. 1787, ум. 31-го декабря 1826 г.), бывшей въ 1-мъ бракѣ за княземъ Николаемъ Даниловичемъ Кудашевымъ (ум. 1813).

111) Графъ (съ 1832 г.) Павелъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ (р. 1772, ум. 1843) былъ назначенъ С.-Петербургскимъ генераль-губернаторомъ послѣ того, какъ гр. М. А. Милорадовичъ былъ убитъ Каховскимъ во время возстанія 14-го декабря.

112) Князь Евгенийъ Петровичъ Оболенскій (ум. въ Калугѣ 26-го февраля 1865 г.), поручикъ л.-гв. Финляндскаго полка, декабристъ перваго разряда; былъ въ каторжныхъ работахъ, затѣмъ — на поселеніи въ Иркутскѣ, Туринскѣ и Ялуторовскѣ, откуда въ 1856 г. вернулся въ Россію. Его „Воспоминанія“ напечатаны въ „Русскомъ заграничномъ сборникѣ“ (ч. IV, тетр. V, Лейпцигъ. 1861). Князь Е. П. Оболенскій былъ двоюроднымъ братомъ пріятеля В. П. Зубкова—С. Н. Кашкина (см. выше, примѣч. 12-е). Его показаніе на Зубкова см. выше, стр. 97.

113) Мать В. П. Зубкова — Наталья Петровна, рожд. Евреинова (р. 16-го апрѣля 1775, ум. 5-го іюня 1845 г.).

Къ стр. 95. На группѣ пріятелей И. Н. Горсткйнъ узналъ С. А. Панчулидзевымъ,

---

Григорій Александровичъ Пушкинъ.

Род. 14-го мая 1835 † 5-го августа 1905.

(Личныя воспоминанія).

Г. А. Пушкинъ, младшій сынъ поэта, воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, откуда вышелъ корнетомъ въ л.-гв. Конный полкъ въ 1853 г. Прослуживъ въ полку до 1860 г., онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ командиру отдѣльнаго Гвардейскаго корпуса, затѣмъ въ 1862 г. переведенъ въ вѣдомство Министерства Внутреннихъ Дѣлъ съ зачисленіемъ по армейской кавалеріи подполковникомъ, въ 1866 г. переименованъ въ надворные, а въ 1867 г. произведенъ въ коллежскіе совѣтники. Въ декабрѣ 1875 г. Г. А. былъ утвержденъ почетнымъ мировымъ судьей по Опочецкому уѣзду Псковской губ., а въ 1895 г. уволенъ отъ службы по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ съ производствомъ, въ февралѣ 1896 г., въ статскіе совѣтники.

Вотъ официальное прохожденіе службы Григорія Александровича.

Лично мнѣ пришлось познакомиться съ нимъ въ 1869 году. Проведя все дѣтство и значительную часть юности въ Тригорскомъ, среди свѣтлыхъ воспоминаній, тогда еще столь живыхъ, о поэтѣ; постоянно слушая

разказы о немъ моихъ родственницъ по матери — Маріи Ивановны Осиповой и Екатерины Ивановны Фокъ, приходящихся мнѣ бабушками, я не могъ не интересоваться Григоріемъ Александровичемъ, который сперва бывалъ въ Михайловскомъ наѣздомъ, на лѣто, а съ 1866 г. пріѣхалъ на постоянное жительство въ Михайловское, которое хотя и принадлежало роду Пушкиныхъ давно, но досталось ему не по наслѣдству, а было имъ пріобрѣтено при раздѣлѣ.

13-ти лѣтъ, въ 1869 году, я впервые попалъ въ Михайловское и съ тѣхъ поръ каждое лѣто почти что жилъ тамъ, бывая или почти ежедневно, или проводя тамъ по нѣсколько дней подрядъ (разстояніе между Тригорскимъ и Михайловскимъ около 2½ верстъ).

Домъ, село и вообще все хозяйство имѣнія были приведены въ порядокъ самимъ Григоріемъ Александровичемъ, занимавшимся этимъ дѣломъ съ любовью. На моей памяти собственно и выросло все село, и обстроилось, заведены были хорошія службы, насаженъ небольшой фруктовый садъ и заведена небольшая оранжерея. Изъ построекъ, уцѣлѣвшихъ отъ временъ дѣда и отца Григорія Александровича, къ нему перешелъ только небольшой флигелекъ, стоящій на углу квадратнаго двора, занятаго посерединѣ круглымъ садикомъ, тоже разведеннымъ имъ самимъ. Все это было выстроено постепенно втеченіе болѣе 20 лѣтъ времени. Великолѣпный видъ съ балкона на ближнее Петровское озеро и протекающую черезъ него р. Сороть, съ заливными лугами и холмами вдали, ограничивающими рѣчную долину, дополняется съ другой стороны села видомъ на большой, многолѣтній сосновый боръ, подошедшій почти что къ самой оградѣ села. Этотъ лѣсъ былъ предметомъ особенной заботливости Григорія Александровича, очень бережливо и внимательно къ нему относившагося.

Среди хозяйственныхъ заботъ любимымъ развлеченіемъ Григорія Александровича была охота: лѣтомъ съ лягавою, осенью съ гончими, а зимою — обкладываніе звѣря и облава на него. Мое первое знакомство съ Григоріемъ Александровичемъ было на охотѣ; лѣтомъ, въ іюлѣ, мы всѣ Тригорскіе жители: М. И. Осипова, К. И. Фокъ, мать моя и я проѣзжали на долгушкѣ дорогою къ перевозу черезъ р. Сороть. Путь шелъ низкимъ лугомъ, частью заросшимъ низкимъ кустарникомъ; среди него мелькали двѣ фигуры въ бѣломъ и изрѣдка раздавались выстрѣлы: это Григорій Александровичъ охотился на сѣрыхъ куропатокъ; его фигура въ бѣломъ, съ большою черною бородою, произвела на меня сильное впечатлѣніе и мнѣ, какъ отдаленная звѣзда, блеснула мечта когда-нибудь, въ будущемъ, тоже походить съ нимъ рядомъ.

Прошло еще два года, втеченіе которыхъ я видалъ Григорія Александровича раза два-три въ Тригорскомъ, пріѣзжавшаго туда на короткое время съ визитомъ къ сосѣдямъ. Постоянные рассказы и воспоминанія о его отцѣ, о быломъ времени и попутно о немъ самомъ М. И. Осиповой, которая всегда относилась къ Григорію Александровичу особенно тепло, поддерживали во мнѣ какое то чувство боязливаго желанія тоже войти въ кругъ лицъ, бывавшихъ въ Михайловскомъ. Наконецъ это и случилось лѣтомъ 1869 г. Охота только что оффиціально открылась, былъ конецъ іюня, появились первые выводки утятъ, — и вотъ управлявшій тогда въ Тригорскомъ П. Н. Бекманъ, тоже большой охотникъ, предварительно переговоривши съ Г. А. Пушкинымъ и съ разрѣшенія моей матери, повезъ меня утромъ въ Михайловское, откуда мы должны были ѣхать за утками на заросшее озеро, по краямъ котораго былъ зыбунъ, и гдѣ всегда бывало много утокъ. Озеро принадлежало къ имѣнію Петровское, лежащему въ 4 верстахъ отъ Михайловскаго, на

берегу большого озера того же имени, куда оно и имѣло истокъ.

Григорій Александровичъ заботливо снабдилъ меня охотничьей обувью (такъ называемыми поршнями) и, выбравъ изъ своей коллекціи нетяжелое и удобное ружье, обстоятельно объяснилъ все и серьезно, нѣсколько разъ повторялъ, чтобы я никогда не опирался на него, не клалъ бы рукъ на дуло и вообще все время помнилъ, что у меня въ рукахъ ружье, а не палка.

Два егеря отправились отъ запруды на нижнемъ концѣ заросшаго озера на челнѣ по остававшейся еще свободной полоскѣ воды посрединѣ, а мы разошлись по разнымъ точкамъ берега и оттуда, по зыбкому ковру сплывшихся корней болотныхъ растеній, стали пробираться къ окраинѣ воды. Не успѣли мы сдѣлать нѣсколькихъ выстрѣловъ, какъ меня стали звать къ берегу. Оказалось, что хозяинъ озера почему то пожелалъ запретить охоту на немъ, до тѣхъ поръ беспрепятственно производившуюся ежегодно. Выйдя на берегъ, я засталъ Григорія Александровича, очень спакойно выслушавшаго передачу запрещенія охотиться. Успѣлись мы въ экипажъ и поѣхали домой; спутники мои выражали свое неудовольствіе довольно громко, Григорій Александровичъ же не проронилъ ни одного слова по поводу случившагося и затѣмъ никогда объ этомъ не вспоминалъ и не говорилъ, когда бы ни случилось говорить о его сосѣдѣ или по его поводу. Такое корректное отношеніе тогда же поразило меня, и хотя я не могъ его обсудить и взвѣсить, но педагогическое вліяніе на меня оно имѣло большое: люди воспитываются не словами и наставленіями, а примѣрами.

За время, что я видалъ и зналъ Григорія Александровича, помню только одинъ случай, когда онъ вышелъ изъ себя и потерялъ самообладаніе: когда разъ, случайно, онъ поймалъ кучера въ кражѣ овса изъ яслей лошадей, кото-

рыхъ у него было не много, но всѣ хорошія, кровныя, — свой маленькій рысистый заводъ.

Къ своему любимому развлеченію — охотѣ — онъ относился, какъ и ко всему, — серьезно. Онъ не любилъ охотиться между прочимъ, а ужъ если посвящалъ день охотѣ, такъ еще съ вечера дѣлалъ всѣ распоряженія, и утромъ рано, еще по холодку, отправлялись мы съ нимъ вдвоемъ, иногда втроемъ — съ егеремъ Никифоромъ, тоже страстнымъ охотникомъ, чувствовавшимъ всѣ лучшія стороны этого занятія, при чемъ добыча — было дѣло второстепенное. На охоту уходилъ весь день до заката, съ небольшимъ отдыхомъ по срединѣ, при чемъ за день дѣлали верстъ 20 — 25 по болотамъ или лѣсамъ и опушкамъ, смотря по характеру охоты. Случалось, что къ мѣсту охоты приходилось ѣхать довольно далеко; благодаря этому Григорій Александровичъ зналъ отлично огромное пространство окружающей мѣстности Опочецкаго, Островскаго и Новоржевскаго уѣздовъ. Приходилось уѣзжать и на нѣсколько дней, жить на гумнахъ, въ деревняхъ; конечно, при этомъ неизбѣжно приходилось имѣть дѣло съ цѣлымъ рядомъ крестьянъ разнаго рода и склада, и я не знаю ни одного случая, когда бы изъ-за охоты или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ вышло бы у Григорія Александровича какое-либо недоразуміе.

Помню такой случай. Дѣло было осенью, въ сентябрѣ; около одной деревни, кажется Рѣдкино, верстахъ въ 25 отъ Михайловскаго, въ большомъ болотѣ былъ найденъ выводокъ волковъ. Наканунѣ вечеромъ мы вдвоемъ съѣздили поднять окончательно волковъ, которые совершенно ясно обозначили свое мѣсто. На утро была назначена облава, въ деревнѣ наняты загонщики, а участники охоты были увѣдомлены о томъ. Къ 8 ч. утра всѣ были на мѣстахъ, и Григорій Александровичъ завелъ линію загонщиковъ, но волковъ въ загонѣ не оказалось. Не

трудно было догадаться, что ихъ нарочно спугнули подъ утро, при чемъ не было сомнѣнія, что все это было дѣломъ одного изъ крестьянъ той же деревни. Нѣкоторые изъ участниковъ облавы, взвинченные происшествіемъ, были непрочъ наговорить и надѣлать непріятностей нарушителю всего предпріятія; однако, Григорій Александровичъ, которому, какъ устроителю, было всего болѣе досадно и непріятно, такъ умѣло и тактично распорядился, пользуясь своимъ авторитетомъ у всѣхъ участниковъ охоты изъ среды окружающихъ погонщиковъ, что всѣ успокоились и разѣхались по домамъ. Не знаю случая, когда бы спорили противъ его признаннаго авторитета въ какихъ-либо щекотливыхъ обстоятельствахъ и дѣлахъ.

Охоту онъ любилъ и зналъ въ совершенствѣ, при чемъ онъ отъ начала дѣлалъ все самъ: на облавахъ онъ самъ обходилъ и объѣзжалъ на саняхъ звѣря, самъ заводилъ облаву; съ гончими онъ самъ распорядился ходомъ охоты; въ лѣсу и на болотѣ онъ зналъ всѣ обычаи и нравы тѣхъ птицъ и звѣрей, на которыхъ шла охота. Имѣлъ въ своей библіотекѣ разныя сочиненія по зоологіи и, между прочимъ, тогда столь знаменитаго Брема; онъ чрезвычайно много дополнилъ свои знанія большою наблюдательностью надъ жизнью и обычаями звѣрей. Онъ искренно любилъ природу и всегда любовался ею; какъ настоящій художникъ въ душѣ — онъ умѣлъ находить красоту во всѣхъ проявленіяхъ ея, чувствовать и оцѣнивать ее. Постоянная жизнь въ деревнѣ, при рѣдкихъ выѣздахъ въ городъ, а въ послѣдніе годы почти базвыѣздная, конечно способствовала развитію подобныхъ сторонъ характера Григорія Александровича, полученныхъ имъ несомнѣнно въ наслѣдство.

Его рассказы изъ охотничьей жизни всегда были отмѣчены цѣлымъ рядомъ замѣчаній, показывавшихъ тонкую наблюдательность и умѣніе обратить вниманіе именно

на сущность даннаго вопроса или явленія природы или случая изъ жизни животныхъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ видно было, что это рассказываетъ — художникъ въ душѣ. Необыкновенная правдивость всегда была отличительною чертою всѣхъ его рассказовъ; эта постоянная черта, ярко проходившая сквозь все, что онъ дѣлалъ, не могла не имѣть громаднаго вліянія на близкихъ ему лицъ. Вліяніе это сказывалось даже въ мелочахъ: достаточно ему было разъ сказать мнѣ на привалѣ „никогда не пейте водки“, чтобы я отказался отъ нея и — уже навсегда... Его примѣра было достаточно для поддержанія всего только разъ сказанныхъ словъ. Такъ же бывало и въ случаяхъ болѣе серьезныхъ въ нравственномъ отношеніи.

Деревенская жизнь, невольная необходимость становиться съ людьми въ болѣе близкія отношенія, — все это, конечно, способствуетъ развитію гостепріимства; однако, трудно было бы найти хозяина, обладающаго этимъ качествомъ въ бóльшой степени, нежели Григорій Александровичъ. Необыкновенно ровный и милый со всѣми, изъ коихъ многіе были гораздо ниже его по образованію и воспитанію, онъ умѣлъ всѣхъ такъ поставить, что никто въ Михайловскомъ не ощущалъ ни малѣйшаго стѣсненія; тѣмъ не менѣе, многіе тамъ бывавшіе невольно подтягивались въ его обществѣ.

При всемъ томъ, въ основѣ его характера была примѣшана большая доля застѣнчивости, особенно ясно выступавшая въ многочисленномъ и незнакомомъ обществѣ: онъ уходилъ въ себя, становился молчаливымъ и спѣшилъ уйти вовсе. Чтобы подмѣтить эту черту его характера, надо было близко его знать и часто наблюдать; та же причина заставляла его избѣгать по возможности всякихъ публичныхъ собраній, торжествъ и т. п.

Въ тишинѣ своего деревенскаго уединенія онъ интересовался многимъ и, между прочимъ, постоянно слѣдилъ

за всё, что появлялось въ литературѣ объ его отцѣ. У него имѣлась полная коллекція разныхъ изданій сочиненій А. С. Пушкина, а въ послѣдніе годы жизни онъ нѣсколько разъ высказывалъ мнѣ свое удовольствіе по поводу появленія хорошихъ новыхъ изданій трудовъ его отца. Видно было, что онъ съ ними знакомъ обстоятельно.

Михайловское онъ глубоко любилъ; весною 1899 года случилось мнѣ быть въ деревнѣ и заѣхать къ Григорію Александровичу. Весна была не особенно ранняя, на поляхъ вездѣ еще лежалъ снѣгъ и по утреннему морозу гладкая дорога вилась среди знакомыхъ холмовъ и перелѣсковъ. Передъ Михайловскимъ дорога взбирается на небольшую возвышенность, гдѣ еще не такъ давно стояли „три сосны“; изъ нихъ послѣднюю я особенно хорошо помню: толстая, слегка наклоненная, со сломанною верхушкою, она долго жила въ такомъ видѣ, пока въ іюлѣ 1895 г. ее не сломало окончательно бурей. Грустно было подъѣзжать къ селу черезъ многолѣтній боръ, зная, что это въ послѣдній разъ. Не успѣлъ я приѣхать, какъ вслѣдъ за мной подъѣхалъ одинъ изъ сосѣдей, Л. Л. Львовъ, постоянный спутникъ Григорія Александровича по охотѣ. Весь этотъ день какая-то невольная грусть царила среди насъ; нерѣдко наступало невольное молчаніе, чувствовалось, что думы cadaго шли въ унисонъ, — и воспоминанія былого давили насъ. Прогулка вокругъ села со знакомыми, милыми видами насъ не развлекла, а напротивъ навѣяла грустныя мысли, сквозившіе въ нашемъ постороннемъ разговорѣ. Невольно приходили на умъ стихи поэта, въ которыхъ онъ, выражая желаніе лечь „ближе къ милому предѣлу“, говоритъ о томъ, какъ

. . . . . у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

Послѣдніе годы Григорій Александровичъ провель въ Маркутъѣ, имѣніи своей супруги В. А. Пушкиной, подъ Вильною. И здѣсь ихъ домъ продолжалъ быть тѣмъ же гостепріимнымъ уголкомъ для старыхъ друзей и знакомыхъ, какъ и прежде. Здѣсь Григорій Александровичъ велъ довольно уединенную жизнь въ своей семьѣ, продолжая интересоваться всѣмъ, что относилось къ трудамъ его отца. Здѣсь его и застала смерть послѣ кратковременной болѣзни, тутъ онъ и погребенъ ¹⁾).

Ю. Шокальскій.

1906 г.
Голубово.

---

1) Замѣтки по поводу смерти Г. А. Пушкина см.: „Виленск. Вѣстн.“ 1905 г., № 686, 687, 688, 693; „Русь“ 1905, № 195; „Разсвѣтъ“, авг. 1905; „Нов. Вр.“ 1905, № 10588 и 10635 (портретъ); „St. Petersburg. Zeitung“ 1905, № 236 и др. газеты.

Замѣчанія и поправки.

Къ вып. II, стр. 22 — 24.

Алексѣй Александровичъ (а не Алексѣевичъ) *Вельяминовъ* скончался въ г. Ставрополѣ 27 марта 1838 г. и погребенъ въ родовомъ своемъ имѣніи „Медвѣдьѣ“, Алексинскаго уѣзда Тульской губерніи.

Дороховъ, о которомъ ходатайствовалъ Жуковский, есть тотъ Руффинъ Ивановичъ Дороховъ, который за свои буйные поступки былъ нѣсколько разъ разжалованъ въ солдаты. Послѣ участія въ Персидской и Турецкой кампаніяхъ 1827 — 1829 гг. онъ вышелъ, за раню, въ отставку и поселился въ Москвѣ. Здѣсь нанесъ онъ нѣсколько кинжалныхъ ранъ отставному ротмистру Сверчкову и за это, по высоч. конфирмаціи 1 марта 1838 г., вновь разжалованъ въ солдаты съ опредѣленіемъ на Кавказъ, въ Навагинскій пѣхотный полкъ. Отправляясь по назначенію, онъ и заручился письмомъ Жуковскаго къ Н. Н. Раевскому, въ отрядѣ котораго находился Навагинскій полкъ. — Жуковский пишетъ Раевскому, что съ Дороховымъ мало знакомъ, но коротко знаетъ милую, добрую жену его. Она была дочерью камергера А. А. Плещеева, состоявшаго одно время чтецомъ при вдовствующей импер. Маріи Теодоровнѣ. Отсюда, вѣроятно, и короткое знакомство Жуковскаго съ этимъ семействомъ.

Пушкинъ близко зналъ Дорохова. Онъ упоминаетъ о немъ подъ инициаломъ *Д.* въ своемъ „Путешествіи въ Арзрумъ“ въ 1829 году. Они встрѣтились во Владикавказѣ и вмѣстѣ отправились въ Кисловодскъ.

18 января 1852 г. Дороховъ былъ убитъ въ Чеченской экспедиціи.

Е. Г. Вейденбаумъ.

Къ вып. III, стр. 104 — 105.

О *Реми Жилле* упоминается въ „Русскомъ Архивѣ“ 1897 г., № 2, 3, 5, 7 и 12 и 1901 г., № 3 и 11 и въ „Историческомъ очеркѣ Импер. Александровскаго Лицея“ И. Селезнева; кромѣ того, была статья А. И. Маркевича „Реми Жилле“ въ № 3903 „Одесскихъ Новостей“ 1 марта 1897. Въ Римско-Католической церкви св. Екатерины (на Невскомъ проспектѣ) сохранилась запись о томъ, что Реми Жилле (Gillet) умеръ въ С.-Петербурѣ 11 января 1849 г. и похороненъ на Волковомъ кладбищѣ. Вдова его Вѣра Андреевна въ январѣ 1864 г. жила въ с. Скрыпицынѣ, Владимірской губерніи, откуда писалъ А. Г. Тройницкому.

Въ замѣткѣ о встрѣчѣ Семенова съ Пушкинымъ очевидная ошибка: членъ Госуд. Совѣта *Петръ* Петровичъ Семеновъ здравствуетъ понынѣ, а братъ его *Николай* Петровичъ Семеновъ умеръ въ 1905 г. въ званіи сенатора. Не вѣрны или инициалы Семенова, или званіе его, что можно исправить объясненіемъ съ П. П. Семеновымъ.

Членъ Пушкинскаго Лицейскаго Общества *Г. А. Тройницкій.*

Къ вып. IV, стр. 17.

№ 69, стр. 3 снизу, вмѣсто: „Порядѣла, побѣлѣла“ — слѣдуетъ: „Порядѣли, побѣлѣли“

УКАЗАТЕЛЬ.

- „Аквилонъ“, стих. Пушкина 12.
Акиноова, 114.
Александръ, I, 126, 133, 140, 141, 147, 149, 151, 164, 181.
Алексѣевъ, Н. С. 38.
Алмазова, Авдотья Петр., рожд. Зубкова, 99, 156, 184.
Алмазовы, дѣвицы 99.
Алмазовъ, Борисъ Никол. 99, 184.
Алмазовъ, Николай Петр. 99, 184
Алябьева, Екат. Ал-др., рожд. Римская-Корсакова, 107.
Алябьевъ, А. А. 168.
Алябьевъ, Александръ Александровичъ 107.
Andrioux (гостинница) 122, 158.
Анненковъ, П. В. — 2, 4, 8, 9, 20, 22, 26, 27, 29, 30, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 105.
„Антеонъ“, поэма (?) Пушкина 22.
Апраксина, Екатерина Владиміровна, рожд. кн. Голицына, 102, 103, 104, 106, 158, 160, 185.
Апраксина, Наталья Степ. (по мужу княгиня Голицына) 102.
Апраксинъ, Степанъ Степановичъ 102.
Араповъ, П. Н. 168.
Арзумъ, 183.
„Аріонъ“, стих. Пушкина 38.
Аріостъ, 63.
Баболово, — 25.
Бабушкина, Авдотья Андреевна, см. Зубкова.
Байронъ, 26, 40.
Бакунина, Анна Борисовна, рожд. Зеленская — 173.
Бакунина, Екатерина Павловна 173.
Бакунина, Марья Александр., рожд. Шулепникова, 174.
Бакунинъ, Александръ Павловичъ — 94, 95, 111, 126, 173, 174.
Барантъ, бар., 49.
Барковъ, Д. Н. 93.
Бартевель, П. И. 104, 112.
Барятинская, кн. Варв. Петр. 183.
Барятинская, княжна Екатерина Петровна — см. Манукова.
Барятинскій, кн. Александръ Петровичъ — 150, 152, 153, 154, 183.
Барятинскій, кн. Петръ Николаевичъ 150, 183.
Басаргинъ, Н. В. 179.
Батенковъ, Гавріилъ Степановичъ 156, 184.
„Бахаріана“, Хераскова 61, 83.
Бахметева, Анна Гавр. — см. Кашкина.
„Бахчисарайскій фонтанъ“, 4, 5, 7, 37.
Баляръ, 63.
„Безумныхъ дѣтъугасшее веселье“, стих. Пушкина 12.
Бекманъ, П. Н. 189.
Бенкендорфъ, гр. А. X. 16, 26, 28, 29, 31, 34, 46, 133, 175, 179, 180, 185.
Бестужевъ, Александръ Александровичъ (Марлинскій) — 41, 42, 45, 120, 147, 156, 163, 170, 176, 181.

Благово, Д. 102, 163, 173.
 „Благословень твой новый путь“, отрывокъ стих. Пушкина, 11.
 „Блестить луна, недвижно море спить“, стих. Пушкина 7.
 Боборыкина — см. Пушкина.
 Бобровский, П. О. 180.
 Бова, 22, 79, 80, 82.
 „Бова“, сказка А. Н. Радищева 83.
 „Бова“, стих. Пушкина 3.
 „Богатырскія повѣстивъ стихахъ“, Н. А. Радищева 83.
 Богучарскій, В. 163.
 „Богъ веселый винограда“, стих. Пушкина 18.
 Болдино, село 11, 12, 13, 14, 17, 51, Боратынскій, Е. А. 44.
 „Борисъ Годуновъ“, 23, 33, 59.
 Боровковъ, Александръ Дмитриевичъ 157, 184.
 „Бородинская годовщина“, стих. Пушкина 28.
 Бороздинъ, 171.
 Брозинъ, сенаторъ 109.
 Брюсовъ, В. Я. 87, 103.
 „Будрышъ (изъ Мицкевича)“ стих. Пушкина 17.
 „Будь подобень полной чашѣ“, стих. Пушкина 20.
 Булгакова, Анна Абр., рожд. Зубкова 91.
 Булгаковъ, А. Я. — 95, 102, 166, 185.
 Булгаковъ, Иванъ Алексѣевичъ 91.
 Булгаковъ, К. Я. 95, 176.
 Булгари, графъ 157.
 Булгари, гр. Андрей 184.
 Булгари, гр. Николай 184.
 Булгари, гр. Яковъ 184.
 Булгаринъ, О. В. 41, 168.
 Булгаринъ, О. В.; эпиграмма на него, нач. „Не то бѣда, Оаддей Булгаринъ“ 13.
 Бурцовъ, И. Г. 98.
 Буслаевъ, О. И. 59.
 Бушарди, фѣзіонатрасъ 116.
 Бѣгичева, А. 114.
 Бѣлоголовый, Н. А. 169, 171, 181.
 „Вѣсы“, стих. Пушкина 12.

„Быть въ сраженъи похвально“, стих. Пушкина 5.

Василій Буслаевичъ, 63.
 Вейденбаумъ, Евг. Густ. — 196.
 Вельтманъ, А. О. 92.
 Вельяминовъ, Алексѣй Ал-др. 196.
 Веневитиновы, 103.
 Веневитиновъ, А. В. 109.
 Веселовскій, А. Н. 83.
 „Вигелю“, стих. Пушкина 37.
 Вигель, Ф. Ф. 177.
 Виландъ, 61, 63.
 „Вино (Ионъ Хіосскій)“, стих. Пушкина 16.
 Владиміровъ, П. В. 60, 61, 62.
 „Во городѣ было во Астрахани“, пѣсня 37.
 Воейковъ, Александръ Павловичъ 127, 178.
 Воейковъ, Николай Павловичъ — 127, 177, 178.
 „Война“, отр. стих. Пушкина 4.
 „Войнаровскій“, дума Рылѣва 45.
 Волкова, Марія Аполлоновна 99.
 Волконская, княг. З. А. 109.
 Волконскій, кн. Серг. Григ. 148, 163, 171, 177, 182.
 Вольтеръ, 29, 60,
 Воронцовъ, М. С. — 44, 169, 177.
 „Во славномъ городѣ во Кіевѣ“, пѣсня 37.
 „Во снѣ я вами оцчастливленъ“, стих. Пушкина 20.
 „Вотъ Коцитъ, вотъ Ахеронъ“, стих. Пушкина 6.
 Всеволожскій, Никита Всеволодовичъ 98.
 Встрѣча съ Кюхельбекеромъ, замѣтка Пушкина 26.
 Вульфъ, Анна Ивановна 37.
 Вульфъ, Анна Николаевна 37.
 „Въ Еврейской хижинѣ лампада“, стих. Пушкина 8.
 „Въ надеждѣ славы и добра“ (Стансы), Пушкина. 8, 104.
 „Въ началѣ жизни школу помню я“, стих. Пушкина 14.

- „Въ послѣдній разъ твой образъ милый“, стих. Пушкина 13.
- Вяземскій**, кн. П. А. 5, 85 86, 100, 101, 103, 104, 108, 109, 111, 113.
- Вяземскій**, кн. П. П. (стихи ему Пушкина) 109.
- Гагарина**, княгиня 100.
- Гамильтонъ**, 62.
- Ганнибалъ**, Петръ Абрамовичъ 25.
- Гейтманъ**, граверъ 37.
- Геккеренъ**, баронъ 35.
- Георгъ Ольденбургскій**, принцъ 89.
- Гнѣдичъ**, Н. И. 33.
- Гоббесъ**, 164.
- Голенищева-Кутузова**, Екат. Михайл. — см. княгиня Кудашева и Сарачинская.
- Голенищевъ - Кутузовъ - Смоленскій**, М. И. 186.
- Голенищевъ-Кутузовъ**, гр. Пав. Вас. 159, 161, 168, 186.
- Голицына**, княжна Марья Дмитр. (по мужу княгиня Ухтомская) 103.
- Голицына**, княг. Нат. Петр. 106.
- Голицына**, княг. Нат. Степ., рожд. Апраксина 102.
- Голицына**, княг. Тат. Вас., рожд. Васильчикова, 118, 168.
- Голицынъ**, кн. Бор. Влад. 173.
- Голицынъ**, кн. Д. В. 94, 96, 102, 108, 119, 122, 126, 141, 157, 164, 166, 168, 169, 172, 173, 174, 175, 184.
- Голицынъ**, кн. С. С. 102.
- Голицынъ**, князь Фѣдоръ 100.
- „**Гонимый рока самовластьемъ**“, стих. Пушкина 38.
- Горацій**, 45.
- Горбуновъ**, унтеръ-офицеръ 149.
- „**Горе отъ ума**“, 23.
- „**Горишь ли ты, лампада наша?**“, (Я. Н. Толстому), стих. Пушкина 36.
- Городня**, село 106.
- Горсткйнъ**, Иванъ Николаевичъ, 94, 95, 97, 98, 126, 175, 186.
- Горчаковъ**, кн. А. М. 172.
- „**Гости съѣзжались на дачу...**“, набросокъ повѣсти, Пушкина 23.
- Граббе**, Павелъ Христоф. 121, 170.
- „**Графъ Нудинъ**“, пов. Бѣлкина 24.
- „**Гречанкѣ**“, нач. „**Ты рождена воспламенять**“, стих. Пушкина 40.
- Грибоѣдовъ**, А. С. 23, 176, 180.
- Гриммы** бр. 81.
- Гротъ**, Конст. Яковл. — 175, 180, 184.
- „**Грустенъ и весель вхожу**“ (Художнику), стих. Пушкина 19.
- Гумбольдъ**, А. 165.
- „**Гяуръ**“, поэма Байрона. 40.
- Давыдова**, Юлія 114.
- Давыдовъ**, Ден. Вас. 148, 182.
- Даль**, В. И. 83.
- Даль**, Георгъ 112.
- Данзасъ**, Борисъ Карловичъ — 94, 95, 96, 99, 104, 111, 114, 115, 117, 118, 120, 122, 126, 127, 132, 137, 139, 154, 166, 167, 168, 173, 174, 175, 178.
- Данзасъ**, Конст. Карл. 166.
- Данзасъ**, Татьяна Борис. — см. Съмечкина.
- Даниловъ**, Василій Ив. 143, 180.
- „**Даръ напрасный, даръ случайный**“, стих. Пушкина 9.
- Дашковъ**, П. Я. 38.
- „**Двѣнадцать спящихъ дѣвъ**“, Жуковскаго 61.
- Декартъ**, 29.
- „**Делибашъ**“, стих. Пушкина 11.
- Делольмъ**, Жанъ-Луи 93, 137, 180.
- Дельвигъ**, баронъ А. А. 25, 31, 33, 83, 98, 107.
- Демидова**, Надежда Петровна — см. Зубкова.
- Депрерадовичъ**, Н. И. 125, 137, 172.
- Державинъ**, Г. Р. 45, 78, 83.
- „**Диринъ**“ (у Пушкина — Дуринъ) 174.
- Дмитріевъ**, И. И. 83.
- Дмитріевъ**, Мих. Ал-др. 111, 112.
- Дмитріевъ-Мамоновъ**, А. И. 165, 166, 170, 183, 184.
- Дмитрій Самозванецъ**, 23.
- „**Добрый совѣтъ**“, стих. Пушкина 3.
- „**Долго-ль мнѣ гулять на свѣтъ**“, стих. Пушкина 11.

- „Дорожныя жалобы“, стих. Пушкина 11.
- Дорохова, М. А. 169.
- Дорохова, Н. А., рожд. Плещеева 196.
- Дороховъ, Руфинъ Ивановичъ 196.
- Драматическій этюдъ Пушкина 22.
- „Другъ сердечный (?) мнѣ напередни говорилъ“, запись (?) Пушкина 21.
- „Друзьямъ“, стих. Пушкина 9, 39.
- Дубровинъ, Н. Ѳ. 175.
- „Дубровский“, пов. Бѣлкина 16, 24.
- Душеть, станція 11.
- „Дѣтскія сказки“, Пушкина 49.
- „Евгеній Онѣгинъ“, 10, 11, 25, 26, 28, 76.
- Евреинова, Екатерина Ѳедоровна, рожд. Пушкина 99, 100, 101, 102.
- Евреинова, Нат. Петр. (по мужу Зубкова) 91, 161, 186.
- Евреинова, Ольга Вас., рожд. Зубкова 91, 115, 178.
- Евреинова, Софья Петр. 101.
- Евреиновъ, В. В. камергеръ 91.
- Евреиновъ, Вячеславъ Дмитріевичъ 115, 178.
- Евреиновъ, Дмитрій Петровичъ 91.
- Евреиновъ, М. М. 91.
- Евреиновъ, Петръ Дмитріевичъ 99, 100, 101, 102.
- Евреиновъ, Яковъ Матвѣевичъ 91.
- „Египетскія ночи“, Пушкина 7.
- Екатерина II, 85, 87.
- Екатерина Павловна, вел. кн. 89.
- Елагина, помѣщ. 184.
- Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ 149, 158, 177, 182.
- Ерусланъ Лаваревичъ, 61, 82.
- Ефремовъ, П. А. 2, 7, 35, 104.
- „Желаніе“, стих. Пушкина 4.
- „Женихъ“, отрывокъ Пушкина 7.
- Жирарденъ, Э. 114.
- Жуковский, В. А. 61, 83, 85 — 89 (письма къ С. С. Уварову), 196.
- Заблоцкій-Десятовскій, А. П. 176.
- Завадовскій, 23.
- Завадовскій, графъ А. П. 180.
- Завалишинъ, Д. И. 176, 179, 184.
- Заварзаевъ, фельдъегерь 120.
- Загоскинъ, М. Н. 31, 32.
- „Заключеніе“, нач.: „О если правда, что въ ночи“, стих. Пушкина 13.
- Замотинъ, И. И. 83.
- Замѣтка объ аббатѣ Шаппѣ и его описаніи путешествія въ Сибирь, Пушкина 30.
- Замѣтка объ изученіи русской словесности, Пушкина 27.
- Замѣтка о драматическихъ произведеніяхъ, Пушкина 25.
- Замѣтка о новой комедіи Загоскина „Недовольные“, Пушкина 31.
- Замѣтка о русской журналистикѣ въ сравненіи съ иностранной, Пушкина 29.
- Замѣтка о современныхъ французскихъ писателяхъ, Пушкина 30.
- Замѣтка о трагедіи Ромео и Юльета Шекспира, Пушкина 26.
- Замѣтки и выписки о государственномъ строѣ, Пушкина 27.
- Замѣтки о Байронѣ по поводу Корсара, Пушкина 26.
- Замѣтки о русскихъ пословицахъ, Пушкина 27.
- „За Netty сердцемъ я летаю“, стих. Пушкина 37.
- „Зачѣмъ безвременную скуку“, стих. Пушкина 105, 109.
- „Зачѣмъ ты, грозный Аквилонъ“, стих. Пушкина 11.
- „Зеленая Лампа“, общество 93.
- Зеленская, Анна Борисовна. — см. Бакунина.
- Зиловъ, Алексѣй Мих. 119, 169.
- „Зимняя дорога“ стих. Пушкина 8, 105 — 106.
- Зубкова, дочь В. П. 129.
- Зубкова, Авд. Андр., рожд. Бабушкина 91.

- Зубкова, Авдотья Петровна** (по мужу Алмазова) — 99, 156, 184.
- Зубкова, Анна Абрамовна** (по мужу Булгакова) 91.
- Зубкова, Анна Фёдоровна**, рожд. Пушкина, 99, 102, 103, 106, 115, 121, 168.
- Зубкова, Марія Мих.**, рожд. Шапошникова 91.
- Зубкова, Над. Петр.**, рожд. Демидова, 91, 170.
- Зубкова, Нат. Петр.**, рожд. Евреинова, 91, 161, 186.
- Зубкова, Ольга Васильевна** (по мужу Евреинова) 91, 115, 178.
- Зубкова, Пелагея Васильевна** — 115.
- Зубковъ, Абрамъ Вас.** 91.
- Зубковъ, Абрамъ Петр.** 91, 120, 170.
- Зубковъ, Василий Петровичъ** — 8; 90 — 186 (Записки его).
- Зубковъ, Владиміръ Вас.** 115.
- Зубковъ, Дмитрій Петровичъ** 116.
- Зубковъ, Петръ Абрамовичъ** 91, 120, 169.
- Зубковъ, Петръ Петр.** 91.
- Ивановскій, А. И.** 46.
- „**Игрокъ**“, комедія Ренъяра 101.
- „**И далѣ мы пошли**“, стих. Пушкина 16.
- „**Изъ Анакреона**“, стих. Пушкина 18.
- „**Изъ А. Шенье: Покровъ, упитанный...**“, стих. Пушкина 6.
- „**Изъ Аріостова Orlando furioso**“, стих. Пушкина 6.
- „**Изъ записки пріятелю**“, стих. Пушкина 13.
- „**Изъ Рима ѣхаль онъ домой**“, стих. Пушкина 6.
- „**Изъ VI Пиндемонте**“, стих. Пушкина 19.
- „**Иліада**“ 13, 36.
- „**Илья Муромецъ**“, сказка Карамзина 83.
- Исторія**, 23.
- „**Исторія Государства Россійскаго**“, Карамзина 47, 48.
- „**Исторія одного города**“, Салтыкова 51.
- „**Исторія Пугачевскаго бунта**“, Пушкина 30
- „**Исторія русскаго народа**“, Н. Полеваго 48.
- „**Исторія села Горохина**“, Пушкина 47 — 58.
- „**И ты тутъ былъ**“, отрывокъ Пушкина 22.
- Ишимова А. О.** 35.
- Каверинъ, П. П.** 3.
- „**Кавказскій плѣнникъ**“ 37, 76, 77.
- „**Каковъ я прежде былъ**“, стих. Пушкина 8.
- „**Какъ живо колкій Грибоѣдовъ**“, набросокъ Пушкина 23.
- „**Какъ за церковью за нѣмецкою**“, пѣсня 37.
- „**Какъ на утренней зарѣ**“, пѣсня 37.
- „**Какъ съ древа сорвался**“ (Подражаніе итальянскому), стих. Пушкина 19.
- „**Какъ щастливъ я, когда могу покинуть**“, стих. Пушкина 8.
- „**Календарь, или мѣсяцесловъ на лѣто.... 1721**“ 32.
- Кальмъ, Фёдоръ Григорьевичъ** 127, 176, 177.
- Каменный островъ, въ Пб.** 19.
- „**Капитанская дочка**“ 24.
- Карамзинъ, Н. М.** 47, 49, 83, 85, 86, 87, 88, 89, 167, 182.
- Карелинъ, Григ. Сил.**, 111.
- Карніолинъ-Пинскій, М. М.** 107.
- Карсъ, крѣп.** 12.
- Каръ, Марія Сергѣевна** рожд. кн. Хованская, 101.
- Кажовскій, Петръ Анд.** 186.
- Кашкина, Анна Гавр.**, рожд. Бахметева, 167.
- Кашкина, Екатерина Ивановна**, рожд. Миллеръ, 168.
- Кашкинъ, Николай Евгеньевичъ** 167.
- Кашкинъ, Николай Николаевичъ** 168.
- Кашкинъ, Николай Сергѣевичъ** 168, 175.

- Кашенинъ, Сергѣй Николаевичъ 93,
94, 96, 98, 117, 118, 125, 133, 136, 137,
138, 139, 164, 166, 167, 168, 174, 186.
- Кёппенъ П. И. 36.
- „Кирджиалы“, Пушкина 17, 24.
- Кирпичниковъ А. И. 60.
- Кирѣевскій, И. В. 59, 84.
- Киселева, Ек. Ник. 107.
- Киселева, Елиз. Ник. 107.
- Киселевъ, П. Д. 122, 171, 176.
- Кишиневъ, 38.
- Клингеръ, писатель 82.
- „Коварность“, стих. Пушкина 5.
- „Когда великое свершилось тор-
жество“, стих. Пушкина 38.
- „Когда владыка Ассирійскій“
(Юдиобъ), стих. Пушкина 17.
- „Когда за городомъ задумчивъ я
брожу“, стих. Пушкина 19.
- „Когда порой воспоминашь“, стих.
Пушкина 15.
- Косошенинъ, Ѳ. Ѳ. 106.
- Кологривовъ, Александръ Лукичъ
117, 162.
- Колошина, Александра Григорь-
евна, рожд. гр. Салтыкова, 163, 180.
- Колошинъ, Павелъ Ивановичъ —
94, 95, 96, 97, 98, 105, 117, 118, 125,
126, 133, 136, 137, 138, 139, 141, 163,
164, 180.
- Колошинъ, Петръ Ив. — 94, 163.
- Колошинъ, Серг. Павл. 105, 163.
- Комаровскій, графъ Евгр. Ѳедот.
117, 126, 137, 162.
- Комовскій, С. Д. 173.
- Кони, А. Ѳ. 90, 105, 107.
- Коновницына, гр. Елиз. Петр. — см.
Нарышкина.
- Кончаловъ, 176.
- Корниловичъ, А. О. 168.
- „Короче дни, а ночи долѣ“, стих.
Пушкина — 6.
- Корсаковъ, 104.
- „Корсаръ“, Байрона — 26.
- Корфъ, графъ М. А. — 172, 174.
- Коселевъ, А. И. — 166.
- Краевскій, А. А. — 85.
- „Краледворская Рукопись“, 83.
- Краткая замѣтка о Поль-Потерѣ,
Пушкина — 28.
- Краткія замѣтки по русской исто-
ріи, Пушкина 32.
- Крестинъ, Ф. 102.
- Крыловъ, Александръ Лукичъ — 87.
- Крыловъ, Андрей Прохоровичъ 31.
- Крыловъ, Ив. Андр. — 31.
- „Кто видѣлъ край“, стих. Пушкина
4.
- „Ето знаетъ край, гдѣ небо бле-
щеть“, стих. Пушкина 9.
- „Кто идетъ — садятъ“, набросокъ
Пушкина 6.
- „Куда вы? за городъ конечно“,
стих. Пушкина 17.
- „Куда же ты? въ Москву“, стих.
Пушкина 13.
- Кудашева, княгиня Екат. Михайл.,
рожд. Голенищева-Кутузова, 186.
- Кудашевъ, князь Николай Данило-
вичъ 186.
- Кухарскій, А. 36.
- Кушниковъ, Сергѣй Сергѣевичъ —
148, 182.
- „Къ Давыдову“, стих. Пушкина 3.
- „Къ Каверину“, стих. Пушкина 3.
- „Къ переводу Иліады“, стих. Пуш-
кина 13.
- „Къ статуѣ въ Царскомъ Селѣ“:
„Урну съ водой уронишь“, стих.
Пушкина — 12.
- Къ тѣни полководца, стих. Пуш-
кина 15.
- „Къ Щербинину“, стих. Пушкина
3.
- Кюхельбекеръ, В. К. 25, 26, 105.
- Ламартинъ, 114.
- Ланская, В. И. 99.
- „La Pucelle“, Вольтера 60.
- Лафонтенъ, 62.
- Левашевъ, В. В. 124, 127, 132, 135,
145, 152, 159, 171.
- „Les deux danseuses“, программа
повѣсти 23.
- „Le coq d'or“, сказка Клингера, 82.
- Le-Prince de Beaumont, m-me 81.

- Липранди, Иванъ Петровичъ, 127, 177.
- „Литературные листки“, Булгарина 41.
- Лоредда кондитерская — 176.
- Лореръ, Н. И. 165.
- Лузина, 114.
- Луи-Бланъ, 114.
- „Лунная ночь, или домовые“, опера 168.
- Львовъ, Л. Л. 194.
- „Лѣкарство отъ задумчивости и бессонницы, или вторая часть настоящихъ русскихъ сказокъ“, изд. 1815 г., 61.
- „Лѣтопись села Горохина“, Пушкина 47 — 58.
- Майкова, Александра Алексѣевна 1.
- Майковъ, Леонидъ Николаевичъ 1, 2, 3, 34, 60, 84, 95, 172, 173, 183.
- Малинники, село 10.
- Мальцова, Софья Сергѣевна — см. Нечаева.
- Манукова, Екат. Петр., рожд. кн. Бяратинская, 183.
- Маркевичъ, А. И. 196.
- Маркуте, имѣніе 194.
- Масальская-Сурина, Е. А., рожд. Шахматова, 39.
- „Оленьи Массонъ“, стих. Пушкина 8.
- Материалы и замѣтки къ Исторіи Пугачевского бунта, Пушкина 30.
- Машинскій, 176.
- „Межь горныхъ стѣнъ несется шумный Терекъ“, стих. Пушкина 4.
- Меншиковъ, кн. Александръ Сергѣевичъ 158, 185.
- Мерзляковъ, А. Ѳ. 83.
- Мериме, 84.
- Миллеръ, Вс. Ѳед. 77, 84.
- Миллеръ, Иванъ Ѳедоровичъ 167 — 168.
- Миллеръ, Іуліанія Григорьевна, рожд. фонъ-Гагенъ, 168.
- Миллеръ, Николай Ивановичъ 168.
- Мидорадовичъ, гр. М. А. 186.
- Михайловское, село 5, 7, 12, 26, 43, 174, 183, 189, 191, 193, 194.
- Михайль Павловичъ, вел. кн. 133, 147, 156, 179, 184.
- „Мірская власть“ („Когда великое свершалось торжество“), стих. Пушкина 38.
- „Мнѣ не спится, нѣтъ огня“, стих. Пушкина 14.
- Модзалевскій, Бор. Льв. 95, 116.
- Модзалевскій, Вадамъ Льв. 86.
- „Мой (первый) другъ, мой другъ безцѣнный“, стих. Пушкина 7.
- „Мой плѣнникъ вовсе не любезенъ“, стих. Пушкина 20.
- Морововъ, П. О. — 2, 89, 174.
- „Моцартъ и Сальери“ 24.
- „Моя родословная“, стих. Пушкина 13, 14.
- Муравьевъ Александръ Николаевичъ 175.
- Муравьевъ, Никита Михайловичъ 117, 162, 181.
- Муравьевъ, Н. Н. 92.
- Муравьевы-Апостолы 176.
- Муравьевъ-Апостоль М. И. 165.
- Муханова, Елизавета Александровна — см. княг. Шаховская.
- Муханова, Наталья Александровна 102, 107.
- Мухановы 103, 170.
- Мухановъ, Александръ Алексѣевичъ 107, 177.
- Мухановъ, Петръ Алексѣевичъ, 96, 97, 119, 120, 168, 169.
- Мысловскій, Петръ Николаевичъ 178.
- „Мѣдный всадникъ“, Пушкина 38.
- Musset, Alfred 19.
- „Мятель“, повѣсть Бѣлкина 15.
- Набросокъ введенія въ русскую исторію, Пушкина 28.
- „Наливайко“, дума Рылѣева 46.
- „Наперникъ“, стих. Пушкина 9.

- „Наперсница волшебной старины“, стих. Пушкина 3.
- Наполеонъ 9.**
- Нарышкина, Елиза. Петр., рожд. гр. Коновницына, 166.
- Нарышкинъ, Мих. Мих. 117, 153, 165, 176.
- На силу выѣхать рѣшаюсь изъ Москвы“, стих. Пушкина 20.
- „Не видала ли, дѣвица, коня моего“, запись (?) Пушкина 21.
- „Недавно я въ часы свободы“, стих. Пушкина 4.
- „Недвижный стражъ дремалъ“, стих. Пушкина 5, 33.
- „Недовольные“, ком. Загоскина 31.
- Нейдгардтъ 2-й, ген.-майоръ 170.
- Нейдгартъ, генер.-адъют. — 185.
- Нелединскій-Мелецкій Ю. А. 83.
- „Нереида“, стих. Пушкина 41.
- „Не розу Павоскую“, стих. Пушкина 18.
- Нечаева, Софья Сергѣевна, рожд. Мальцова — 181.
- Нечаевъ Степанъ Дмитриевичъ — 147, 181.
- „Нечаянно пригрѣтый славой“, стих. Пушкина 15.
- Нибуръ 49.**
- Никитенко, А. В. 87.
- Новиковъ, Н. И. 62.
- „Новоселье къ**“, стих. Пушкина 12.
- „Но ты забудь меня, мой другъ“, набросокъ Пушкина 7.
- Нѣкоторыя историческія замѣчания, Пушкина 38.**
- „Нѣтъ, не черкешенка она“, стих. Пушкина 109.
- „Нѣтъ, я не льстецъ“ (Друзьямъ), стих. Пушкина 9, 37.
- „Обваль“, стих. Пушкина 11.
- „Оберонъ“, поэма Виланда 61.
- „О боги мирные полей, дубравъ и горъ“, стих. Пушкина 20.
- Оболенская княжна, дочь кн. Андрея Петровича — 99.
- Оболенская кн. Марія Ивановна — см. Пушкина.
- Оболенскій кн. Евг. Петровичъ 98, 96, 97, 160, 161, 164, 166, 167, 172, 175, 176, 182, 186.
- Обресковъ, Василій Александровичъ 119, 169.
- „Овидію“, стих. Пушкина 40.
- Огарева-Тучкова А. А. 176.
- „Ода LXI (изъ Анакреона)“, „Порѣдѣла, побѣдѣла“, стих. Пушкина 17, 196.
- „Ода LXII“, нач. „Что же сухо въ чашѣ дно?“, изъ Анакреона 18.
- О дворянствѣ, замѣтка Пушкина 30.
- Одоевскій кн. А. И. 173.
- Одоевскій кн. В. Ѳ. 85, 86, 113.
- „О, если правда, что въ ночи“, стих. Пушкина 13.
- О журнальной полемикѣ, замѣтка Пушкина 29.
- О критикѣ, набросокъ статьи Пушкина 28.
- „Ольга, крестница Киприды“, стих. Пушкина 8.
- „Она меня зоветъ, поѣду или нѣтъ“, отрывокъ Пушкина 4.
- О народности въ литературѣ, замѣтка Пушкина 26.
- „Онъ мнѣ ровесникъ“, стих. Пушкина 20.
- О приличіи въ литературѣ, замѣтка Пушкина 28.
- Орлова, Екатерина Николаевна, рожд. Раевская, 162.
- Орловъ 178.
- Орловъ, кн. Алексѣй Ѳедоровичъ 158, 185.
- Орловъ, Михаилъ Ѳедор. 117, 162, 168, 182, 185.
- О русскихъ словахъ, взятыхъ съ французскаго, замѣтка Пушкина 32.
- О русской литературѣ съ очеркомъ французской, Пушкина 31.
- Осипова, Марія Ивановна 188, 189.
- Оссіанъ, 83.
- „Отвѣта х+у“, стих. Пушкина 109.

- „Отрокъ“, стих. Пушкина 18.
 „Отрокъ милый“ (Подражаніе Арабскому), стих. Пушкина 18.
 Отрывки изъ романа въ письмахъ, Пушкина 21.
 „Отрывокъ“ (нач. Не розу Паеоскую“), Пушкина 18.
 Отрывокъ замѣтки о встрѣчѣ съ П. А. Ганнибаломъ 25.
 Отрывокъ изъ комедіи Пушкина („Она меня зоветъ“ ..) 4.
 Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей, Пушкина 27.
 Отрывокъ изъ опыта отраженія нѣкоторыхъ нелитературныхъ обвиненій, Пушкина 38.
 Отрывокъ очерка татарскаго нашествія, Пушкина 28.
 О феодальномъ устройствѣ, набросокъ Пушкина 29.
 „О французской словесности“, замѣтка Пушкина 25.
 Офросимовъ, Андрей, 107.
 Охотниковъ 167.
 Очеркъ исторіи русской литературы въ связи съ литературой французской, Пушкина 31.
 Павловъ (Н. Ф.?) 111.
 Падуровъ, казакъ. 31.
 „Пажъ, или пятнадцатый годъ“, стих. Пушкина 13.
 Пальчикова, Софья Алексѣевна, рожд. Пешурова — 174.
 Пальчикова, С. П. — см. Пуцина.
 Пальчиковъ, Владиміръ Петровичъ 94, 126, 167, 174, 184.
 „Памятникъ“, стих. Пушкина 19.
 Панина, Софья Ѳедоровна, рожд. Пушина, 90, 102, 104, 105, 106, 107, 108, 158, 185.
 Панинъ, Валеріанъ Александровичъ 105, 106, 107, 110, 185.
 Панинъ, гр. В. Н. 167.
 Паскевичъ, И. Ѳ. 125 172, 183.
 Панчулидзевъ, Сергѣй Алексѣевичъ 186.
 Пасекъ, Вадимъ Васильевичъ 110.
 Пасекъ, Т. П. 110.
 Пекарскій, П. П. 32.
 Пелегрини, художникъ — 116.
 Первое посланіе цензору, стих. Пушкина 5.
 „Пересмѣшникъ“, 64, 72, 74.
 Пестель, Пав. Ив. 93, 150, 182, 183.
 Петровское, село — 189.
 Петръ Великій, 24, 91.
 Пешурова, Софья Алексѣевна — см. Пальчикова.
 Пешуровъ, Алексѣй Никитичъ 174.
 Писаревъ, А. И. 107.
 Платонъ, митрополитъ 23.
 Плетневъ, П. А. 34, 85.
 Плещеева, Н. А. — см. Дорохова.
 Плещеевъ, 105.
 Плещеевъ, А. А. 196.
 „Плѣшивый щеголь, врагъ труда“, стих. Пушкина 15.
 Побѣдоносцевъ, К. П. 112, 113, 114, 115.
 „Повѣсть о Алиошѣ Поповичѣ богатырѣ“, сказка Чулкова 81.
 Погодинъ, М. П. 34, 103, 109, 111, 168.
 Поджіо, Александръ Викторовичъ 123, 171.
 Поджіо, Іосифъ Викторовичъ 171.
 „Подражаніе Арабскому“, нач. „Отрокъ милый“, стих. Пушкина 18.
 „Подражаніе Данту“, Пушкина 16.
 „Подражаніе италіянскому“, нач. „Какъ съ древа сорвался“, стих. Пушкина 19.
 Подушкинъ, Егоръ Михайловичъ 128, 178.
 Подчаская, Елиз. Петр. — см. гр. Потемкина.
 „Подъ какимъ со звѣздѣмъ“, стих. Пушкина 20.
 „Пока меня безъ милости брать“, стих. Пушкина 20.
 Полевой, Н. А. 48, 49, 50.
 Поливановъ, дѣв. 114.
 Поливановъ, Л. И. 60.
 „Полтава“, 10, 26.

- Полторацкій, Александръ** Александровичъ 178.
- Полторацкій, Михаилъ** Александровичъ 178.
- Поль-Потерь, художн.** 28.
- „Полярная звѣзда“, 1824 г. 40, 41, 48.
- Пономаревъ, С. И.** 86.
- Поповъ, М. В.** 65, 68, 81, 83.
- „Порѣдѣли, побѣдѣли“ (ода LVI. Изъ Анакреона), стих. Пушкина 17, 196.
- „Послѣднія минуты Пушкина“, ст. Жуковского 88.
- Поталовъ, Алексѣй** Никол. 122, 156, 171.
- Потемкина, гр. Елиз. Петр.,** рожд. Подчаская, 165.
- Потемкинъ, гр. Сергѣй** Павловичъ 165.
- „Пошли мнѣ долгу жизнь“, отрыв. стих. Пушкина-19.
- „Предъ испанкой благородной“, стих. Пушкина 15.
- „Примѣры невѣжливости“, замѣтка Пушкина 26.
- „Пріятелямъ“, стих. Пушкина 6.
- „Prologue“, отрывокъ изъ записокъ Пушкина 25.
- „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты“, стих. Пушкина 41.
- „Протекшихъ лѣтъ безумное веселье“, стих. Пушкина 12.
- Прудонъ** 114.
- Пугачевъ** 30, 31.
- „Пускай увѣчанный любовью красоты Въ завѣтномъ золотѣ хранить ея черты“, стих. Пушкина 20.
- „Путешествіе въ Арзрумъ“, Пушкина 196.
- Путята Н. В.** 92, 163.
- Пушкина, рожд. Боборыкина,** 185.
- Пушкина Анна** Ѳеодоровна (по мужу Зубкова) 99, 102, 103, 106, 115, 121, 168.
- Пушкина, Варенька** 103.
- Пушкина, Варвара** Алексѣевна 194.
- Пушкина, Екатерина** Ѳеодоровна (по мужу Евреина) 99, 100, 101, 102.
- Пушкина, Елизавета** Ѳеодоровна (по мужу Штурманова) 99, 101, 102.
- Пушкина, Марья** Ивановна, рожд. кн. Оболенская, 99, 100, 101, 102, 106.
- Пушкина, Над. Ос.** 36.
- Пушкина, Наталья** Абрамовна, рожд. кн. Волконская, 100.
- Пушкина, Нат. Никол.** — 34.
- Пушкина, Софья** Ѳеодоровна (по мужу Панина) — 90, 102, 104, 105, 106, 107, 108, 158, 185.
- Пушкины, С. Л. и Н. О.** 34.
- Пушкинъ, А. С.** 1 — 89, 94, 98, 104, 107, 162, 163, 166, 168, 170, 172, 174, 175, 177, 179, 183, 196.
- Пушкинъ, Алексѣй** Михайловичъ 99, 101.
- Пушкинъ, Григорій** Александровичъ 187 — 195.
- Пушкинъ, Иванъ** Ѳеодоровичъ — 99, 158, 159, 160, 170, 185.
- Пушкинъ, Михаилъ** Алексѣевичъ — 100.
- Пушкинъ, С. Л.** — 35, 88.
- Пушкинъ, Ѳеодоръ** Алексѣевичъ 99, 106.
- Пущина, Александра** Михайловна, рожд. Рябинина, 180.
- Пущина, С. П.,** рожд. Пальчикова, 175, 184.
- Пущину П. С.,** стих. Пушкина 7, 37.
- Пущинъ, Ив. Петр.** — 96, 180.
- Пущинъ, Иванъ** Ивановичъ — 23, 94, 95, 96, 98, 104, 125, 126, 133, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 164, 165, 166, 167, 170, 171, 173, 174, 176, 180, 181, 182, 183, 184.
- Пущинъ, Мих. Ив.** 156, 175, 183, 184.
- Пѣсни, записанныя** Пушкинымъ, 37.
- „Пѣснь о Георгіи Черномъ“, Пушкина 16.
- „Пѣснь о полку Игоревѣ“ 27.
- Рабенеръ, сатирикъ** 50, 51, 57.
- Радищевъ А. Н.** 83.
- Радищевъ Н. А.** 83.

- Раевская, Екатерина Николаевна — см. Орлова.
- Раевскіе бр. 176.
- Раевскій, А. Н. 33, 166.
- Раевскій Н. Н. 1-й — 117, 166, 168.
- Раевскій, Н. Н. 2-й — 33, 34, 42, 166, 173, 183, 196.
- „Разставанье“, стих. Пушкина 13
- „Расходились по поганскому граду“, стих. Пушкина 6.
- Рейнбогъ, Павелъ Евгеньевичъ — 91.
- Ремн-Жилле — 196.
- Реньяръ, авт. 101.
- Римская - Корсакова, Екатерина Александр. (по 1-му мужу Офросимова, по 2-му Алябьева) 107.
- Ровинскій, Александръ Павловичъ — 119, 169.
- Ровинскій, Д. А. 116, 169.
- Родзянко (Арх. Гавр.?) 98.
- „Родословная моего героя“, стих Пушкина 38.
- Розенъ, баронъ А. Е. 166, 169, 180 181, 182.
- Романъ на Кавказскихъ водахъ, программа Пушкина 23.
- „Ромео и Юльета“, Шекспира — 26.
- Роппольтъ, литографъ — 116.
- „Россійская Академія“, статья Пушкина 85, 89.
- „Румяный критикъ мой“, стих. Пушкина — 12.
- „Русланъ и Людмила“, Пушкина 22, 36, 59 — 84.
- „Русскій Пеламъ“, наброски повѣсти — 23.
- „Русскія сказки, содержащія древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ, сказки народные и прочія, оставшіяся черезъ пересказыванье въ памяти приключенья“, Чулкова, 61—62, 65, 67, 68, 69, 72, 74, 75, 80, 83.
- Рылѣевъ, Кондратій Федоровичъ — 45, 149, 166, 168, 179, 182.
- „Рѣшилъ Фигляринъ, сидя дома“, стих. Пушкина — 13, 14.
- Рябинина, Алекс. Михайл. — см. Пуцина.
- Сабанѣева, Е. А. 107.
- Сабуровъ, Андрей Ивановичъ — 156, 183.
- Сабуровъ (Я. Н.?) 36.
- Сазоновъ, фабр. 44.
- Салтыкова, графиня Александра Григорьевна — см. Колошина.
- Салтыковъ, М. Е. 51.
- Сарачинская, Екатерина Михайловна, рожд. Голенищева-Кутузова 186.
- Сарачинскій, Илья Степановичъ 158, 186.
- Свербеевъ, Д. Н. 164, 175.
- Сверчковъ, ротм. 196.
- Свининъ, Петръ Павловичъ — 117, 162.
- „Сегодня я поутру дома“, стих. Пушкина — 5.
- Сэй, Жанъ-Батистъ — 93, 137, 138, 180.
- Селезневъ, И. Я. 196.
- Семевскій, В. И. — 163.
- Семеновъ, Николай Петровичъ — 196.
- Семеновъ, Петръ Петровичъ — 196.
- Семеновъ, Степанъ Михайловичъ — 96, 117, 118, 119, 125, 133, 136, 138, 139, 164, 165, 175.
- Сенявинъ — 176.
- Сиповскій, В. В. 53, 84.
- Сисмонди, — 93, 137, 138, 180.
- Сихлеръ, m-me — 16.
- „Сказка о золотомъ пѣтушкѣ“, Пушкина 82.
- „Сказка о мертвой царевнѣ“, Пушкина 82.
- „Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ“, Пушкина 81, 83.
- „Сказка о царѣ Салтантѣ“, Пушкина 82.
- „Славная флейта, Феонъ“, стих. Пушкина 16.
- „Славянскія древности“, 65, 66, 67, 68, 69, 72, 81, 83.

„Слово о полку Игоревѣ“ — 36.
 Смирновъ, Никол. Мих. — 24.
 Смитъ, Адамъ — 180.
 Соболевскій, Дмитрій Михайловичъ, худ. — 95, 126, 172.
 Соболевскій, С. А. — 103, 104.
 „Современникъ“, ж. Пушкина 85 — 89.
 Соединенныхъ Славянъ лежа — 93.
 „Созданіе міра“, отрывокъ Пушкина 22.
 „Сокращеніе, учиненное изъ летописи деревни Кверлевичъ“, соч. Рабенера. 50 и сл.
 Соломонъ, штабъ-лѣкарь, 110.
 Сонцовъ М. М. 103,
 „Сонъ“, стих. Пушкина — 79.
 Соротъ, рѣка — 188, 189.
 Спиноза — 164.
 Срезневскій Вс. Изм. 38, 46.
 „Стамбуль гауры нынче славятъ“, стих. Пушкина 15.
 „Стансы“ (Въ надеждѣ славы и добра), стих. Пушкина 8.
 Стахій, протоіерей 131, 178.
 „Стихи, сочиненные ночью, во время безсонницы“, Пушкина 14.
 „Странникъ“ (Изъ Буньяна), стих. Пушкина 17.
 Страховъ, Н. Н. 47, 48, 49.
 Сукинъ, Александръ Яковлевичъ — 178.
 Сумцовъ Н. Ѡ. 81, 82.
 Сѣмечкина Тат. Бор., рожд. Данзасъ — 95, 115, 116.
 „Сѣтованія“, стих. Пушкина 4.
 Сыганъ-лу, горный хребетъ — 11.
 „Таврическая звѣзда“, стих. Пушкина — 3.
 Талисманъ, стих. Пушкина 8, 9.
 Тассо 63.
 Татищевъ, гр. Александръ Ивановичъ 133, 179, 183.
 Тверь — 32.
 Тимашева, Е. А. 107.
 Титовъ, А. А. 172.

„Тогда я демоновъ увидѣлъ“, стих. Пушкина 16.
 Толстая, Агр. Степ. 103.
 Толстой, гр. Егоръ Петровичъ 120, 170.
 Толстой, гр. Ив. Петр. — 120, 170.
 Толстой, Я. Н. — 36, 37, 98.
 Толь, гр. Ѡ. К. — 176.
 „Только что на проталинахъ весеннихъ“, стих. Пушкина 7.
 Тормасовъ, гр. — 166.
 Тригорское, село 187, 189.
 Троицкій, А. Г. — 196.
 Троицкій, Г. А. — 196.
 Трубецкая, княгиня Нат. Ив., рожд. гр. Лаваль, 182.
 Трубецкой, кн. Никита Петр. 165.
 Трубецкой, кн. Сергѣй Петровичъ — 98, 147, 163, 165, 180, 181, 182.
 Тургеневъ, Александръ Ивановичъ — 101, 165.
 Тургеневъ, Николай Ив. — 163, 165.
 Туркестанова, княжна В. Н. 102.
 Тучковъ, Алексѣй Алексѣевичъ 127, 175.
 Тучковъ, П. А. — 92.
 „Ты рождена воспламенять“ (Гречанкѣ), стих. Пушкина 40.
 „1001 ночь“, сказки 82.
 Тьерри — 49.
 Тютчевъ, Иванъ Николаевичъ 158, 185.
 Тютчевъ, Николай Ивановичъ 185.
 Тютчевъ, Ѡедоръ Ивановичъ 185.
 Уваровъ, А. Ѡ. генераль 91.
 Уваровъ, С. С. 85, 86.
 „Увы, зачѣмъ она блеститъ“, стих. Пушкина — 40.
 „Узнаемъ коней ретивыхъ“ (изъ Анакреона), стих. Пушкина — 18.
 Улыбашевъ, членъ „Зеленой Лампы“, 98.
 „Урну съ водой уронивъ“, стих. Пушкина — 12.
 „Уродился я бѣдный недоносокъ“, стих. Пушкина 23.

- Урусовъ**, князь Михаилъ Александровичъ 122, 171.
- Ухтомская**, княг. Марья Дм., рожд. кн. Голицына, 103.
- Ухтомскій**, князь Александръ Ивановичъ 103.
- Ушаковъ**, Алексѣй Павловичъ 156, 183.
- „**Фигляринъ пишетъ, сидя дома**“, стих. Пушкина — 15.
- Флоріанъ** — 62.
- Фокъ**, Екатерина Ивановна, рожд. Осыпова, 188, 189.
- Фонвизина**, Наталья Дмитриевна, рожд. Апухтина, 170, 171.
- Фонвизинъ**, Дмитрій Михайловичъ, 171.
- Фонвизинъ**, Михаилъ Александровичъ — 120, 121, 122, 143, 170, 172.
- Фонвизинъ**, Михаилъ Михайловичъ, 171.
- Фурнье** 143.
- Фуррье** 114.
- Херасковъ**, Мих. Матв. — 61, 83.
- Хитрово**, Елиз. Мих. — 23.
- Хованская**, кн. Марья Сергѣевна — см. **Карь**.
- Ховрина**, Александра 114.
- Ховрина**, Лидія 114.
- „**Хотѣлъ я душу освѣжить**“, стих. Пушкина 16.
- „**Хотя стишки на именины**“, стих. Пушкина 37.
- Хотянинцевъ** — 177.
- „**Художнику**“ (нач.: **Грустенъ и веселъ вхожу**“), стих. Пушкина — 19.
- Царское Село**, 11, 25, 29.
- „**Царь-дѣвица**“, Державина 78, 83.
- „**Цезарь путешествовалъ**“, отрывокъ, Пушкина 21.
- Чаадаевъ**, П. Я. — 35, 36.
- Черкасскій**, князь Ал-ръ Борис. — 158, 159, 160, 185.
- Черкасскій**, князь Петръ Дмитриевичъ — 94, 95, 96, 118, 126, 142, 168, 175, 185.
- Чернышевъ**, кн. Александръ Ивановичъ 133, 167, 179.
- Черняевъ**, Н. И. — 49, 50, 60.
- „**Чиновникъ и поэтъ**“, стих. Пушкина — 17.
- „**Чистый лоснится полъ**“ (изъ Ксенофана Колофонскаго), стих. Пушкина 17.
- Чичеринъ**, генералъ 141.
- Чичеринъ**, Б. Н. 90, 111.
- „**Что же сухо въ чашѣ дно**“ (Ода LVII. Изъ Анакреона), стих. Пушкина 18.
- „**Что съ тобой, скажи мнѣ, братецъ**“, стих. Пушкина 3.
- Чулковъ**, Мих. Дм. — 61, 62, 63, 64, 65, 68, 73, 75, 79, 80, 81, 83.
- Шапошникова**, Марія Михайловна (по мужу Зубкова) — 91.
- Шапшъ**, аббатъ — 30.
- Шахматова**, Евгения Александровна — см. Масальская-Сурина.
- Шаховская**, княгиня Елиз. Александр., рожд. Муханова — 169.
- Шаховской**, кн. Валентинъ Михайловичъ — 120, 169.
- Шаховской**, кн. Ѳеодоръ Петров. 92, 93, 125, 135, 137, 144, 172, 176.
- Шевырева**, рожд. Зеленская — 173.
- Шевыревъ**, Степ. Петр. — 173.
- Шекспиръ** — 26.
- Шенрокъ** В. И. — 171.
- Шервудъ-Вѣрный** — 184.
- Шереметева**, домовл. — 109.
- Шереметева**, Анастасія Васильевна — см. **Якушкина**.
- Шереметевъ**, Алексѣй Васильевичъ — 185.
- Шереметевъ**, В. А. — 180.
- Шефферъ**, Петръ Николаевичъ — 60, 61, 75.
- Шильдеръ**, Н. К. 163, 175.
- Шишковъ** 178.
- Шишковъ**, А. С. 89, 171.

- Шишковъ**, Семень Ардалыоновичъ 122, 171.
- Шляпкинь**, Илья Александр. 3, 6, 16, 20, 87.
- Шокальская**, Екатерина Ермолаевна, рожд. Кернь, 189.
- Шокальскій**, Юлій Мих. 195.
- Штейнгель**, баронъ В. И. 96, 98, 117, 166, 179, 181, 182, 183.
- Штурманова**, Елизавета Федоровна, рожд. Пушкина — 99, 101, 102.
- Штурмановъ**, Алексѣй Александровичъ 101.
- Шульгинъ**, Александръ Сергѣевичъ 169.
- Шульгинъ** Дмитрій Ивановичъ 119, 169.
- „**Щастливъ, кто избранъ своенравно**“, стих. Пушкина — 9.
- Щеголевъ**, Пав. Елисеѣв. — 163, 176.
- Щербатовъ**, В. Ф. — 104.
- Щербатовъ**, кн. А. Л. 102.
- Щербининъ**, Михаилъ Андреевичъ — 3.
- Щукинъ**, Петръ Ивановичъ — 177, 181, 184.
- Щупеникова** Марья Александровна — см. **Вакунина**.
- „**Экспромптъ Гнѣдичу**“, Пушкина — 36.
- „**Элегія**“ („Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье“), стих. Пушкина 12.
- „**Элегія**“, нач. „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты“, стих. Пушкина — 41.
- „**Элегія**“, нач: „Увы, зачѣмъ она блеснить“, стих. Пушкина — 40.
- „**Юдишь**“, стих. Пушкина — 17.
- „**Юноша, скромно пируй**“, стих. Пушкина — 16.
- Юсуповъ**, кн. Н. Б. — 172.
- „**Я думалъ, сердце позабыло**“, стих. Пушкина 29 — 30.
- „**Язвительный поэтъ, острякъ замысловатой**“ (Кн. П. А. Вяземскому), стих. Пушкина — 5.
- „**Я знаю край**“, стих. Пушкина — 9.
- Якобсонъ**, Г. Г. 112.
- Яковлевъ**, 158.
- Якубовичъ**, Александръ Ивановичъ — 146, 149, 150, 151, 152, 154, 177, 180, 181, 182.
- Якубовичъ**, Ив., отецъ декабриста, 149.
- Якушкина**, Анастасія Васильевна, рожд. Шереметева — 185.
- Якушкинъ**, Иванъ, Дмитріевичъ 121, 162, 163, 166, 169, 170 — 171, 178, 185.
- Янькова**, Е. П. 102, 103, 106.
- „**Я помню дѣву, юности прелестной**“, стих. Пушкина 14.
- „**Я помню чудное мгновенье**“, стих. Пушкина — 6.

